

КОРОЛЬ ЛІЧНОСТІ

АНА ХУАНЕ

<https://mefecstasybooks>

У него была она, но он потерял ее... и он сделает все, чтобы вернуть ее. Влиятельный, гениальный и амбициозный, Доминик Дэвенпорт пробил себе дорогу из ничего, чтобы стать королем Уолл-стрит. У него есть все — красивый дом, прекрасная жена и больше денег, чем он может потратить за всю жизнь. Но независимо от того, сколько у него денег, он не знает счастья. В своем бесконечном стремлении к большему, он отталкивает от себя единственного человека, который видит в нем свою ценность. Добрая, умная и заботливая Алессандра Дэвенпорт долгие годы играла роль трофенной жены. Она поддерживала своего мужа, пока он строил империю, но теперь, когда они достигли вершины, она понимает, что он уже не тот мужчина, в которого она влюбилась. Когда становится ясно, что она всегда будет на втором месте после его работы, она наконец-то берет ответственность за свою жизнь в свои руки и ставит себя на первое место — даже если это означает расставание с единственным мужчиной, которого она когда-либо любила.

Ана Хуанг

Король алчности

СЕРИЯ: Короли греха #3

ПЕРЕВОД ГРУППЫ: t.me/ecstasybooks

*Любимые, просим **НЕ** использовать русифицированные обложки в таких социальных сетях как: Инстаграм, Тик-Ток, Фейсбук, Твиттер, Пинтерест.*

СПАСИБО БОЛЬШОЕ за понимание и чтение наших переводов!

*Знай свою ценность и никогда не соглашайся на меньшее,
чем ты заслуживаешь.*

ПЛЕЙЛИСТ

Million Dollar Man

Lana Del Rey

Cold

Maroon 5 feat. Future

Same Old Love

Selena Gomez

Love Me Harder

Ariana Grande & The Weekend

Unappreciated

Cherish

Just Give Me a Reason

Pink feat. Nate Ruess

Dancing with a Stranger

Sam Smith & Normani

Without You

Mariah Carey

Love Don't Cost a Thing

Jennifer Lopez

We Belong Together

Mariah Carey

Revival

Selena Gomez

Two Minds

Nero

Lose You to Love Me

Selena Gomez

Amor I Love You

ГЛАВА 1

Александра

Когда-то давно я любила своего мужа.

Его красоту, его амбиции, его интеллект. Полевые цветы, которые он срывал для меня по дороге домой с ночной смены, и нежные поцелуи, которыми он осыпал мое плечо, когда я упорно отказывалась слышать будильник.

Но это было давно, и теперь, когда я наблюдаю, как он впервые за несколько недель вошел в дверь, все, что я чувствую, — это глубокая, тупая боль в тех местах, где когда-то жила любовь.

— Ты рано вернулся, — сказала я, несмотря на то, что было около полуночи. — Как идут дела?

— Хорошо, — Доминик сбросил пальто, обнажив безупречный серый костюм и белоснежную рубашку. Оба сшиты на заказ, оба стоят около четырехзначной суммы. Только лучшее для Доминика Дэвенпорта, так называемого короля Уолл-стрит. — Работа как работа.

Он небрежно поцеловал меня в губы. Знакомый запах цитрусовых и сандалового дерева коснулся моих чувств и заставил сердце сжаться. Доминик пользовался одним и тем же парфюмом с тех пор, как я подарила его ему десять лет назад во время нашей первой поездки в Бразилию. Раньше я считала такую верность романтической, но новый циник во мне прошептал, что это было только потому, что он не мог потрудиться найти новый аромат.

Доминику было безразлично все, что не приносило ему денег.

Он окинул взглядом испачканные помадой бокалы для вина и остатки китайской еды на вынос на журнальном столике. Наша домработница была в отпуске, и я как раз убирала, когда Доминик вернулся домой.

— У тебя были друзья? — спросил он, и в его голосе прозвучала лишь легкая заинтересованность.

— Только девочки.

Мы с подругами отпраздновали финансовую веху для моего малого бизнеса по производству прессованных цветов, которая приближалась к своей двухлетней годовщине, но я не удосужилась поделиться.

— Мы должны были пойти на ужин, но вместо этого в последнюю минуту решили остаться дома.

— Звучит неплохо, — Доминик уже перешел к своему телефону. У него была строгая политика отсутствия электронной почты, поэтому он, вероятно, проверял азиатские фондовые рынки.

В моем горле образовался ком.

Доминик был все так же потрясающе красив, как и тогда, когда я впервые увидела его в библиотеке нашего колледжа.

Темно-русые волосы, темно-синие глаза, скульптурное лицо с полупрезрительным задумчивым выражением. Со стороны это было не легко улыбающееся лицо, но мне это в

нем и нравилось. В этом не было никакой фальши; если Доминик улыбался, то искренне.

Когда мы в последний раз улыбались друг другу, как раньше?

Когда он в последний раз прикасался ко мне? Не для секса, а для простого ласкового взаимодействия.

Узел затянулся сильнее, ограничивая поток кислорода. Я проглотила его и заставила свои губы изогнуться вверх.

— Кстати об ужине, не забудь о нашей поездке в эти выходные. У нас забронирован столик на вечер пятницы в Вашингтоне.

— Я не забуду, — он что-то нажал на экране.

— Дом, — мой голос стал тверже. — Это важно.

За эти годы я мирилась с десятками пропущенных свиданий, отмененных поездок и невыполненных обещаний, но наша десятилетняя годовщина свадьбы была единственной в своем роде. Ее нельзя было пропустить.

Доминик наконец-то взглянул вверх.

— Я не забуду. Обещаю. — Что-то промелькнуло в его глазах. — Уже десять лет. В это трудно поверить.

— Да, — мои щеки могут треснуть от силы моей улыбки. — Это так, — я колебалась, а затем добавила: — Ты голоден? Я могу разогреть немного еды, а ты расскажешь как прошёл твой день.

У Доминика была плохая привычка забывать покушать, когда он работал. Зная его, можно было предположить, что после обеда он не прикасался ни к чему, кроме кофе. Когда он только начинал, я приходила в офис и следила за тем, чтобы он поел, но эти визиты прекратились после того, как Davenport Capital взлетел, и он стал слишком занят.

— Нет, у меня есть дела с клиентом, о которых нужно позаботиться. Я перехвачу что-нибудь позже, — Доминик вернулся к своему телефону, нахмутив брови.

— Но...

Я думала, ты уже закончил работу на сегодня. Разве не поэтому ты дома?

Я воздержалась от своего вопроса. Не было смысла спрашивать о том, на что я уже знала ответ.

Доминик никогда не заканчивал с работой. Она была самой требовательной любовницей в мире.

— Не жди меня. Я некоторое время пробуду в своем кабинете, — его губы коснулись моей щеки, когда он проходил мимо меня. — Спокойной ночи.

Дом уже ушел к тому времени, когда я ответила:

— Спокойной ночи.

Слова эхом разошлись в нашей роскошной, пустой гостиной. Это была первая ночь, когда я ещё не спала и увидела Доминика дома за последние несколько недель, и наш разговор закончился, не успев начаться.

Я сморгнула появляющиеся слезы. Что с того, что мой муж казался незнакомцем? Я и сама иногда чувствовала себя чужой, когда смотрела в зеркало.

В конце концов, я была замужем за одним из самых богатых людей на Уолл-стрит, жила в роскошном доме, за который большинство людей готовы были бы убить, и владела небольшим, но процветающим бизнесом, занимаясь любимым делом. У меня не было веских причин плакать.

Соберись.

Я глубоко вздохнула, расправила свои плечи и убрала пустые коробки из-под еды с журнального столика. К тому времени, как я закончила уборку, ощущение сильного давления исчезло, как будто его там и никогда не было.

ГЛАВА 2

Доминик

Существует старая поговорка, что беда не приходит одна, и если бы я не был столь презрителен к суевериям, то, возможно, поверил бы в них после такого дерьмового дня.

Сначала из-за нелепого технического сбоя в первой половине дня у нас отказали системы электронной почты и календаря, и мы потратили несколько часов на то, чтобы привести все в порядок.

Затем один из моих лучших трейдеров уволился, потому что он «перегорел» и «нашел свое истинное призвание» в качестве гребаного учителя йоги.

Теперь, за час до закрытия американских рынков, просочилась новость о том, что компания, в которой у меня есть значительная часть акций, расследуется Комиссией по ценным бумагам и биржам. Акции находились в состоянии свободном падении, что означало, что стоимость нашей компании снижалась с каждой минутой, и мои планы уйти раньше распались быстрее, чем папиросная бумага в стиральной машине. Как генеральный директор крупного финансового конгломерата, я не мог позволить себе роскошь делегировать полномочия по управлению кризисом.

— Говори.

Быстрыми шагами я за тридцать секунд добрался из своего офиса на три этажа ниже на встречу к экстренному заседанию сотрудников. Мои мышцы сжались так сильно, что это было чудом, когда их не свело судорогой. Я потерял миллионы за считанные минуты, и не было времени ходить вокруг да около.

— Ходят слухи, что Комиссия по ценным бумагам и биржам усердно работает над этим вопросом, — Кэролайн, глава моего штаба, с легкостью соответствовала моему темпу. — Новый председатель хочет произвести эффектное первое впечатление. Что может быть лучше, чем сразиться лицом к лицу с одним из крупнейших банков в стране?

Ради всего святого. Это всегда были новички, которые терпели крах в течение первого года обучения, как слон в фарфоровом магазине. У меня были хорошие отношения со старым председателем, но новый был чертовой занозой в заднице, а он был на должности всего три месяца.

Я посмотрел на часы, открывая дверь в конференц-зал для руководителей. Четверть третьего. Я должен был вылететь в Вашингтон с Алессандрой в шесть. Если я сокращу встречу и поеду прямо в аэропорт, а не заеду сначала домой, как изначально планировал, я все еще могу успеть.

Черт возьми. Почему председатель решил испортить все именно в годовщину моей свадьбы?

Я сел во главе стола и потянулся за зажигалкой. На данный момент это был инстинкт; мне даже не нужно было думать об этом.

— Назовите мне цифры.

Мысли о Вашингтоне и предстоящих рейсах растаяли, когда я щелкал зажигалкой, в то время как моя команда обсуждала все за и против того, чтобы изменить нашу позицию в банке или переждать шторм. Во время чрезвычайных ситуаций нет места для личных забот, а тяжелый, утешительный вес серебра сосредоточил мои мысли на поставленной задаче, а не на коварном шепоте, заполнявшем мой мозг.

Он всегда были рядом, наполняя мою голову сомнениями о том, что одно неверное решение — и я потеряю все. Что я был и всегда буду объектом шуток, приемным ребенком, от которого отказалась родная мать и который закончил шестой класс со второго раза.

— Проблемный ученик, — упрекали мои учителя.

— Идиот, — издевались мои одноклассники.

— Бездельник, — вздыхал мой консультант по профориентации.

Громче всего голоса звучали в моей голове во время кризиса. Я правил многомиллиардной империей, включавшей десятки дочерних компаний и сотни тысяч сотрудников, разбросанных по всему миру, но я ежедневно ходил по коридорам с нависшей надо мной перспективой краха.

Открыть. Закрыть. Открыть. Закрыть. Скорость моих щелчков возрастала в соответствии с учащенным сердцебиением.

— Сэр, — голос Кэролайн прорвался сквозь шум в моих ушах. — Каков ваш вердикт?

Я прогнал нежелательные воспоминания, затаившиеся в уголках моего сознания. Комната снова вернулась в фокус, демонстрируя тревожные и многообещающие взгляды на лицах моей команды.

Некоторое время спустя, кто-то вытащил презентацию, хотя я неоднократно говорил, что ненавижу слайды. Правая часть была заполнена успокаивающей смесью диаграмм и

цифр, но левая содержала несколько длинных пунктов.

Предложения поплыли передо мной. Они выглядели неправильно; я был уверен, что мой мозг добавил одни слова и стер другие. Затылок стал горячим, а сердце билось с таким бешеным ритмом, что казалось, будто оно пытается пробить мне грудную клетку и одним махом выбить слова с экрана.

— Что я говорил о формате презентации? — я едва слышал себя из-за шума. Он становился все громче с каждой секундой, и лишь болезненное сжатие зажигалки не давало мне сбиться с толку. — Ничего. Только ключевые пункты.

Я выкрикнул эти слова, и в комнате воцарилась смертельная тишина.

— П-простите, сэр, — аналитик, который представлял слайды, побледнел. — Моя ассистентка...

— Мне плевать на твою ассистентку, — я вел себя как мудака, но у меня не было времени сожалеть об этом. Не тогда, когда мой желудок скручивало, и пробиравлась за висок.

Открыть. Закрыть. Открыть. Закрыть.

Вместо этого я повернул голову и сосредоточился на графиках. Переключение фокуса в сочетании со щелчками зажигалки успокоил меня настолько, что я снова ясно мыслил.

Комиссия по ценным бумагам и биржам. Падение акций. Что делать с нашей позицией.

Я никак не мог полностью избавиться от ощущения, что однажды облажаюсь так по-королевски, что разрушу все, что у меня есть, но это будет не сегодня.

Я знал, что делать, и когда изложил свою стратегию удержания позиций, я вытеснил все остальные голоса из головы, включая тот, который говорил мне, что я забываю что-то чертовски важное.

ГЛАВА 3

Александра

Он не пришел.

Я сидела в гостиной, моя кожа была ледяной, когда я смотрела, как проходят считанные

минуты. Было уже восемь вечера. Мы должны были выехать в Вашингтон два часа назад, но я не видела и не слышала от Доминика ничего с тех пор, как он уехал на работу этим утром. Мои звонки переходили на голосовую почту, и я отказалась звонить в его офис, как какая-то случайная знакомая, просящая уделить минуту времени великого Доминика Дэвенпорта.

Я была его женой, черт возьми. Я не должна преследовать или догадываться о его местонахождении. С другой стороны, не нужно быть гением, чтобы догадаться, чем Доминик сейчас занимается.

Работает. Всегда работает. Даже и в нашу десятилетнюю годовщину. Даже после того, как я попыталась подчеркнуть, насколько важна эта поездка.

Наконец-то у меня появилась веская причина плакать, но слез не было. Я просто почувствовала... онемение. Часть меня ожидала, что он забудет или отложит, и разве это не самое печальное?

— Миссис Дэвенпорт! — наша домработница, Камила, вошла в комнату, держа в руках свежестыранное белье. Она вернулась из отпуска прошлой ночью и провела день, наводя порядок в пентхаусе. — Я думала, Вы уже ушли.

— Нет, — мой голос звучал странно и пусто. — В конце концов, я не думаю, что поеду куда-нибудь в эти выходные.

— Почему... — она оторвалась, ее орлиные глаза пристально смотрели на багаж рядом с диваном и на мою руку на коленях, стиснутую побелевшими костяшками пальцев. Ее круглое, строгое лицо смягчилось смесью сочувствия и жалости. — Ах. В таком случае я приготовлю для ужина. Мокека (прим. бразильское рагу из морепродуктов). Ваше любимое блюдо, хм?

По иронии судьбы, рагу из рыбы было тем, что готовила мне моя бывшая домработница из детства, когда у меня было разбито сердце из-за парня. Я не была голодна, но и сил спорить у меня не было.

— Спасибо, Камила.

Пока она скрылась на кухне, я пыталась разобраться в хаосе, творящемся в моем мозгу.

Отменить все наши бронирования или подождать? Доминик просто опаздывает или вообще не собирается в поездку? Хочу ли я вообще отправиться в это путешествие сейчас, даже если он все же поедет?

Мы с Домиником должны были провести выходные в Вашингтоне, где мы встретились и поженились. Я все спланировала — ужин в семейном ресторане, где у нас было первое свидание, номер в уютном отеле, и никаких телефонов или работы. Это не было изысканно, но это было интимно и непринужденно, и это должно было стать *нашим* путешествием. Поскольку наши отношения с каждым днем становились все хуже и хуже, я надеялась, что это снова нас сблизит. Заставит влюбиться так, как раньше, целую вечность назад.

Но я поняла, что это невозможно, потому что ни один из нас не был тем человеком, которым мы были раньше. Доминик не был тем парнем, который сделал сотню вырезок из бумаги, делая оригами из моих любимых цветов на мой день рождения, а я не была той девушкой, которая плыла по жизни со звездами и мечтами в ее глазах.

— У меня пока нет денег, чтобы купить тебе все цветы, которых ты заслуживаешь, — сказал он, звуча так торжественно и официально, что я не могла не улыбнуться от контраста между его тоном и баночкой с разноцветными бумажными цветами в его руках. — Поэтому вместо этого я сделал их.

У меня перехватило дыхание.

— Дом...

Там, должно быть, были сотни цветов. Я не хотела думать о том, сколько времени он потратил на их изготовление.

— С днем рождения, атор (прим. любовь моя), — его губы задержались на моих в долгом, сладком поцелуе. — Однажды я куплю тебе тысячу настоящих роз. Обещаю.

Это обещание он сдержал, но с тех пор нарушил еще тысячу других.

Соленая капля наконец скатилась по моей щеке и вывела меня из оцепенения.

Я поднялась, с каждым шагом дыша все глубже, и быстро подошла к ближайшей ванной комнате. Камила и персонал были слишком заняты, чтобы заметить мой тихий срыв, но я не могла смириться с мыслью о том, что буду плакать одна в гостиной, окруженная багажом, который никуда не денется, и надеждами, которые были разбиты слишком много раз, чтобы можно было их починить.

Да, так бессмысленно.

Что заставило меня думать, что сегодняшний вечер будет другим? Наша годовщина, вероятно, значила для Доминика столько же, сколько случайный ужин в пятницу вечером.

Тупая боль обострилась до остроты ножей, когда я заперла за собой дверь ванной комнаты. Мое отражение смотрело на меня из зеркала. Каштановые волосы, голубые глаза, загорелая кожа. Я выглядела так же, как и всегда, но я едва узнала себя. Это было похоже на то, как если бы я увидела незнакомку в своем лице.

Где была та девушка, которая оттолкнула мамины мечты о модельной карьере и настояла на том, чтобы вместо этого пойти в колледж? Которая жила с безграничной радостью и безудержным оптимизмом, и которая когда-то бросила парня за то, что он забыл о ее дне рождения? Эта девушка никогда бы не сидела сложа руки, в ожидании мужчины. У нее были цели и мечты, но где-то по пути они отошли на второй план, уступив место амбициям ее мужа.

Если бы я угождала ему, если бы организовала правильные ужины с нужными людьми, если бы налаживала связи, я бы была бы ему полезна. Годами помогая Доминику осуществлять его мечты, я не просто жила, а служила определенной цели.

Алессандра Феррейра ушла, ее заменила Алессандра Дэвенпорт. Жена, хозяйка, светская львица. Кто-то, кого можно было определить только благодаря ее браку с Домиником Дэвенпортом. Все, что я делала в течение последних десяти лет, было ради него, а он даже не потрудился позвонить и сказать, что опоздает на нашу чертову десятилетнюю годовщину.

Плотину прорвало.

Одинокая слеза превратилась в две, затем в три, затем в целый поток, когда я опустилась на пол и заплакала. Каждое разбитое сердце, каждое разочарование, каждый кусочек грусти и обиды, которые я таила в себе, вылились рекой горя, переплетенной с гневом. За эти годы я столько накопила в себе, что боялась утонуть в волнах собственных эмоций.

Холодная, твердая плитка неприятно коснулась задней части моих бедер. Впервые за целую вечность я позволила себе *чувствовать*, и вместе с этим пришла ослепительная ясность.

Я так больше не могу.

Я не могу провести остаток своих дней, занимаясь делами и притворяясь счастливой. Мне нужно вернуть контроль над своей жизнью, даже если это означало разрушить то, что я

имею сейчас.

Я была пустой и хрупкой, миллионом разбитых осколков, которые было слишком больно собирать.

Мои рыдания в конце концов замедлились, а затем совсем стихли, и, прежде чем я успела усомниться в себе, я приподнялась с пола и вернулась обратно в холл. В пентхаусе круглый год поддерживалась идеальная температура в семьдесят три градуса (*прим.* 23 °C), но по моему телу пробежала легкая дрожь, когда я взяла из спальни то, что мне было нужно. Остальные мои самые необходимые вещи уже были упакованы и ждали в гостиной.

На данном этапе я не позволяла себе думать, чтобы не струсить.

Когда я потянула за ручку чемодана, мне бросился в глаза знакомый блеск. Я уставилась на свое обручальное кольцо и новая боль пронзила мою грудь, когда оно сверкнуло, словно умоляя меня передумать.

Я колебалась на долю секунды, прежде чем сжала челюсть, сняла кольцо с пальца и положила его рядом с нашей с Домиником свадебной фотографией на каминной полке.

Тогда я наконец сделала то, что должна была сделать давным-давно.

Я ушла.

ГЛАВА 4

— Але! — мой голос эхом разнесся по пентхаусу. — Я дома.
Тишина.

Я нахмурил брови. Алессандра обычно оставалась в гостиной, пока не наступало время ложиться спать, а для неё это было слишком рано. Мое экстренное рабочее совещание перешло во второе экстренное заседание после того, как несколько инвесторов позвонили, паникуя из-за падения акций. Однако было всего лишь половина девятого. Алессандра должна была быть здесь, если только снова не ушла куда-нибудь со своими друзьями.

Я бросил пальто на бронзовый коврик у двери и ослабил галстук, пытаясь игнорировать

навязчивое ощущение, что что-то не так. Было трудно адекватно мыслить после адреналинового всплеска, вызванного работой.

У меня чуть не случился сердечный приступ, когда Алессандра впервые пошла в клуб с Вивиан, и ничего мне не сказала. Я пришел домой пораньше, не увидел ее и начал думать о худшем. В итоге я обзвонил всех чертовых людей из своей телефонной книги, пока она наконец, не перезвонила и не заверила, что с ней все в порядке.

Я потянулся к своему мобильному только для того, чтобы вспомнить, что он разрядился еще днем. У меня не было времени его зарядить среди всего этого хаоса.

Черт возьми.

— Але! — снова позвал я. — Где ты, *amor*?

Ответа по-прежнему не было.

Я пересек гостиную и поднялся по лестнице на второй этаж. За сорок миллионов долларов было куплено немало привилегий на Манхэттене, в том числе частный этаж с отдельным лифтом, двенадцать тысяч квадратных футов на двух этажах и потрясающие виды, охватывающие реку Гудзон на юге, мост Джорджа Вашингтона на севере и Нью-Джерси на западе.

Я почти ничего из этого не заметил. Мы не будем жить здесь вечно; я уже присмотрел большой и еще более дорогой пентхаус, который в настоящее время находился на стадии строительства компанией Archer Group. Неважно, что дома я проводил лишь малую часть своего времени. Недвижимость была символом, и если она не была лучшей, то мне это не было нужно.

Я открыл двери в главную спальню и ожидал увидеть Алессандру, свернувшуюся калачиком в постели или читающую в кресле, но там было так же пусто, как и в гостиной.

Мой взгляд остановился на чемодане, стоящем у шкафа. Именно его я обычно брал с собой в короткие поездки. Почему...

Моя кровь превратилась в лед.

Вашингтон. Юбилей. Шесть вечера. Неудивительно, что я весь вечер ходил с надвигающимся чувством страха. Я забыл о нашей чертовой годовщине свадьбы.

— *Черт возьми,* — я вытащил свой телефон только для того, чтобы вспомнить, что он разряжен.

Новые ругательства вырвались наружу, когда я дергал различные ящики в поисках зарядного устройства, а в голове прокручивался наш разговор с вечера среды.

Дом. Это важно.

Я не забуду. Обещаю.

Густой, скользкий страх сжал мой желудок. Я и раньше пропускал свидания. Я не гордился этим, но чрезвычайные ситуации, возникающие в последнюю минуту, были частью моей работы, и Алессандра, казалось, всегда относилась к этому спокойно. У меня было неприятное ощущение, что на этот раз все по-другому, и не только потому, что это была наша годовщина.

Я наконец нашел зарядное устройство и подключил свой телефон. После того, что казалось вечностью, он получил достаточно заряда, чтобы замигать.

Шесть пропущенных звонков от Алессандры, все они были получены между пятью и восемью часами вечера. С тех пор ничего.

При попытке перезвонить ей, я сразу попадал на голосовую почту. Я выругался еще раз и остановился на втором лучшем варианте: ее друзьях. У меня не было их номеров, но, к

счастью, я знал человека, у которого они были.

— Это Доминик, — грубо сказал я, когда Данте ответил на мой звонок. — Вивиан там? Мне нужно с ней поговорить.

— Тебе тоже добрый вечер, — проворчал он. Данте Руссо был другом, давним клиентом и генеральным директором крупнейшего в мире конгломерата предметов роскоши. Самое главное, он был женат на Вивиан, с которой Алессандра довольно сблизилась за последний год. Если кто и знал, где моя жена, так это она. — Скажи мне, почему именно тебе нужно поговорить с Вивиан так поздно в пятницу вечером?

Намек на подозрение просочился в его голосе. Он яростно защищал свою жену, что было иронично, учитывая, что он вообще не хотел на ней жениться, когда они обручились.

— Речь идёт об Алессандре, — я не предоставил никаких дополнительных подробностей. Мой брак был не его чертовым делом.

В ответ последовала короткая пауза:

— Подожди.

— Привет? — элегантный, приятный голос Вивиан послышался на линии через две секунды.

— Алессандра с тобой? — я пропустил любезности и перешел сразу к делу. Мне было все равно, что она сочтет меня грубым; я заботился только о том, чтобы найти свою жену. Было поздно, она была расстроена, а Нью-Йорк был полон сомнительных людей. Она могла потеряться или пострадать прямо сейчас.

Мое внутреннее напряжение сжалось в комок.

— Нет, — сказала Вивиан после слишком долгой паузы. — Почему ты спрашиваешь?

— Ее нет дома, и на нее это не похоже, — я пропустил часть про годовщину свадьбы. Опять же, наш брак не касался никого, кроме нас.

— Может быть, она с Изабеллой или Слоан.

Изабелла и Слоан. Другие подруги Алессандры. Я не знал их так хорошо, как Вивиан, но это не имело значения. Я бы поговорил с чертовой кошатницей, которая всегда засыпала в нашем вестибюле, если бы она догадывалась, где находится Алессандра.

К сожалению, Изабелла и Слоан также ничего не знали о местонахождении Алессандры, и мои звонки после того, как я повесил трубку, снова попадали на голосовую почту.

Черт возьми, Але. Где ты?

Я снова спустился вниз и чуть не врезался в Камилу.

— Мистер Дэвенпорт! — ее глаза расширились. Я забыл, что она вернулась из отпуска. — Добро пожаловать...

— Где она?

— Кто?

— Алессандра, — имя вылетело через стиснутые зубы. Я звучал как чертова сломанная пластинка, но Камила, должно быть, была здесь, когда она ушла.

— Ах. Миссис Дэвенпорт была очень расстроена из-за пропущенного рейса, — по поджатым губам домработницы я понял, что она думает о моем опоздании. — Я приготовила ее любимый суп, чтобы поднять настроение, но когда я вернулась с кухни, ее уже не было.

— Ты не слышала, как она уходила, — мой голос был ровным. Холодным.

— Нет, — глаза Камилы мелькнули влево и вправо.

Эта женщина вполне меня устраивала. Она была компетентной, сдержанной и одной из любимых сотрудниц Алесандры, но если бы она скрывала что-то от меня и в результате Алесандра пострадала...

Я замер на месте.

— Спрашиваю тебя в последний раз, — тихо сказал я. Кровь в ушах была шумом, почти заглушая мои слова. — *Где моя жена?*

Дрожь выдала нервы Камилы.

— Я действительно не знаю, сэр. Как уже сказала, я вышла, а ее уже не было. Но когда я искала ее... — она вытащила что-то из кармана, — я нашла это на камине.

На ее ладони блеснул знакомый бриллиант. Обручальное кольцо Алесандры.

В моем желудке появилось острое, тягостное ощущение.

— Я хотела оставить его в вашей комнате, — сказала Камила. — Но учитывая...

— Когда?

— Примерно полчаса назад.

Ответ еще не успел полностью прозвучать, как я схватил кольцо и пронесся мимо нее к лифту, мой пульс колотился от смеси страха, паники и чего-то еще, чему я не мог подобрать подходящего объяснения.

Полчаса. Было девять, и последний звонок Алесандры был в восемь, то есть Камила нашла кольцо вскоре после того, как она ушла. Она не могла уйти слишком далеко.

Моя рука сжалась вокруг бриллианта. Она бы не сняла его, если бы не...

Нет. Она была в гневе, и имела на это полное право, но я найду ее, объясню, и все вернется на круги своя. Алесандра была самым понимающим человеком, которого я знал; она простила бы меня.

Бриллиант болезненно впился в мою ладонь.

Все будет хорошо. Так и должно быть. Я не мог представить себе никакой другой альтернативы.

ГЛАВА 5

Александра

Вместо того, чтобы поехать к кому-то из друзей, я заселилась в отеле и заплатила за неделю наличными. Я не хотела, чтобы Доминик отследил мое местонахождение с помощью кредитной карты. К счастью, у меня были собственные сбережения от Floria Designs и я предусмотрительно спрятала дома пачку денег на случай непредвиденных обстоятельств, когда бизнес пошёл в гору. Этого должно было хватить, чтобы оплатить отель и продержаться, пока я решала, что делать дальше.

Было ли это трусостью — уйти, не сказав ни слова? Возможно. Но мне нужно было время побыть наедине, чтобы подумать, поэтому я не сразу сообщила своим друзьям.

Выйдя из пентхауса, я выключила телефон и не включала его, пока распаковывала вещи, принимала душ и старалась не думать о том, что случилось за последние несколько часов или об острой боли в груди.

— Дом! — я засмеялась, когда Доминик вошел в душ и обнял меня сзади за талию. — Ты должен был заказать еду в номер.

— Я так и сделал, — его рот скользнул по моему плечу и шее. Несмотря на пар, окутавший ванную комнату, по моей коже побежали мурашки от удовольствия. — Но я решил, что сначала хочу десерт.

— А что, если я не согласна? — дразнила я. — Может быть, я хочу следовать нормальному порядку вещей. Не все из нас могут нарушать правила.

— В таком случае... — губы Доминика достигли уголка моих губ. Одной рукой он обхватил мою грудь, а другой неторопливо опустил между моих ног. Удовольствие разлилось в животе, и я не смогла сдержать тихий вздох. — Мне просто придется найти способ убедить тебя, не так ли?

Я закрыла глаза, позволяя горячей воде смыть мои слезы. От нашего первого уик-энда, проведенного вдвоем, нас отделяли многие годы, но я почти чувствовала призрачную силу его обаяний. Мы дважды занимались сексом в душе; к тому времени, как мы вышли, наша еда в номер уже остыла, но нас это даже не волновало. Мы наслаждались едой, как будто она была только приготовлена.

Я оставалась в душе дольше, чем следовало бы, но вода, жар и эмоции ночи сговорились, чтобы затянуть меня под воду. Как только моя голова коснулась подушки, я уснула.

Когда я проснулась на следующее утро и, наконец, включила телефон, у меня были десятки пропущенных сообщений, звонков и голосовых от моих друзей и Доминика. Он, должно быть, связался с ними после того, как вернулся домой и не нашел меня.

Я отправила быстрое сообщение в групповой чат, заверив своих друзей, что я в порядке и что расскажу им все позже, прежде чем сделать глубокий вдох и открыть голосовые сообщения Доминика.

Мое сердце мгновенно сжалось от звука его голоса, который с каждым сообщением становился все более похожим на панический.

Доминик: Где ты?

Доминик: Але, это не смешно.

Доминик: *Мне жаль, что я опоздал на наш рейс. Возникла чрезвычайная ситуация на работе, и мне пришлось с ней разбираться. Мы еще можем осуществить оставшуюся часть поездки.*

Доминик: *Черт возьми, Алессандра. Я понимаю, что ты злишься, но, по крайней мере, дай мне знать, что ты в порядке. Я не... черт.*

Ряд проклятий, смешанных с безошибочным стуком дождя по бетону, раздался на заднем плане. Время сообщения было 3:29 утра. Что, черт возьми, он делал так поздно?

Ищет тебя.

Я отбросила эту мысль так же быстро, как она и появилась, отчасти потому, что не верила, что новый Доминик сделает что-то подобное, а отчасти потому, что было слишком больно думать, что он действительно это сделал.

Его последнее сообщение было два часа назад в 6:23 утра.

Доминик: *Перезвони мне. Пожалуйста.*

Давление в моей груди стало невыносимым. Я не была готова встретиться с ним лицом к лицу, но сон очистил эмоциональный туман прошлой ночи, и отчаяние в его голосе разрушило мою предыдущую клятву избегать его, пока у меня не будет плана. Лучше было встретиться с ним и, так сказать, сорвать пластырь, чем позволить неопределенности гноиться.

— ОТЕЛЬ Violet, — я не дала ему возможности что-то сказать, когда он поднял трубку. — Нижний Ист-Сайд.

Когда я положила трубку, в животе у меня все сжалось от нервов. Вчера вечером я не ужинала, но мысль о еде, заставила мой желудок взбунтоваться еще больше. Тем не менее я заставила себя съесть немного сухофруктов из мини-бара. Мне понадобится энергия. Если и было что-то, в чем Доминик был хорош, так это в убеждении людей делать то, что он хотел.

Я уже сомневалась в своем выборе. При ярком дневном свете мой безымянный палец казался невероятно обнаженным, а решение уйти — необдуманное. Стоило ли подождать и поговорить с Домиником, прежде чем уйти? А что, если...

Кто-то постучал в дверь.

Мой желудок снова сжался. Я вдруг пожалела, что сказала ему, где я, но было слишком поздно.

Это все равно, что отклеить пластырь. Просто покончить с этим.

Тем не менее, никакое внутреннее ободрение не могло подготовить меня к тому, что ждало меня, когда я открыла дверь.

— Боже мой, — вздох вырвался прежде, чем я смогла его сдержать.

Доминик выглядел ужасно. Растрепанные волосы, помятая рубашка, под глазами фиолетовые пятна усталости. Его одежда прилипла к телу, а обычно чистые ботинки выглядели так, будто они прошли полосу препятствий Tough Mudder.

— Что... — я не успела закончить свой вопрос, как он схватил меня за руки и внимательно осмотрел,

— Ты в порядке, — облегчение смягчило грубость его голоса. Доминик звучал так, словно он либо восстанавливался после ужасной простуды, либо кричал всю ночь.

— Я в порядке. — *Физически.* — Почему ты весь мокрый?

С него капала вода на пол.

Тем не менее я пригласила его внутрь и закрыла за нами дверь. Это был скромный отель, но я не хотела рисковать, что нас увидят или подслушают. Манхэттен был маленьким

островом, а манхэттенское общество — еще меньше.

— Я попал под дождь, — глаза Доминика прошлись по комнате и остановились на моем открытом чемодане. — И трудно разглядеть лужи в четыре часа утра.

— Почему, черт возьми, ты бродил по Манхэттену в четыре утра?

Его недоверчивые глаза вернулись к моим.

— Я прихожу домой с работы и обнаруживаю, что моя жена ушла, а ее обручальное кольцо в кармане нашей проклятой домработницы. Она не отвечает на мои звонки, и никто из ее друзей не знает, где она. Я думал, ты... — Он сделал глубокий вдох и выпустил его одним длинным, контролируемым выдохом. — Я ходил в места, где ты обычно бываешь, пока не понял, что все они, конечно, были закрыты в такой поздний час. Поэтому я поручил своей команде безопасности прочесать город, пока сам проверял твои любимые районы. На всякий случай. Я не знал...

У меня перехватило дыхание при образе о Доминике, бродящем по улицам под дождем в поисках меня. Это было настолько не похоже на холодного, незаинтересованного человека, к которому я привыкла, что казалось, будто он придумывает сказку вместо того, чтобы говорить правду.

Но доказательства были, и они вызвали новую, мучительную волну боли в моей груди.

Если бы он все время так заботился. Если бы только мне не нужно было уйти, чтобы откопать частичку человека, в которого я влюбилась.

— Когда ты вернулся домой? — тихо спросил я.

Тусклый румянец окрасил его скулы.

— Восемь тридцать.

Через два с половиной часа после запланированного времени вылета. Мне было интересно, забыл ли он о нашей годовщине или помнил, но все равно проигнорировал ее. Я не могла решить, что хуже, но это не имело значения.

Конечный результат был одинаковым.

— Я не специально опоздал на самолет, — сказал Доминик. — Это была чрезвычайная ситуация на работе. Спроси Кэролайн. Комиссия по ценным бумагам и биржам...

— В том-то и дело, — мое прежнее беспокойство исчезло, уступив место знакомой усталости. Не той, что появляется после бессонной ночи, а та, которая формируется годами, которой приходится слушать одни и те же оправдания. — *Всегда* возникают какие-то срочные дела на работе. Если это не Комиссия по ценным бумагам и биржам, то это фондовый рынок. Если это не фондовый рынок, то это какой-нибудь корпоративный скандал. Что бы это ни было, оно всегда на первом месте. Передо мной. Перед *нами*.

Челюсть Доминика сжалась.

— Я не могу игнорировать подобные ситуации, — сказал он. — Люди зависят от меня. Миллиарды долларов зависят от моих решений. Мои сотрудники и инвесторы...

— А как насчет меня? Разве я не важна?

— Конечно, да, — он казался озадаченным.

— Даже тогда, когда я рассчитывала на то, что ты придешь, как и обещал? — эмоции застряли у меня в горле. — Неужели это менее важно, чем многомиллиардная корпорация, которая, вероятно, будет в порядке, если ты возьмешь *один* выходной?

Напряженная тишина нарастала и почти душила нас, пока он не заговорил снова.

— Ты помнишь наш выпускной год в колледже? — взгляд Доминика впился в мой. — Мы едва виделись за пределами колледжа, потому что мне пришлось работать на трех

работах, чтобы хватало на основные потребности. Мы ели чертов рамен быстрого приготовления на наших свиданиях, потому что я не мог позволить себе отвезти тебя в хорошие рестораны, и я пообещал себе, что если когда-нибудь выберусь из этого, то я никогда больше не окажусь в такой ситуации. *Мы* не окажемся в такой ситуации. И сейчас мы не там.

Он жестом показал между нами.

— Посмотри на нас. У нас есть все, о чем мы когда-либо мечтали, но единственный способ *сохранить* это — сделать свою работу. Пентхаус, одежда, украшения. Все это исчезнет, если...

— Какая от этого польза, если я никогда тебя не вижу? — мое разочарование достигло критической точки. — Меня не нужен ни шикарный пентхаус, ни одежда, ни самолет. Я бы предпочла иметь мужа. Настоящего, а не только на словах.

Возможно, я не понимала, потому что выросла в обеспеченной семье и поэтому никогда не могла в полной мере ощутить те препятствия, которые пришлось преодолеть Доминику, чтобы достичь всего. Возможно, я была слишком оторвана от жизни, чтобы понять ставки игры на Уолл-стрит. Но я знала себя и знала, что была бы в тысячу раз счастливее есть рамен с ним в его комнате в общежитии, чем когда-либо присутствовать на каком-нибудь модном гала-концерте, украшенном драгоценностями и фальшивой улыбкой.

Глаза Доминика потемнели.

— Все не так просто. У меня нет богатой семьи, на которую можно было бы опереться, если дела пойдут плохо, Але, — грубо сказал он. — *Все* на мне.

— Может быть, но ты Доминик Дэвенпорт. Ты *миллиардер*! Ты можешь позволить себе выходные. Черт, ты можешь выйти на пенсию в эту минуту и при этом иметь достаточно денег, чтобы жить в роскоши всю оставшуюся жизнь!

Дом этого не понял. Я видела это по упрямому взгляду его глаз.

Борьба истощила из меня всю энергию, и усталость вернулась в десятикратном размере. Мой голос понизился до шепота:

— Это была наша десятилетняя годовщина.

Доминик тяжело сглотнул.

— Мы можем уехать сейчас, — сказал он. — У нас еще есть почти два дня. Мы все еще можем отпраздновать нашу годовщину, как и планировали.

Как бы я ни пыталась объяснить, он не понял, почему я была расстроена. Дело было не в физических, материальных вещах, таких как бронирование билетов или столиков на ужин. Речь шла о кардинальном разрыве в наших ценностях и о том, что мы считали важным для хороших отношений. Я верила в качественное времяпровождение и общение; Доминик верил, что деньги могут все исправить.

Он всегда был амбициозным, но раньше я думала, что он достигнет точки, когда будет доволен тем, что имеет. Теперь я поняла, что этой точки не существует. Ему никогда не будет достаточно. Чем больше он приобретал — денег, статуса, власти — тем большего он хотел за счет всего остального.

Я медленно покачала головой.

— Нет.

Проснувшись утром, я не знала, в чем заключается мой план, но теперь он был предельно ясен.

Даже если это убьет меня, даже если проще всего будет упасть в его объятия и

погрузиться в воспоминания о том, какими мы были раньше, мне нужно пройти через это. Я уже была оболочкой самой себя.

Если я не выберусь, пока могу, я превращусь в пыль, в не более чем коллекцию потерянного времени и нереализованных мечтаний.

Упрямый блеск в глазах Доминика исчез, сменившись замешательством.

— Тогда пойдем домой со мной. Мы все обсудим.

Я снова покачала головой, пытаюсь дышать сквозь иглы, вонзающиеся в мое сердце.

— Я не вернусь.

Он замолчал. Замешательство сменилось осознанием, а затем неверием.

— Але...

— Я хочу развестись.

ГЛАВА 6

Доминик

Я хочу развестись.

Слова витали вокруг нас, словно облако ядовитого дыма. Теоретически я понимал, что они означают, но не мог их осмыслить.

Развод означал расставание. Расставание означало разойтись. А разойтись было просто невозможно. Это может случиться с другими людьми, но не с нами.

Ее обручальное кольцо прожгло дыру в моем кармане.

— *Не могу поверить, что женился на той, кто любит мятно-шоколадное мороженое,* — сказал я, когда Алессандра уплетала свое любимое лакомство. — *Ты ведь знаешь, что по сути ешь зубную пасту?*

— *Вкусную зубную пасту,* — ее озорная улыбка поразила меня до глубины души. Мы были женаты ровно неделю, два дня и двенадцать часов, а я до сих пор не мог поверить, что она моя. — *Ты знал о моем вкусе к десерту до нашей свадьбы, так что теперь ты не можешь жаловаться. Боюсь, ты застрял со мной и моим мятным шоколадом навсегда.*

Навсегда

Год назад эта идея казалась смехотворной.

Ничто не длилось вечно. Люди, места, отношения... у всего был срок годности.

Но впервые в жизни я позволил себе поверить кому-то, кто сказал, что останется.

Я взял Алессандру за руку и переплел наши пальцы.

— *Обещаешь?*

Ее лицо смягчилось. Технически мы должны были смотреть последний боевик, но взрывы в этот момент были всего лишь фоновым шумом.

— *Я обещаю.*

В коридоре хлопнула дверь, и воспоминание улетучилось так же быстро, как и возникло.

Шум в ушах вернулся.

— Ты же не серьезно.

Алессандра просто смотрела на меня, ее глаза блестели от непролитых слез, но на лице читалась спокойная решимость.

Господи, почему мой галстук был таким чертовски тугим? Я не мог нормально дышать.

Я потянулся, чтобы ослабить его, но мои пальцы не нашли ничего, кроме влажного хлопка. Никакого галстука, только тиски на шее и кулак, сжимающий мои легкие.

— Ты никогда не говорила мне, — я опустил руку, гадая, где, черт возьми, мы ошиблись. — До сих пор ты никогда ничего не говорила об этом.

Неужели за последние несколько лет я пропустил больше свиданий, чем следовало? Да. Мы с Алессандрой разговаривали так же много, как раньше? Нет. Но такова была природа построения империи, и я думал, что мы понимали друг друга. Мы были вместе так долго, что нам не нужно было постоянно доказывать друг друга наши чувства.

— А должна была, — Алессандра отвела взгляд. — Это была моя вина. Я держала все в себе, хотя должна была рассказать тебе о своих чувствах. Речь идет не только об одной поездке или ужине. Даже не о десятке таких поездок и ужинов. Дело в том, что означает их отсутствие, — ее глаза снова встретились с моими, и мое сердце сжалось от боли, которую я увидел в них. Неужели я действительно был настолько слеп, что не заметил, насколько несчастной она была все это время? — Ты снова и снова давал понять, что я не являюсь для тебя приоритетом.

— Это не правда.

— Разве? — она одарила меня грустной улыбкой. — Знаешь, что я спрашивала у себя каждый вечер, когда ты снова допоздна задерживался в офисе? Я задавалась вопросом: если бы одновременно на работе и дома возникла чрезвычайная ситуация, кого бы ты выбрал. Меня или своих инвесторов?

Шум у меня голове усилился.

— Ты же знаешь, я бы выбрал тебя.

— В том-то и дело. Я не знаю, — слеза скатилась по ее щеке. — Потому что ты уже давно не выбираешь меня. Очень, очень давно.

Между нами воцарилось молчание, прерываемое моим учащенным дыханием и оглушительным тиканьем часов в углу. Любой ответ, который мог бы дать, был раздавлен под тяжестью слез Алесандры.

Бедность. Неудачи. Унижение. За эти годы я многое пережил и выжил, но единственное, что могло поставить меня на колени, — это плачущая Алессандра. Каждый чертов раз.

— Я столько раз оправдывала тебя, и перед друзьями, и перед самой собой, но больше не могу, — ее голос понизился до шепота. — Мы держались за то, чего больше не существует, и нам нужно это отпустить. Тогда мы оба будем счастливы.

Каждое слово разрушало то самообладание, которое я создавал десятилетиями. Целая волна эмоций пронзила меня: гнев, стыд и бесконечное отчаяние, которого я не чувствовал с тех пор, как был подростком, пытаюсь выбраться из своего богом забытого родного города.

Я больше не должен был чувствовать ничего из этого, черт возьми. Я был проклятым генеральным директором, а не беспомощным мальчиком без семьи и денег. Но столкнувшись с перспективой потерять Алессандру...

Паника сдавила мою грудь.

— Ты правда думаешь, что если мы разведемся, то будем счастливы? Что я буду счастливее без тебя? Это же *мы*, — слово вырвалось из моего горла, резкое и наполненное эмоциями. — *Você e eu. Para sempre. — Ты и я. Навсегда.*

Тихие рыдания Алессандры разрывали мне сердце. Я потянулся к ней, и когда она отпрянула, трещина превратилась в полноценную пропасть.

— Не усложняй все еще больше, чем это должно быть, — слова были едва слышны, — пожалуйста.

Моя рука опустилась, когда кулак крепче сжал мои легкие. Я не знал, как мы попали в такую ситуацию, но, черт возьми, я не собирался сдаваться.

— Я облажался вчера, — сказал я. — И еще много раз до этого. Но я все еще твой муж, а ты все еще моя жена.

Алессандра закрыла глаза, и слезы теперь тихим, ровным потоком текли по ее лицу.

— Дом...

— Мы все уладим, — мысль о жизни без нее была непостижима, все равно что просить сердце перестать биться или звезды отказаться светить в ночи. — Я обещаю.

Мы должны были это сделать.

Возможно, я не показывал это так часто, как должен был, но Алессандра была неотъемлемой частью меня. Она была таковой с того момента, когда я увидел ее одиннадцать лет назад, хотя тогда я этого еще не подозревал.

Без нее не было меня.

ГЛАВА 7

Доминик

11 лет назад

— Мне не нужна няня.

— Она не няня, — терпеливо сказал профессор Эрлих. — Она репетитор. На самом деле, одна из наших лучших. Она работала с несколькими студентами с дислексией...

— Мне и репетитор не нужен, — от мысли, что каждую неделю ко мне будет снисходительно относиться какая-то всезнайка, мне хотелось вылезти из кожи. Я ведь добился этого всего сам, не так ли?

В детстве у меня не было наставников, и мои учителя были в лучшем случае посредственными, в худшем — разрушительными. И вот я сижу в кабинете ведущего экономиста в престижном Университете Тайера, и менее чем за год до получения двойной степени по экономике и бизнесу. Я уже практически ощущал вкус денег и свободы.

Профессор Эрлих вздохнул. Он привык к моему упрямству, но что-то в его тоне заставило меня напрячься.

— Тебе это нужно, — сказал он мягким голосом. — Английская литература и сочинение являются основными требованиями. Ты уже провалил его один раз, а он проводится только осенью. Если снова не сдашься экзамен и в этом семестре, то не сможешь получить диплом.

Мой пульс участился, но я сохранил нейтральное выражение лица.

— Я не допущу провала. Я извлек урок из своих ошибок.

Не понимаю, зачем мне вообще нужно сдавать английский. Я собирался заниматься финансами, а не чертовым издательством. У меня были отличные успехи по экономике, и это было действительно важно.

— Возможно, но я бы предпочел не рисковать, — профессор Эрлих снова вздохнул. — У тебя блестящий ум, Доминик. Я никогда не встречал никого с таким природным даром к числам, а я преподаю уже несколько десятилетий. Но талант поможет тебе продвинуться только до этого момента. Степень Тайера открывает двери, но чтобы получить ее, нужно играть по правилам. Ты хочешь добиться успеха на Уолл-стрит? Сначала ты должен окончить учебу, а ты не сможешь этого сделать, если будешь настаивать на том, что твоя гордость важнее твоего будущего.

Костяшки моих пальцев, вцепившихся в подлокотники, побелели.

Возможно, это был страх проиграть, когда я был так близок к финишу, а может быть, это было потому, что профессор Эрлих был единственным учителем, которому было на меня не наплевать.

Что бы это ни было, это заставило меня подавить внезапное отвращение к его предложению и ответить, по крайней мере частично, сквозь стиснутые зубы.

— Отлично. Я встречу с ней один раз, — сказал я. — Но если она мне не понравится, то больше я с ней не увижусь.

В следующий понедельник я пришел в главную библиотеку Тайера, готовый поскорее закончить встречу. В начале семестра там было почти пусто, так что поиск моего репетитора среди стеллажей не займет много времени.

Профессор Эрлих дал нам контакты друг друга, и в то утро она оставила мне голосовое сообщение с подтверждением встречи.

Я буду на втором этаже в желтом платье. До скорой встречи.

В ее голосе не было той нервозности, которой я опасался. На самом деле, ее голос был странно успокаивающим. Приятный и мягкий, с мягким спокойствием, которое было бы уместно в студии йоги или кабинете психотерапевта.

И все же я был склонен к тому, чтобы она мне не понравится. Если не считать профессора Эрлиха, у меня были не самые лучшие отношения с кем-либо из преподавателей.

Мой взгляд упал на цветную вспышку возле окна.

Желтое платье. Кофе и знакомый синий учебник английского языка. Это, должно быть, Алессандра.

Она склонила голову над чем-то на столе и не подняла глаз, даже когда я выдвинул стул напротив нее. Типично. В старших классах я пробовал работать с несколькими преподавателями и быстро отказался от них, когда стало ясно, что они больше заинтересованы в проверке своих сообщений.

Я открыл рот, но раздражение застряло у меня в горле, когда Алессандра наконец подняла голову и наши глаза встретились.

Ее голос был создан для радио, но ее лицо было создано для чертового киноэкрана. Полные губы, высокие скулы, кожа, сияющая на солнце, как жидкий шелк. Каштановые волосы густыми шелковистыми волнами рассыпались по ее загорелым плечам, а серо-голубые глаза искрились теплотой, когда она встала и протянула руку.

В Университете Тайер было много красивых девушек, но никто не мог справиться с Аллесандрой.

— Ты, должно быть, Доминик, — сказала она. Каким-то образом, вживую ее голос казался еще приятнее. — Я Алессандра, но мои друзья зовут меня Але.

Наконец-то я нашел в себе смелость заговорить.

— Привет, Алессандра, — я сделал особый акцент на ее полном имени. Мы не были друзьями. Мы только что познакомились, и моя реакция на нее была чисто физической. Это ничего не значило.

— Приятно познакомиться, — если ее и смутило то, что я подчеркнуто назвал ее полным именем, она этого не показала.

— Поскольку это наша первая встреча, а семестр еще не начался, я не подготовила никаких учебных материалов, — сказала она после того, как мы заняли свои места. — Я уверена, у тебя разбито сердце.

— Безусловно.

От быстрой улыбки Алессандры по моим венам пробежала такая же быстрая волна тепла. Я сдвинулся, наполовину желая, чтобы никогда не появляться здесь, а наполовину — чтобы никогда не уходить.

— Я подумала, что мы обсудим ожидания и немного узнаем друг друга во время сегодняшней встречи, — сказала она. — Несмотря на то, что это официальное взаимодействие репетитора и ученика, будет лучше если мы взаимно понравимся друг другу.

Алессандра одна в *своём* роде. Я должен был догадаться.

— Только если ты не будешь просить меня заплетать тебе волосы, — сказал я. — Никто из нас не будет счастлив.

От ее смеха у меня на губах почти появилась улыбка. Почти.

— Обещаю, никаких косичек, но я не могу гарантировать, что время от времени не буду появляться с печеньем. Они удивительно вредны для здоровья, и, если дело дойдет до конфликта, они вполне сгодятся в качестве взяток, — еще одна улыбка, еще один прилив тепла. — Не спрашивай меня, откуда я знаю.

В течение следующего часа мы обсуждали наши расписания на семестр, иррациональную любовь профессора Рут к сопоставлению и случайную мелочь вроде любимых музыкальных исполнителей и цветов. Кроме того, Алессандра подробно расспросила меня о моих предпочтениях в обучении: какую обстановку я предпочитаю, что лучше усваиваю — звук, визуальные образы или практические занятия; даже о том, в какое время суток я обычно больше всего устаю.

Раньше я никогда не обращал внимания на половину этих вещей и не хотел отвечать, но для человека, напоминавшего взрослую принцессу Диснея, она была похожа на чертового питбуля с костью.

В конце концов я уступил и ответил после некоторого размышления.

Условия обучения: большой стол, естественное освещение, немного фонового шума вместо полной тишины.

Средство обучения: визуальные образы.

— Отлично. Это было очень полезно, — сказала она в конце нашей встречи. — Думаю, мы прекрасно поладим. Любой, кто является поклонником Garage Sushi, может стать моим другом.

Наш взаимный интерес к местной инди-группе стал приятным сюрпризом, хотя я вряд ли считал его прочной основой для дружбы.

— Тебе подойдет это же время на следующей неделе? — спросила Алессандра. — У меня нет занятий по понедельникам, поэтому я свободна.

— Нет. На следующей неделе я начинаю работать в качестве репетитора по математике, — богатые люди тратили смехотворные суммы денег, чтобы запихнуть в Лигу плюща своих детей, а деньги, которые я заработал на уроках математики, во многом покрыли мои расходы.

— А как насчет утра?

— Работа.

— Вечером?

— Работа.

Алессандра подняла брови.

— Ты будешь работать, затем преподавать, а потом снова вернешься на работу?

— Это две разные работы, — сухо сказал я. — Утром кафе, вечером «У Фрэнки».

Я запланировал все свои занятия по вторникам и четвергам, чтобы иметь возможность работать в остальные дни. Между кафе, закусочной, репетиторством и случайными подработками стрижки газонов по выходным я зарабатывал ровно столько, чтобы хоть как бы вписаться в Тайер.

На самом деле я не заботился о том, чтобы сблизиться со своими сокурсниками, большинство из которых были из богатых семей, к которым я никогда не мог принадлежать, но самым большим преимуществом посещения такой школы, как Тайер, было налаживание деловых связей. Чтобы люди воспринимали меня всерьез, мне нужно было выглядеть соответствующе, а выглядеть соответствующе было чертовски дорого.

Лицо Алессандры смягчилось. Она принадлежала к тому типу студенток, которые принадлежали к этой школе, даже не пытаясь. Она не упомянула, чем занимались ее родители, но я мог сказать, просто взглянув на нее, что она из богатой семьи.

— Во сколько ты заканчиваешь работу? — спросила она. — Тогда мы сможем встретиться. Судя по нашему графику, понедельник — это...

— Я уйду с работы не раньше одиннадцати, — с холодным взглядом я бросил ей вызов. — Думаю, для тебя это слишком поздно. — Я не стал рассказывать о том, что обычно занимался после работы. Не знаю почему, но я лучше концентрировался, когда был уставшим.

Алессандра мне понравилась больше, чем я думал, но меня не убедила вся эта история с репетиторством. Меньше всего мне было нужно, чтобы она бросила меня в середине семестра, потому что я недостаточно быстро усваивал материал.

— Хорошо, что я сова, — ответила она, окинув меня пристальным взглядом. — Увидимся в следующий понедельник.

Я ни на секунду не поверил, что Алессандра готова выделить свой вечер понедельника — да и вообще любой вечер — для того, чтобы заниматься со мной. Наверняка у нее назначено свидание или вечеринка, что вполне нормально. Если мы не смогли договориться о времени, то уж точно не сможем договориться о чем-то еще. Несмотря на сомнения профессора Эрлиха, я был уверен, что смогу сдать английский самостоятельно. Я просто обязан это сделать. Иначе я не смогу закончить университет.

Я протер стол «У Фрэнки», пытаюсь игнорировать нежелательный укол ревности при мысли о том, что Алессандра на свидании. Разумеется, я не претендовал на нее, да и не хотел. Я переспал с несколькими девушками в Тайере, но никогда не пытался встречаться ни с одной из них. И без того было много забот, а мне еще не хватало разбираться с драмой отношений.

— Вау, — Линкольн издал низкий свист из кабинки, где он доедал гамбургер и картошку фри вместо того, чтобы закрывать кафе. Он был племянником владельца и одним из самых ленивых людей, которых я когда-либо встречал. — Кто это?

Я поднял глаза, уже раздраженный тем, что кто-то зашел за пять минут до закрытия, но

второй раз за неделю мое раздражение быстро угасло.

Каштановые волосы. Голубые глаза. В руках целая куча книг, и она улыбается полунасмешливо, полупрезрительно, глядя на мое шоковое состояние.

Алессандра. Здесь. В ресторане «У Фрэнки». В одиннадцать, мать его, часов в понедельник вечером.

Какого *черта* она здесь делала?

— Мы закрыты, — сказал я, хотя мы не должны были отказывать клиентам до последней минуты, и в первую очередь это было не мое дело.

Линкольн перестал пускать слюни и пристально посмотрел на меня.

— Чувак, — прошипел он. — Что ты *делаешь*?

— Я здесь не ради еды, — спокойно сказала Алессандра. — У нас занятие, помнишь? Поэтому я пришла за тобой, — она села на свободный стул. — Не обращай на меня внимания. Я подожду, пока ты закончишь.

— Она твой репетитор? Черт, надо было остаться в колледже, — Линкольн продолжил глазеть на нее так, что мне захотелось вырвать ему глаза из глазниц.

— Я устал, — я встал перед ним, загораживая обзор. Либо так, либо получить арест за нападение на племянника моего босса. — Мы перенесем наше занятие на другой день.

— Прекрасно, — сказала она, игнорируя возмущенный протест Линкольна. — Ты лучше концентрируешься, когда устаешь, верно?

Как... *Профессор Эрлих.* Я собираюсь убить его.

По выражению лица Алессандры я понял, что она не намерена сдаваться, поэтому не стал спорить дальше. Я уже давно научился выбирать свои сражения.

В конце концов Линкольну надоело на нее пристально смотреть — либо это, либо его отпугнул мой смертельный взгляд — и он оставил меня закрывать кафе.

— Разве у тебя нет других дел? — спросил я, когда мы с Алессандрой наконец расположились в кабинке. — Уже почти полночь.

— Как и говорила, я сова, — она одарила меня озорной улыбкой. — И я слышала, что молочные коктейли здесь действительно хороши.

Я фыркнул, сдерживая небольшой смех, который едва не вырвался наружу.

— А как же быть с тем, что ты здесь не ради еды?

— Формально это так, но я никогда не откажусь от коктейля, если мне его предложат.

— Ясно, — у нее должен был быть скрытый мотив для того, чтобы прийти сюда. Люди не идут на такие поступки по доброте душевной.

Алессандра, должно быть, уловила мои подозрения, потому что ее дразнящее выражение лица смягчилось.

— Послушай, я знаю, что ты мне пока не доверяешь, и я не виню тебя, но хочу прояснить одну вещь, — сказала она. — Я твой репетитор, а не твоя мать или инспектор. Обещаю, что сделаю все возможное, чтобы помочь тебе сдать английский, но это совместная работа. Тебе нужно работать со мной, и если ты действительно этого не хочешь — если ты чувствуешь, что я трачу твое время зря и ты предпочитаешь никогда больше меня не видеть, — тогда тебе нужно сказать об этом сейчас. Я не отказываюсь от своих учеников, но и не собираюсь заставлять их делать то, чего они не хотят. Поэтому скажи мне. Согласен ты или нет?

Меня пронзило удивление, за которым последовало неохотное уважение и что-то еще более неприятное. Это что-то образовало комок в моем горле и заблокировало мою

мгновенную защитную реакцию.

Никто прежде не говорил со мной так свободно и спокойно. Никому раньше не было до меня дела.

— Согласен, — наконец сказал я с немалой долей нежелания. Возможно, это было притворство, и она уйдет, когда ее первоначальный энтузиазм утихнет. Она была не первой. Но что-то в глубине души подсказывало мне, что она останется, и это пугало меня больше всего на свете.

Плечи Алессандры расслабились.

— Хорошо, — ее улыбка вернулась, теплый луч солнца под флуоресцентными отблесками верхнего освещения.

— В таком случае давай скорее начнем, хорошо?

В течение следующих двух часов я понял, почему профессор Эрлих так хвалил ее. Она была чертовски хороша в роли репетитора. Алессандра была терпеливой, ободряющей и чуткой, но не снисходительной. Она также пришла более подготовленной, чем кто-либо, с набором маркеров для выделения, с карточками в форме буквы L для обозначения разделов учебника, и фокусировки моего внимания, а так же диктофоном, чтобы я мог прослушать наш урок в любое время.

Самое удивительное, что это *помогло*. По крайней мере, это сработало лучше, чем мои обычные методы: стиснуть зубы и упорствовать, используя грубую решимость.

Единственным недостатком было то, насколько отвлекала сама Алессандра. Если она говорила слишком долго, я терялся в ее голосе, а не в словах, и каждый раз, когда она двигалась, вокруг стола доносился слабый запах ее духов, затуманивая мои мысли.

Господи. Я был взрослым мужчиной, а не влюбленным гормональным подростком. Соберись.

Я потянулся за синим маркером одновременно с ней. Наши пальцы соприкоснулись, и по моей руке пробежал электрический ток.

Я отдернул руку, как будто меня обожгли. Щеки Алессандры покраснели, напряжение охватило простор нашей кабинки.

— Уже поздно. Нам пора идти, — мой голос звучал холодно, хотя мое сердце с пугающей силой билось о грудную клетку. — Завтра утром у меня занятия.

— Хорошо, — Алессандра собрала свои материалы обратно в сумку, ее лицо все еще светилось румянцем. — У меня тоже.

Никто из нас не произнес ни слова по дороге обратно в кампус, но мой мозг не мог перестать прокручивать в памяти то, что произошло в кафе.

Мягкость ее кожи. Заминка в ее дыхании. Крохотное, почти незаметное учащенное сердцебиение в ту миллисекунду, когда наши руки соприкасались, за которым последовал неожиданный шок для моего организма. Я обвинил в этом полное истощение. Никогда еще я не реагировал так остро на такое маленькое прикосновение, но тело под воздействием стресса совершает странные поступки. Это было единственное объяснение.

Алессандра остановила машину перед моим общежитием. Мы уставились на внушительное кирпичное здание, и прошла еще одна неловкая пауза, прежде чем я нарушил молчание.

— Спасибо, — слова прозвучали жестче, чем хотелось бы. Я не привык благодарить людей; они редко делали что-то, что заслуживало бы искренней признательности. — За то, что подвезла, и за то, что пришла в кафе. Тебе не обязательно было это делать.

— Пожалуйста, — на лице Алессандры вновь промелькнуло прежнее веселье. — Одни только виниловые кабинки и флуоресцентные лампы того стоили. Мне говорили, что они прекрасно сочетаются с моей кожей.

— Так и есть, — я не шутил. Возможно, она единственный человек на планете, который все еще может выглядеть как супермодель в дерьмовой, плохо освещенной закуской.

На губах Алессандры появилась легкая улыбка.

— В то же время на следующей неделе?

Я колебался. Это было оно. Мой последний шанс уйти раньше, чем это сделает она.

Ты хочешь добиться успеха на Уолл-стрит? Ты не сможешь этого сделать, если настаиваешь на том, чтобы предпочесть гордость своему будущему.

Я не отказываюсь от своих учеников, но и не собираюсь заставлять их делать то, чего они не хотят. Ну, скажи мне. Ты со мной или нет?

Я выдохнул. Блядь.

— Конечно, — сказал я, игнорируя укол предвкушения при мысли о том, что увижу ее снова. Надеюсь, я не пожалею об этом. — В то же время на следующей неделе.

ГЛАВА 8

Алессандра

— Мне нужно бежать на встречу, но чувствуй себя как дома, — сказала Слоан. — Но не забывай что ты в гостях. Не курить, не ходить в обуви по ковру и не кормить Рыбку вне установленного времени и порций, которые записаны на листе бумаги рядом с ее миской. Есть есть какие-нибудь вопросы?

— Нет, все понятно, — я улыбнулась. — Еще раз спасибо, что разрешила мне остаться здесь, пока я разберусь со всем. Обещаю, что скоро от тебя отстану.

Из всех моих друзей — а их было всего трое или четверо, но это тема для другого разговора — Слоан была наименее дружелюбной и заботливой.

Однако и Вивиан, и Изабелла жили со своими вторыми половинками, и, несмотря на общее отсутствие видимых эмоций, Слоан всегда всегда шла на помощь своим друзьям.

Я устала жить в отеле, и она не колебалась, когда я спросила, могу ли остаться с ней, пока буду искать квартиру. И она встретила мой приезд кружкой кофе, крепкими объятиями и ножом Karambit, обмотанным бантиком — для защиты или нападения, в зависимости от того, насколько я была зла на Доминика, — объяснила она.

— Не беспокойся об этом, — лицо Слоан немного смягчилось. — Выпьем позже. Мы с тобой можем жаловаться на мужчин, пока Вив и Иза притворяются, что у них нет до тошноты сладких отношений.

Мой смех прозвучал как-то рвано, но искреннее.

— Звучит как план.

Прошла неделя с тех пор, как я сказала Доминику, что хочу развестись. Никто из подруг, похоже, не удивился моему решению уйти от него, и это многое говорило о том, как другие люди воспринимают наши отношения.

Мой телефон зажужжал от входящего звонка.

Доминик. Снова. Всю последнюю неделю он звонил без перерыва, и каждый раз, когда появлялось его имя, это наносило новый удар мне в грудь. Тем не менее, я пока не могла заставить себя заблокировать его, поэтому перевела звонки на голосовую почту. Я не прослушала ни одного из них, кроме первого; это было слишком больно.

— Что значит, *он на Миконесе*? — тихая ярость Слоан охладила воздух, когда она уходила на встречу. Поскольку Слоан была опытным пиарщиком и руководила собственной фирмой по связям с общественностью, она постоянно ликвидировала последствия действий клиентов. — Это неприемлемо. Он знает, что должен быть здесь на встрече...

Ее голос затих, а затем послышался хлопок входной двери. Звонок Доминика тоже завершился, и я вздохнула с облегчением, но нут же напряглась, когда вслед за пропущенным вызовом прозвучал еще один входящий.

Пирсон, Ходдер и Блум.

Волны беспокойства захлестнули мой желудок. Я не была уверена, что было хуже... известия от моего мужа или от моего адвоката по разводу.

— Алессандра, это Коул Пирсон, — глубокий голос немного успокоил мои нервы. Коул был одним из лучших адвокатов по разводам в стране. Он стоил немалых денег, но был единственным, у кого был шанс противостоять команде высококвалифицированных адвокатов Доминика.

— Привет, — я включила громкую связь, пока распаковывала чемодан. Мне нужно было чем-то занять руки, иначе я превратился бы в еще больший беспорядок. — Как все прошло?

Беспокойство усилились, пока я ждала его ответа.

Я подала на развод несколько дней назад, и, в истинной манере Коула, он ускорил

процесс, чтобы вручить Доминику документы сегодня. Мне хотелось побыстрее оформить развод, пока у меня не сдали нервы или он каким-то образом не убедил меня вернуться.

Большую часть дней я была уверена, что поступаю правильно, но бывали дни, когда я просыпалась в пустой постели и так скучала по Доминику, что было больно дышать. Я давно не была счастлива, но не могла просто так забыть одиннадцать лет совместной жизни.

— Мы вручили ему документы, — сказал Коул. — Как и ожидалось, он отказался подписывать.

Я закрыла глаза. Зная Доминика, он бы тянул это как можно дольше. У него были деньги и власть, чтобы таскать нас по судам долгие годы, и мысль о том, что мы так долго будем сидеть в подвешенном состоянии, вызывала у меня тошноту.

— К счастью, у нас есть запасные варианты этот случай, — Коул не выглядел слишком обеспокоенным, и от этого я почувствовала себя немного лучше. — Мы так или иначе добьемся развода, но я хочу, чтобы вы были готовы. Это Доминик Дэвенпорт. Все может быть не так просто.

— Даже если у нас нет детей, и я не претендую на его имущество? — пентхаус, машины, самолет. Доминик мог забрать все это. Я просто хотела уйти.

— Проблема не в активах, миссис Дэвенпорт, — сказал Коул, — а в вас. Он не хочет вас отпускать, и если вы не сможете убедить его в обратном, это будет долгая борьба.

— Мне очень жаль, но мистер Дэвенпорт весь день на совещаниях, — помощница Доминика, Марта, произнесла извиняющимся тоном. — Однако я могу передать ему сообщение и попросить...

— Это срочно, — мои пальцы сжали ремень сумки. — Я бы хотела поговорить с *мужем* напрямую, — я подчеркнула предпоследнее слово. Не имело значения, что Доминик скоро станет бывшим мужем, если я добьюсь своего; пока мы были женаты, я имела определенные привилегии, в том числе увидеть его без помощницы, которая обращалась со мной так, как бродягой, заблудившейся на улице.

Она окинула меня взглядом, вероятно, отметив отсутствие на теле видимых повреждений.

— Я понимаю, но боюсь, что у него все расписано по минутам. Как уже сказала, я с удовольствием передам сообщение и попросить его перезвонить вам при первой возможности, — она оторвала стикер от блокнота на столе. — Это связано с каким-то светским мероприятием или с какими-то домашними проблемами?

Моя кожа покраснела. Обычно я не люблю проявлять агрессию, но после звонка Коулу я была голодна, устала и раздражена. Потребовалась вся сила воли, чтобы не схватить кофе Марты и не выплеснуть его в ее самодовольное, снисходительное лицо.

— Ничего из этого, — я понизила вежливый тон. — Если Доминик сейчас на встрече, я могу подождать. Предполагаю, что в какой-то момент ему придется пообедать, верно?

Марта поджала губы.

— У него ланч в Le Bernardino. Миссис Дэвенпорт, пожалуйста, я должна попросить Вас...

— Что происходит? — холодный голос прервал ее на полуслове.

Мы обе замерли на долю секунды, прежде чем наши головы повернулись к уже открытой двери кабинета Доминика. Солнце освещало его фигуру, а ширина его плеч заполняла дверной проем, отчего он выглядел еще более внушительным, чем обычно.

В горле у меня пересохло, и кожаный ремень сумки впился в ладонь, прежде чем я с силой ослабила хватку.

— Мистер Дэвенпорт! — Марта вскочила со стула. — Ваш звонок завершился раньше времени. Я только что говорила миссис Дэвенпорт, что вы...

— Повтори это, — Доминик вошел в главный офис. Тени отошли от его тела, обнажив точеные скулы, грозовые глаза и нахмуренный взгляд, который мог бы сдержать самого сатану.

Он не смотрел на меня. Вместо этого он сосредоточил свое внимание на Марте, которая сжалась под его гневом.

— Я сказала, что говорю миссис Дэвенпорт, что...

— *Миссис* Дэвенпорт, — слова были смертельны в своей тишине. — Моя жена. Если она хочет меня видеть, она меня увидит. Никогда больше не мешай ей сделать это, иначе единственная часть нью-йоркского офиса, которую ты увидишь, — это фасад снаружи, когда я тебя выгоню. Поняла?

Лицо Марты побледнело до состояния мела.

— Да сэр. Я поняла.

Борьба чувства вины с чувством собственного превосходства не прекращалось. В конце концов, последнее победило.

— Это было жестоко, — тихо сказала я, следуя за Домиником в его кабинет.

Он все еще не смотрел на меня.

— Не так жестоко, как она того заслуживала, — вместо того, чтобы сесть, он облокотился на стол, олицетворяя хладнокровную уверенность, но когда его глаза наконец встретились с моими, усталость в них затронула мои сердечные струны, заставив меня сдерживать беспокойство.

Это не имеет значения. Это не твоя работа — следить за тем, чтобы он нормально отдыхал.

Взгляд Доминика скользнул по моему лицу, задерживаясь на глазах и рту.

— Ты не высыпaeшьcя.

Моя кожа покраснела.

— Большое спасибо, — думаю, он был не единственным, кто выглядел уставшим.

Я смущенно заправила прядь волос за ухо. Мне не удавалось высыпаться. В свободное от работы время я погрузилась в изучение возможностей открытия магазина Floria Desig, что было моей давней мечтой, а когда я не работала, то мучительно переживала развод. Беспокойство и переутомление — не самое лучшее сочетание для поддержания красоты.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — Доминик провел большим пальцем по моей щеке с мучительной нежностью, — спишь или нет, ты всегда прекрасна.

Моя грудь сжалась. Если бы он был таким внимательным, когда наши отношения не были на грани разрушения.

Обычно я получала легкое прикосновение его губ или краткие блаженные мгновения,

когда наши тела соединялись посреди ночи, но он не прикасался ко мне так — случайно, знакомо, *интимно* — целую вечность.

Мне следовало бы отойти и установить между нами столь необходимое расстояние, но я не могла не наклониться к нему. *Одна минута. Это все, что мне нужно.*

— Я не единственная, кто не спал, — его выдавали темные круги под глазами и бледный цвет лица, но, тем не менее, он был настолько красив, что это причиняло боль.

— Трудно спать, когда твоя жена отказывается отвечать на твои звонки, — тихо сказал он.

Болезненный комок перекрыл доступ кислорода к моим легким. *Не позволяй ему добраться до тебя.*

Я заставила себя отступить и игнорировать вспышку боли в его глазах.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать наши привычки сна, — сказала я, намеренно пропуская вторую часть его заявления.

Уверенная маска Доминика вернулась на место, стирая любой намек на уязвимость, но его взгляд впился в меня тревожной интимностью.

— Тогда почему ты здесь, *amor*? — Бархатистое прозвище ласкало мою кожу и вызвало непроизвольную волну ностальгии.

— *Не могу поверить, что ты говоришь по-португальски, — я покачала головой, все еще не веря тому, как Доминик разговаривал с моей семьей за ужином на их родном языке. — Когда, черт возьми, ты научился говорить по-португальски?*

— *Каждую среду вечером я посещал занятия в Институте иностранных языков, — легкая улыбка тронула его губы, когда он сполоснул последнюю тарелку и поставил ее на стойку. Мы предложили помыть посуду, поскольку еду приготовил мой брат, а мама исчезла сразу после десерта со своим очередным бойфрендом. — Закрой рот, amor, а то муха залетит.*

— Ты сказал мне, что работаешь по вечерам в среду, — обвинила я.

— Так и было. Я работал над изучением португальского языка, — Доминик пожал плечами, и на его скулах выступил румянец. — Я впервые встречаюсь с твоей семьей. Подумал, что это будет приятно.

Боль развернулась за моей грудной клеткой.

— Тебе не обязательно было этого делать. Они бы любили тебя в любом случае.

Изучение иностранных языков далось Доминику нелегко, но тот факт, что он все равно сделал это, потому что хотел произвести хорошее впечатление на мою семью...

Боль усилилась. Боже, я обожала этого человека.

— Возможно, но я хотел, — лицо Доминика смягчилось. — *Faria qualquer coisa por você (прим. Я бы сделаю для тебя все что угодно).*

Тяжесть воспоминаний почти раздавила меня, но я сделала болезненный вздох и отбросила их в сторону.

То было тогда. А сейчас было это. *Сосредоточься на настоящем моменте.*

— Коул сказал мне, что ты отказался подписать бумаги.

Мой комментарий обдал комнату льдом.

Теплота исчезла с его лица, и челюсть Доминика сжалась, когда он выпрямился во весь свой рост — 190 сантиметров.

— Я вижу, ты уже по имени со своим адвокатом.

С таким же успехом он мог бы дать мне пощечину.

Гнев вспыхнул внезапно и жарко из-за его намека.

— Даже *не думай* разыгрывать сцену ревнивого мужа. Не тогда, когда тебе было все равно, с кем я общалась или тусовалась, пока не задела твое эго...

— Ты думаешь, в этом дело? Мое эго? — его глаза сверкнули. — Черт возьми, Але, прошла неделя. Всего неделя, и этот засранец-адвокат уже вручает мне документы о разводе. Мы еще даже не пытались что-то исправить. Есть консультации по вопросам брака...

— Мы однажды попробовали это, помнишь? — ответила я. Это было несколько лет назад, когда я была так расстроена его долгими часами работы, что уговорила его на терапию для пар. — Ты не появился из-за — сюрприз, сюрприз — экстренной работы.

Вероятно, он даже не помнил. Я не просила его пойти снова, потому что единственное, что было бы более унижительно, чем рассказать незнакомцу о наших проблемах в отношениях, — это когда твой муж вообще пропускает прием. Воспоминание о жалостливом взгляде психолога жгла и по сей день.

Доминик замолчал. Он с трудом сглотнул, и после моего ответа воцарилась тишина.

— У тебя есть две недели, чтобы подписать бумаги, Доминик, — сказала я. — Или это перерастет в войну, и мы оба знаем, что это нанесет большой ущерб твоим доходам, нежели моим. — У него была многомиллиардная компания, которой нужно было управлять, а у меня — нет.

Я не хотела участвовать в судебных разбирательствах с ним, но если это было необходимо, то я так и сделаю. Я хочу снова взять жизнь в свои руки, и не могу сделать это, не прекратив отношения с Домиником.

Как бы больно это ни было.

ГЛАВА 9

Доминик

Я больше не ночевал в пентхаусе. Но даже с целым штатом сотрудников и лучшими развлечениями, которые можно было купить за деньги, я чувствовал себя невыносимо одиноким без Алессандры. Все напоминало мне о ней — платья в шкафу, белые лилии в

коридоре, стойкий цветочный аромат ее шампуня в нашей постели.

Вместо этого я поселился в своем офисе, где у меня уже была оборудована спальная зона для ночевки, которые мне иногда приходилось проводить.

Мой телефон завибрировал от входящего звонка. Как всегда, мое сердце замерло от надежды, что это Алессандра, прежде чем наступило разочарование.

Неизвестный номер. Сегодня это был четвертый подобный звонок. Я не знал, как они нашли мой личный номер мобильного телефона, которого не было в списке и который был доступен только небольшой группе проверенных контактов, но это меня чертовски раздражало. Я взял трубку в первый раз и не услышал ничего, кроме тишины.

Если бы не Алессандра, я бы уже получил новый номер и покончил бы с этим.

Прошло две недели с тех пор, как она появилась в офисе и потребовала, чтобы я подписал бумаги. Ее ублюдок-адвокат продолжал преследовать меня, и что бы я ни делал, она отказывалась меня видеть. Подарки. Звонки. Я даже записался на чертов сеанс у лучшего консультанта по вопросам брака Манхэттена, на который она не пришла.

Я провел рукой по лицу и попытался сфокусироваться на экране. Мне еще предстояло разобраться с расследованием Комиссии по ценным бумагам и биржам в отношении банка DBG, которое набирало обороты и погружало наш офис в хаос. В этой ситуации меня что-то настораживало, хотя я не мог точно определить, почему.

В конце концов, после тридцати минут безрезультатных поисков, я решил остановиться и немного отдохнуть. Поскольку было всего десять, а я не мог вынести мысли о том, чтобы спать в тихом офисе так рано, я схватил пиджак со спинки стула и направился в единственное место, где была хоть какая-то надежда заставить меня забыть об Алессандре, если только ненадолго.

Нью-йоркское отделение клуба «Вальгалла» располагалось в тщательно охраняемом поместье в Верхнем Ист-Сайде. В наши дни такое количество приватной территории было неслыханно для Манхэттена, но клуб был основан более века назад, когда у группы чрезвычайно богатых и имеющих большие связи семей было больше свободы действий, чтобы претендовать на владение огромным участком недвижимости.

Вальгалла не изменилась в том смысле, что она оставалась эксклюзивным местом для самых богатых и могущественных людей в мире, но ее влияние не ограничилось Нью-Йорком и распространилось на все крупные города мира, включая Лондон, Шанхай, Токио, Кейптаун и Сан-Паулу.

Если бы не Данте Руссо, потомок одного из отцов-основателей Вальгаллы, у меня не было бы ни малейшего шанса стать членом клуба.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал Данте, когда я подошел к барной стойке, где он сидел вместе с Каем Янгом, генеральным директором медиа-империи Young.

— И я рад тебя видеть, Руссо, — я сел по другую сторону от Данте и заказал бурбон.

Данте был одним из моих первых инвесторов. Он управлял Russo Group, крупнейшим в мире конгломератом предметов роскоши, и сочетание удачи, выбора времени и чистой настойчивости выбило его из круга инвесторов в мою молодую компанию. Куда пошел Данте, в конечном итоге последовало и остальное высшее общество, включая Кая, который с годами также стал хорошим другом.

Я знал, что я был лишним в этом трио. И Кай, и Данте произошли от семей с деньгами, настолько старых, что они принадлежали музею, тогда как мои миллиарды были совершенно новыми, но, в конце концов, деньги есть деньги. Даже родословные снобы Вальгаллы не

осмеливались открыто пренебрегать мной, когда я контролировал судьбу их инвестиций.

— Он прав, — мягко сказал Кай. — Ты выглядишь так, словно не спал несколько недель.

Потому что так и было.

— Продолжай в том же духе, и ты отпугнешь своих инвесторов, — добавил Данте. — Твое лицо было достаточно уродливым, и без темных кругов под глазами и хмурого взгляда.

Я фыркнул.

— Кто бы говорил, — он столько дрался, что его нос был постоянно искривлен, хотя это не мешало женщинам бросаться на него до того, как он женился.

— Вивиан очень нравится мое лицо.

— Она твоя жена. Значит, она обязана притворяться. — *Например, как Алессандра притворялась счастливой, хотя на самом деле это было не так.* Острая боль схватила меня за сердце и скрутила.

В то время как Данте и Кай обменивались взглядами, я опрокинул свой напиток, пытаюсь забыться в алкоголе. Я не рассказал им, что случилось с Алессандрой, но она дружила с Вивиан и Изабеллой, девушкой Кая. Я предположил, что они проинформировали своих мужей о том, что произошло.

— Говоря о женах, как дела у Але? — спросил Кай таким спокойным тоном, что с таким же успехом он мог говорить о погоде.

— Хорошо, — коротко ответил я.

— Слышал, она вручила тебе документы о разводе на работе. — В отличие от Кая, Данте обладал тактом социально неумелого быка.

Мои плечи напряглись.

— Это было недоразумение.

— Никто не нанимает чертового Коула Пирсона по недоразумению, — на лице Данте отразилось сочувствие. — Скажи мне, что ты не отмахиваешься от этого. Если вы разведетесь, твои акции...

— Я знаю, что происходит с моими акциями, — логическая часть меня говорила, что следует больше об этом беспокоиться, но мне было все равно. — Мы не разводимся, — я потянулся за зажигалкой, но на этот раз знакомый щелчок кремневого колесика не смог успокоить бушующую внутри меня бурю. — Мы разберемся с этим. Сходим на консультацию, уедем куда-нибудь в путешествие.

Я забыл о том случае, когда Алессандра попросила о терапии для пар, пока она не рассказала об этом в моем офисе. Это было три года назад, и в то время я был завален огромным количеством предложений. Она попросила только один раз, так что я решил, что это была импульсивная просьба, а не признак давней проблемы.

Когда мы встречались, Алессандра никогда не стеснялась рассказывать мне, когда у нее возникали какие-то претензии.

Нам просто нужно было восстановить связь, вот и все. Мы могли бы воссоздать наш медовый месяц на Ямайке или провести две недели, путешествуя по Японии. Я не мог реально отвлечься от работы больше, чем это, но двух недель было бы достаточно, верно? Когда мы с Алессандрой будем проводить время наедине, все будет в порядке. В этом и заключалась причина, по которой она обратилась к семейному психологу.

Данте и Кай молчали.

— Что? — Раздражение пробежало по моим венам. Я уже был на грани изнеможения.

стресса и странной боли, которая, казалось, преследовала меня повсюду.

Мне также не нужно было молчаливое осуждение моих друзей.

— Я не думаю, что отпуск или консультация помогут решить ваши проблемы, — сказал Данте.

— Почему, черт возьми, нет?

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— Ты пропустил *десятилетнюю годовщину свадьбы*. Однажды я забыл о званом обеде, и Вивриан не разговаривала со мной несколько дней. Если бы я пропустил годовщину... — он поморщился, — давай не будем об этом.

— Данте пытается сказать, что несколько недель на роскошном курорте не компенсируют годы подавленных чувств, — вмешался Кай, как всегда дипломатично.

— Очевидно, что Алессандра какое-то время была... недовольна. Годовщина стала, так сказать, той каплей, переполнившей чашу терпения.

Я уставился на них.

— Ох, черт возьми, — сказал Данте. — Давайте перестанем ходить вокруг да около. Проблема в *тебе*, Дом. Даже тот, кто когда-то встречал вас обоих, может сказать, что ты почти не обращал внимания на Алессандру, когда она была рядом. Сколько раз ты оставался на мероприятии, пока она шла домой, потому что плохо себя чувствовала? Сколько ужинов ты проводил с клиентами, а не с ней? — Он покачал головой. — Твоя одержимость работой полезна для кошелька, поэтому я не жалею об этом. Но неудивительно, что Алессандре это надоело.

— Не существует краткосрочного решения для чего-то подобного, — сказал Кай, его тон был немного мягче, чем у Данте. — Это требует полного изменения образа жизни и мышления.

— Ты говоришь как реклама тренера по фитнесу. — *Открыл. Закрыл.* Я щелкнул зажигалкой дрожащими руками.

Несмотря на мой легкомысленно ответ, в голове у меня царил хаос. Данте привел те же аргументы, что и Алессандра, но если ее слова были меткими, то его — задели в самое сердце.

Одно дело, когда партнер указывает на недостатки в отношениях. Другое дело, что третья сторона делает это с безошибочной точностью, особенно когда я думал, что все в порядке. Не отлично, но и не ужасно. Очевидно, я ошибался.

Открыть. Закрыть. Маленькое пламя расплывалось, когда перед моим мысленным взором проносились отрывки из последних нескольких лет.

Когда наш брак перешел в то состояние, в котором он находится сейчас? Мы с Алессандрой каждый вечер ужинали вместе. Каждую пятницу у нас было незабываемое свидание, и мы никогда не ложились спать, не рассказав друг другу о том, как прошел день. Затем я основал Davenport Capital, и ситуация медленно, но постепенно изменилась.

— *Прости, атор, но инвестор будет в городе только сегодня вечером*, — сказал я. — *Он возглавляет одну из крупнейших страховых компаний в стране. Если мне удастся привлечь его...*

— *Все нормально. Я понимаю.* — Алессандра подарила мне мягкий, ободряющий поцелуй. — *Тебе просто придется загладить свою вину позже.*

Чувство вины ослабило хватку на моих мышцах.

— *Обязательно. Честное слово.*

Я впервые пропустил наше священное пятничное свидание. Мне было невыносимо подводить ее, но сейчас мне нужны были инвесторы, и поймать Волленски было бы большим успехом.

Когда-нибудь весь мир узнает имя Доминика Дэвенпорта, а вместе с признанием придет статус, деньги, власть — все, о чем я когда-либо мечтал. Как только это произойдет, я смогу тысячу раз загладить свою вину перед Алессандрой.

— Однако, если ты пропустишь на следующей неделе, у нас возникнут проблемы, — поддразнила она, отгоняя изображения частных самолетов и черных карточек Атех. — Мне практически пришлось пожертвовать своим первенцем, чтобы получить бронь в Le Fleur.

Я рассмеялся.

— Уверен, что наш первенец поймет, — я обнял Алессандру за талию и притянул ближе для еще одного поцелуя. — Спасибо за понимание, — пробормотал я. — Это всего лишь один раз. Больше этого не повторится.

Однако это произошло. Всего один раз превратился в два, затем в три, пока мы не вошли в новый ритм жизни. Я предполагал, что ее это устраивает, потому что Алессандра редко высказывала свое недовольство, за исключением того случая с психологом. Но то, как она становилась все тише и тише с годами, как она рано уходила с мероприятий, когда не была их ведущей, и полное отсутствие удивления, когда я отменял планы...

Осознание нахлынуло на меня волной, ошеломив до полной неподвижности. Черт.

— Как я уже сказал, образ жизни и мышление меняются, — Кай прочитал мое выражение лица, как книгу. Он поднес стакан к губам и выгнул бровь. — Вопрос в том, готов ли ты это сделать?

ГЛАВА 10

Алессандра

Судьба преподнесла мне огромный подарок в виде красной вывески с надписью

«Сдается в аренда торговое помещением.»

Табличка была прикреплена на витрину крохотного магазинчика в NoMad, расположенного между кафе и маникюрным салоном.

На обратном пути после очередного дня *безрезультатных* поисков квартиры я проехала мимо множества объявлений о сдаче в аренду, но по какой-то причине именно на нее я обратила внимание. Возможно, дело было в тихой улице, огромных окнах и оголенных кирпичных стенах, которые я заметила внутри. Или, может быть, это было мое разочарование по поводу застоя в бракоразводном процессе и желания что-то сделать. Найти часть себя, которая не вращалась бы вокруг моего брака.

Что бы это ни было, это заставило меня позвонить по номеру, указанному на вывеске, и оставить голосовое сообщение с запросом дополнительной информации.

Доминик мог откладывать все, что хотел, но я больше не откладывала ради него свою жизнь. Коул мог справиться с разводом, а я начала строить новую жизнь, в которой я могла бы контролировать свои финансы и будущее.

— Я свободна в любой день, — сказала я после того, как оставила необходимую контактную информацию. *Это звучит слишком отчаянно?* Нормальные люди не сидят целыми днями в ожидании телефонного звонка, верно? — В любой день между девятью и пятью, — добавила я. *Намного лучше.* — Я с нетерпением жду вашего скорого ответа. Спасибо.

С дрожью в руках я поместила трубку.

Это было оно. Мой первый шаг к независимости. Ну, кроме переезда, который в полной мере не учитывался, потому что своего жилья у меня еще не было и большая часть моих вещей все еще находилась в пентхаусе. Я еще не могла заставить себя вернуться в Хадсон-Ярдс и собрать вещи.

Ранний октябрьский воздух немного охладил мои нервы, когда я переходила улицу и направилась к квартире Слоан. Два года назад я основала компанию Floria Designs из прихоти, и она превратилась в небольшой, но процветающий бизнес. Он не приносил миллионов или чего-то еще, но была солидная прибыль, и мне нравилась эта работа. Однако теперь, когда я решила стать самостоятельной, пришло время двигаться дальше.

Я хотела взять все в свои руки и создать свое будущее; я не хотела больше никогда ставить себя на последнее место.

Мой телефон зазвонил, когда я вошла в вестибюль дома Слоан. Мое сердце екнуло, но вместо того, чтобы увидеть звонок риэлтора, я обнаружила знакомое имя.

— Ты не звонишь, не пишешь. Меня как будто больше не существует, — сказал Марсело, когда я взяла трубку. Его дразнящий тон вызвал улыбку на моих губах. — Что случилось с сестринской заботой?

— Не я та, кто устанавливает невозможные кулинарные стандарты для богатых и знаменитых, — сказала я. — Как кто-то может съесть еще один стейк после того, как попробовал твой?

— Ах, лесть. Это будет действовать на меня каждый раз, — мой брат засмеялся. Он был на два года младше меня и уже был одним из самых знаменитых шеф-поваров Сан-Паулу. Мы поговорили несколько минут о работе и о его потребности в отпуске, прежде чем он спросил: — Когда ты снова приедешь? Я не видел тебя и Дома целую вечность.

Моя улыбка померкла. Я еще не рассказал семье о своем разводе. Во-первых, было достаточно сложно разыскать мою мать в обычный день. Во-вторых, я видела их только один

или два раза в год. Они понятия не имели, что я несчастлива в браке, а у меня пока не было сил подробно описать причины расставания.

— Але? — спросил Марсело, когда я замолчала. — Ты в порядке?

— Да, я... — мой ответ внезапно оборвался, когда двери лифта открылись.

О, ты, должно быть, шутишь.

— Я перезвоню, — сказала я, не отрывая глаз от зрелища, ожидающего меня возле квартиры. — Со мной все в порядке, но что-то... кое-что произошло.

Поправка: около сотни, судя по количеству букетов, занимающих почти весь холл. Розовые розы — в знак привязанности, белые лилии — для прощения, золотые цветы — в знак преодоления препятствий. Я старалась игнорировать смысл каждого букета, сосредоточившись на саде, взорвавшемся внутри здания. Не нужно было быть ученым, чтобы понять, от кого они.

Я убью Доминика.

— Здравствуйте. Алессандра Дэвенпорт? — Курьер протянул мне ручку и планшет. — Можете ли вы подписать, пожалуйста? У нас есть еще внизу, но мы не можем разместить их всех в холле.

Я не прикоснулась к ручке.

— Как Вы сюда попали?

Слоан была в Европе и имела дело с Ксавьером Кастильо, одним из ее самых трудных клиентов, и охрана здания не пропускала никакие посылки без предварительного уведомления получателя.

Курьер пожал плечами.

— А... — он проверил свой телефон. — Мистер Доминик Дэвенпорт позвонил и договорился. Он сказал, что знает владельца здания?

После этого я собирался *серьезно* поговорить с начальником службы безопасности.

— Спасибо, но мне не нужны цветы, — сказала я. — Можете ли вы вернуть их в магазин? Я не хочу, чтобы они пропали даром.

На лице мальчика отразилась паника. Он обменялся взглядами с другими сотрудниками цветочного магазина, и у всех на лицах было такое же потрясенное выражение.

— Наш босс сказал, что мы должны выполнить. Когда мы вернемся, он проверит Вашу подпись.

Я подавила стон.

Парню не могло быть больше восемнадцати или девятнадцати лет. Вероятно, он делал это в качестве подработки, и не его вина, что Доминик был таким... таким *невыносимым*. Если он думал, что задаривая меня цветами, заставит отказаться от развода, то он меня совсем не знает.

Разве не в этом заключается проблема?

— Как насчет этого? — я взяла планшет. — Я подпишу, но вместо этого вы отнесете цветы в ближайшую больницу. Вашему боссу не обязательно знать, что я не оставила их себе.

Пришлось немного подговаривать, но в конце концов парень уступил и согласился с моим планом. Однако, уходя, он вручил мне записку, прилагающуюся к цветам, и ушел, прежде чем я успела возразить.

Я вошла в квартиру, не и мой взгляд остановился на знакомом неразборчивом почерке Доминика.

Мне жаль, что я пропустил ужин в нашу годовщину и многие другие ужины до этого. Одними цветами это не восполнишь, но дай мне возможность загладить свою вину лично, и я это сделаю. В тысячу раз больше.

Под конец его почерк стал почти неразборчивым, но я его поняла. Я всегда его понимала.

Крошечная капля влаги размазала чернила. Мое сердце грозило вырваться из груди, когда слова Доминика перенесли меня в прошлое.

Настанет день, и я смогу купить тебе тысячи настоящих роз. Клянусь.

Я не забуду. Даю слово.

Мы все преодолеем. Я обещаю.

Так много обещаний. Он выполнял лишь часть из них, но я каждый раз верила.

Но не в этот раз.

Я проигнорировала боль в груди, когда сжала челюсть, скомкала записку и выбросила ее в мусор. Быстро приняв душ, я открыла дверцу шкафа и начала искать подходящий *чертов* наряд.

Слишком много вечеров я просиживала дома, в ожидании Доминика, в то время как должна была наслаждаться жизнью, и пришло время наверстать упущенное.

Начиная с сегодняшнего вечера.

— Ты прекрасна.

Я повернула голову, рассматривая говорящего сквозь гул после трех джин-тоников и одного яблочного мартини. Он выглядел так, будто ему было около двадцати пяти лет. Распущенные волосы, дизайнерский костюм и опрятный, чистый вид выпускника Лиги плюща, ставшего инвестиционным банкиром.

Доминик мог бы съесть его на завтрак.

Перестань думать о Доминике.

— Спасибо, — сказала я с легкой улыбкой. Его линия пикапа не была новаторской, но она была лучше, чем предыдущие комплименты моим «отличным сиськам» и предложения показать мне «ночь, которую я никогда не забуду».

— Я Дрю, — он протянул руку.

— Алессандра.

Он не интересовал меня ни в романтическом, ни в сексуальном плане. Я все еще была замужем, и, несмотря на мое разочарование из-за упрямства Доминика, я не была изменщицей.

Маленькими шажками.

— Итак, Дрю, чем ты занимаешься? — я по умолчанию перешла к простой светской беседе. Как и ожидалось, мой новый знакомый начал энергичную речь о банке, в котором он работал, в то время как я потягивала напиток и пыталась вспомнить, как снова быть нормальной одинокой девушкой на этапе знакомств. Я *еще* не была одинока, но мне пора начать тренироваться, верно?

К счастью, Дрю обладал энтузиазмом новорожденного щенка и вел разговор

самостоятельно. Время от времени он вспоминал, что нужно задать мне вопрос о себе, и с каждым ответом придвигался ближе, пока его колено не коснулось моего.

— Это здорово, — сказал он после того, как я дала ему краткий обзор того, что сделала для Floria Designs. — Итак, ты свободна на этих выходных? У меня есть билеты на игру Янкиз. Места в ложе. — В его тоне прозвучал намек на хвастовство.

Нет, спасибо. Я никогда не понимала увлечения бейсболом. Большую часть времени я даже не видела мяч.

Я открыла рот, но ледяной голос прозвучал между нами, прежде чем я успела ответить.

— Она не свободна, — чья-то рука легла на мою поясницу, сопровождаемая прикосновением мягкого шерстяного костюма и запахом знакомого одеколona. — У нас с женой есть планы.

Все мое тело напряглось, когда Дрю резко вскочил со стула, его лицо покраснело, а глаза загорелись.

— Мистер Дэвенпорт! Вау, я большой фанат. Я Дрю Леджхолм. Мы узнали о вас на моем уроке финансов...

Я подавила стон. *Конечно*, он сразу узнал Доминика. Все любили истории о богатстве, а Доминик был практически легендой для каждого начинающего бизнесмена на Уолл-стрит.

Похоже, фанатизм Дрю его не впечатлил. На самом деле он выглядел так, словно был готов разорвать его на куски голыми руками.

Дрю, должно быть, тоже это понял, потому что его голос в конце концов затих. Я точно определила момент, когда до меня дошло откровение Доминика о том, что я его жена. Его лицо побледнело, и в его выражении появилась паника, а глаза метались между нами.

— Она Ваша жена? Я не знал... Я имею в виду, она не носит...

Три пары глаз впились в мой обнаженный безымянный палец. Выражение лица Доминика потемнело, а температура упала еще на десяток градусов.

— Теперь ты знаешь, — если раньше его голос был холодным, то теперь он был определенно арктическим. — Я верю, что тебе есть где побыть в другом месте. Не так ли, Дрю? — В спокойном произнесении его имени прозвучало больше угрозы, чем в любом прямом высказывании.

Дрю не стал ответить. Он сбежал, оставив меня одну с разъяренным мужем и угольками гнева, тлеющими в моем животе.

Я стряхнула руку Доминика и повернулась к нему лицом.

— Серьезно? Что не так с тобой? Ты напугал этого бедного мальчика до полусмерти!

— Этот *бедный мальчик* приставал к *моей* жене, — глаза Доминика сверкнули. — Чего ты ожидала от меня? Что я похлопаю его по спине?

— Он не знал, что я замужем, — я покачала головой. — Что ты вообще здесь делаешь? Не говори мне, что преследуешь меня. — Я бы не стала на это надеяться. Он пойдет на все, чтобы победить.

Легкое веселье на лице сменило его гнев.

— Бар находится дальше на соседней улице моего офиса, *amor*. У меня здесь была встреча с клиентом.

— Ой, — *верно*. Я выбрала этот бар из списка «лучших мест для счастливых часов в городе» и совершенно забыла, что он находится так близко к работе Доминика.

Выражение его лица смягчилось.

— Спроси меня еще раз в другой день, и мой ответ будет другим. Я бы преследовал

тебя, если бы это означало, что ты снова заговоришь со мной.

— Как романтично.

— Я перестал быть романтиком, Алессандра. Я в отчаянии.

Мне пришлось безжалостно подавить сочувствие, развернувшееся у меня под ребрами. Что с того, что он выглядел несчастным? Он сам это навлек.

Тем не менее, я переключила свое внимание на указатель выхода над его плечом, чтобы мне не пришлось встречаться с ним взглядом.

Мне необходимо уйти. Каждая секунда, проведенная в компании Доминика, была для него еще одной возможностью разрушить мои стены, а я еще не полностью доверяла ему, особенно когда в моем организме было так много выпивки.

— Ты получила мои цветы? — Доминик больше не пытался прикоснуться ко мне, но его взгляд с таким же успехом мог быть лаской. Он задержался на моем лице, проследил линии моей челюсти и скул, а затем поцеловал.

— Да, — я подняла подбородок, хотя кожу покалывало от осознания. *Мне не следовало пить этот мартини.* Алкоголь всегда снижал мою сдержанность, что было нехорошо, когда Доминик был рядом. — Я отдала их в ближайшую детскую больницу.

Если он и расстроился из-за того, что я пожертвовала цветы на тысячи долларов, он этого не показал.

— Уверен, что они это оценили.

Улыбка мелькнула на его губах, когда я вздохнула, и я увидела крошечный проблеск того мужчины, которым он был раньше — того, кто нес меня в гору под проливным дождем, потому что у меня сломался каблук, который целовал меня перед сном каждую ночь, независимо от того, насколько поздно он пришел домой, и который пытался испечь один из сложных тортов, которые я сохранила на Pinterest, на мой день рождения. Его торт получился совершенно не похожим на тот с Pinterest, но мне он все равно понравился. То, что Доминик заботился обо мне, это имело значение.

Укол сентиментальности выжал из меня все силы. Я снова вздохнула, уже уставшая от необходимости держать себя в руках в его присутствии.

— Подпиши бумаги, Дом.

ГЛАВА 11

Доминик

Я, как правило, не верил в судьбу, но, как и во всех правилах, были исключения. У меня их было всего два: день, когда я встретил Алессандру в библиотеке Тайера, и сегодня.

Из всех баров и всех ночей мира сегодня мы оба оказались сегодня здесь. Если бы это не было посланием от Вселенной, то уж точно что-то другое.

— Если ты не сделаешь это, я получу половину всего. Мы никогда не подписывали брачный контракт, — Алессандра напомнила мне. Поток воздуха, созданный проходящим мимо официантом, смахнул пряди волос ей в глаза. — Мы... — ее предложение оборвалось, когда я откинул пряди назад. Моя рука задержалась рядом с ее щекой, наслаждаясь теплом.

— Ты так отчаянно хочешь избавиться от меня? — пробормотал я.

В любой другой ситуации я бы отказался от мысли потерять половину своего состояния, но все, о чем я мог думать, это то, как сильно мне хотелось ее поцеловать. Настоящий поцелуй, не похожий на те небрежные, которые я обычно дарил ей, когда приходил домой, потому что слишком устал с работы.

Сожаление о тысяче упущенных возможностей разлилось волной по моим венам.

Лицо Алессандры на долю секунды смягчилось, прежде чем ожесточиться.

— Я ведь вручила документы, не так ли?

Возможно, бы и поверил ей, если бы не крошечная заминка в голосе, но ее ответ все равно имел желаемый эффект. Он разрушил мое самообладание, принес взамен кровопролитие и боль.

Алессандра была не из тех, кто любит причинять людям боль, и ее оборонительная позиция была свидетельством того, насколько сильно я причинил *ее обидел*. Из всего что было, это знание ранило сильнее всего.

Я думал, что постураю правильно, обеспечивая нас, но наши представления о том, как это выглядело, явно разошлись с годами.

Не существует краткосрочного решения для чего-то подобного

Слова Кая эхом отдавались в моей голове, подкрепленные знакомым сладким, теплым пением, когда музыка переходила в новую песню.

Мое дыхание остановилось одновременно с дыханием Алессандры. Вывеска возле бара гласила, что сегодня вечер латиноамериканской музыки, но каковы были шансы, что они сыграют именно *эту* песню именно в *этот* момент?

Как я уже сказал, я не верил в судьбу... за исключением тех случаев, когда она приходила к нам.

— Потанцуй со мной, — я опустил руку и протянул ей. Но она не взяла.

Я ожидал отказа, но, тем не менее, он меня задел. — Как бы выглядел сегодняшний вечер, если бы все было по-другому? — тихо спросил я. — Если бы мы были теми людьми, которыми были раньше?

Алессандра заметно напряглась.

— Не надо.

— Побалуй меня, — мой голос смягчился еще больше. — Ради старых времен.

Музыка зазвучала вокруг нас, унося нас из бара в прошлое.

— Давай, потанцуй со мной. — Алессандра рассмеялась надо мной. — Только один раз. Обещаю, что ты не сгоришь в огне.

— Спорно, — тем не менее я взял ее за руку. Мне не хотелось выставить себя дураком, но я никогда не мог отказать ей ни в чем. — Я не знаю, как под это танцевать.

Это была наша последняя ночь в Бразилии. Ее мать и брат ушли, оставив нас наедине. Ветер проникал в открытые окна, принося с собой аромат лета, и изысканный женский голос, напевавший из старого проигрывателя, крутившегося в углу.

— Не волнуйся. Это не похоже на самбу, которой я пыталась научить тебя вчера, — Алессандра потянула меня в центр гостиной. — Просто положи руки сюда вот так... — она положила мои руки себе на бедра, — держи меня вот так... — она прижалась щекой к моей груди, у нее перехватило дыхание, когда я нежно погладил ее сквозь тонкий хлопок ее платья, — ... и покачивайся, — закончила она шепотом.

Я прижал подбородок к ее макушке и закрыл глаза, пока мы плавно двигались в такт музыке. В этот момент я не обращал внимания на маленькую бархатную коробочку, которая жгла дыру в моем кармане; сейчас я был счастлив, просто обнимая ее.

Мы прошли долгий путь с момента нашей первой встречи девять месяцев назад, и я молча благодарил высшие силы за то, что они поставили меня на ее путь, даже если им пришлось тащить меня туда, пинками и криками.

— Моя мама включала эту песню всякий раз, когда у нее появлялся новый парень, — Алессандра подняла голову. — Я часто ее слышала.

Я верил в это. В то время как Алессандра была добродушной и приземленной, ее бывшая супермодель мать жила в своем собственном мире. Вчера она пришла на ужин в мини-платье с перьями и бриллиантовым колье, а рот ее бойфренда-рок-звезды приклеился к ее шее.

— Кто поет? — спросил я.

— Мариса Монте, — улыбка Алесандры была такой мягкой и теплой, что я прочувствовал ее до глубины души. — Она называется «Amor, I Love You».

Нынешняя Алессандра не улыбалась, но блеск ее глаз вселил во меня намек на надежду. Пока она что-то чувствовала, нас можно было спасти, потому что я боялся не ее ненависти — я боялся ее безразличия.

— Если бы все было иначе, мы бы приехали сюда вместе, — говорит Алессандра. — Мы бы заказывали напитки, рассказывали друг другу о том, как провели день и жаловались на пробки в час пик. Мы бы сочиняли истории из жизни окружающих нас людей и спорили о том, не слишком ли рано еще развешивать рождественские украшения. Мы были бы обычной парой, и мы бы... — ее голос запнулся. — Мы были бы счастливы.

Горечь, прозвучавшая в последнем слове, расколола мое сердце пополам. Картина, которую она нарисовала, была данью уважения к прежним простым временам, и хотя я никогда не хотел быть тем нищим, беспомощным мальчишкой, каким я был, когда мы впервые встретились, я действительно хотел быть тем мужчиной, в которого она влюбилась.

Я хотел, чтобы она улыбалась мне, как раньше.

Я хотел, чтобы она была рядом со мной, счастливая, смеющаяся и сияющая.

Я хотел, чтобы мы снова были вместе, даже если это означало лишить ее части того человека, над созданием которого я так долго работал.

— Один танец. — Я давно никого ни о чем не умолял, но сейчас я именно это и делал. — Пожалуйста.

Песня закончилась. Момент ностальгии улетучился, но я почти не заметил этого, ожидая ответа Алессандры.

Она посмотрела на мою протянутую руку. Мое сердце ударилось о грудную клетку, и как раз в тот момент, когда я подумал, что она уйдет и заберет с собой этот чертов орган, она вложила свою ладонь в мою.

Облегчение выбило воздух из моего горла.

Я притянул ее ближе, стараясь не двигаться слишком быстро, чтобы не спугнуть.

Один танец. Одна песня. Один шанс.

— Помнишь, как мы впервые пошли в бар вместе? — спросил я. — Тогда я сдал экзамен по английскому языку, и мы отпраздновали это шотами в Склепе.

Алессандра покачала головой.

— Как я могу забыть? Тебя чуть не арестовали.

Не успели мы пробыть внутри и пяти минут, как какой-то пьяный засранец набросился на нее. Он отказался оставить нас в покое, и его заигрывания становились все более агрессивными, пока я не ударил его, он не ударил меня в ответ, и ссора переросла в драку, в результате которой на место происшествия прибыли полицейские.

— Это того стоило, — сказал я. — Надеюсь, его нос никогда не будет прежним.

От ее сдержанного смеха у меня в груди пробежали волны тепла. Я даже не осознавал, как сильно скучал по этому звуку. Даже до того, как она ушла, ее смех редко звучал. Не так, как раньше.

Алессандра постепенно расслабилась, а я вытянул в настоящее все больше воспоминаний — наше первое свидание, выпускной, наша первая совместная поездка в Нью-Йорк. Наше будущее было неопределенным, но когда-то нам было хорошо вместе. Мы могли бы вернуться в то место. Нам просто нужно было время.

Песня закончилась, и она попыталась отстраниться, крепко обнял ее.

— Еще нет, — сказал я, но слова прозвучали неуверенно. Я не был готов отпустить Алессандру, но не знал, как заставить ее остаться.

У Алессандры задрожали губы, потом она твердо произнесла.

— Один танец. Помнишь?

— Да, — я наклонил голову, желая иметь возможность повернуть время вспять.

— Но у меня есть последняя просьба. Поцелуй. Только один.

Она закрыла глаза.

— Дом...

— В память о старых временах, — повторил я, и слова превратились в клочья в крошечном пространстве между нами.

Неравномерный ритм ее дыхания соответствовал моему. Она не ответила, но и не ушла, что я интерпретировал как молчаливое согласие.

Затем я приблизился к ее губам, давая последний шанс отстраниться.

Когда Алессандра этого не сделала, я сократил оставшееся расстояние и поцеловал ее губы самым легкомысленно образом. Поцелуй был таким мягким, что его можно было считать скорее легким касанием, но он взорвал все эмоции, которые я так старательно пытался похоронить. Боль, тоска, сожаление, любовь. Никто не мог заставить меня чувствовать так сильно и глубоко, как Алессандра, и любой контроль, который я мог оставить, оборвался на ее почти неслышном вздохе.

Я углубил поцелуй, мои рот прильнул к ее губам с легкостью, которая появилась за годы

практики. Моя рука скользнула в ее волосы; ее руки схватили меня за плечи. Я исследовал рот Алессандры глубокими, плавными движениями, наслаждаясь вкусом яблок, джина и ее. После двух недель разлуки поцелуй с Алессандрой был похож на возвращение домой.

Желание нарастало с каждой секундой. Оно извивалось вокруг нас толстыми лентами, стягивая мою кожу и сбивая ее дыхание, но мне хватило ума помнить, что мы на людях.

Каким-то образом я провел нас в соседний зал, где туалет для персонала неожиданно оказался незапертым. Это была хорошая уборная, но я почти не обратил внимание на золотые детали и мраморные полы. Я был слишком сосредоточен на Алессандре — ее покрасневших щеках, приоткрытых губах, на том, как она вздрогнула, когда я посадил ее на стойку и задрал юбку до талии.

Никто из нас не говорил ни слова, чтобы не разрушить хрупкое заклинание, сдерживающее наши проблемы.

Наши проблемы не исчезнут и завтра, но сегодня? Сегодняшний вечер был для нас.

Я снова поцеловал Алессандру. На этот раз сильнее, отчаянно пытаюсь впитать в себя как можно больше ее. Независимо от того, как долго мы были вместе или насколько плохо я выражал свои мысли в последние годы, я не мог насытиться ею. И никогда не смогу.

Одной рукой я обхватил ее шею, а другой провел по кружевному краю ее нижнего белья. Скованность, возникшая ранее ночью, исчезла, и когда я остановился на чувствительном месте, она издала протестующий звук.

— Шшш, — я целовал ее шею, останавливаясь в тех местах, которые сводили ее с ума. Точка за ухом, впадина на горле, изгиб шеи и плеч. — Терпение.

Я знал тело Алессандры, как свои пять пальцев, и каждое преднамеренное движение в сторону вызывало стоны, которые переросли в настоящий возглас, когда я, наконец, отодвинул ее нижнее белье и провел большим пальцем по ее клитору.

Я подавил стон. Она уже была чертовски мокрой для меня.

По моему позвоночнику пробежал жар, когда я неторопливыми движениями, кружась и дрязня, стал поглаживать ее пока она не обмякла моей руке. Алессандра извивалась на моих руках, на ее лице были видны разочарование и похоть.

— Дом, — с ее губ сорвался слабый вздох. — *Пожалуйста.*

Я затвердел до боли. Боже, ничто в мире не звучало так сладко, как звук моего имени на ее губах.

Еще один крик вырвался из ее горла, когда я наконец просунул в нее два пальца. Она была настолько мокрая, что легко приняла их, и ее бедра снова дернулись, когда я вонзил в нее пальцы до самых костяшек.

— О Боже, — ее ногти оставили болезненные бороздки на моих плечах. — Я не могу... это... *черт...*

Ее слова разлетелись на кусочки, когда я трахал ее пальцами, доводя до беспорядочного состояния. Стоны Алессандры и звук от моих пальцев, входящих и выходящих из нее, наполнили туалет, заглушая мое тяжелое дыхание.

Я почти потерял контроль при виде того, как красиво она раскинулась вокруг меня, но взял себя в руки. Слишком долго я концентрировался на себе. Речь шла о ней, и мне хотелось наслаждаться каждой секундой, даже если это будет за мой счет.

Я не сводил глаз с Алессандры, снова ввел пальцы в нее и согнул их так, что они коснулись ее самого чувствительного места.

Она мгновенно развалилась на части. Голова запрокинута, кожа покраснела, хриплые

крики, когда она судорожно сжимала мои пальцы. Я держал ладонь прижатой к ее клитору, пока она билась в волнах своего оргазма, и не отстранялся, пока не утихла последняя дрожь.

Я прижался своим лбом к ее лбу, моя грудь болела от яростной смеси похоти и тоски. Наше дыхание смешалось, и, несмотря на то, что эрекция болезненно давила на мою молнию, мое возбуждение отошло на второй план по сравнению с невыносимой интимностью момента. Тем не менее, несмотря на все мои усилия, я не мог предотвратить появление между нами ясности после секса.

Я хотел, чтобы Алессандра вернулась в нашу постель, в наш дом, в *нашу* жизнь. Мне не хватало жизненно важной части себя с тех пор, как она ушла, и было невероятно думать, что я каким-то образом принял ее как нечто само собой разумеющееся, когда она была мне нужна больше, чем воздух.

— Пойдем домой, — прошептал я ей в губы.

Алессандра закрыла глаза с разбитым выражением лица. Она могла бы смягчиться. Я почувствовал, как расслабились ее плечи, заметил характерное изменение в ритме ее дыхания, но прежде чем она успела ответить, воздух пронзил пронзительный звон.

Блядь. Я отстранился и завершил входящий звонок. Он снова был с того долбаного неизвестного номера, но когда я взглянул на нее менее чем через пять секунд, я понял, что уже потерял ее.

Паника впиалась злыми когтями в мои кишки.

— Але...

— Я не могу, — ее мучительный ответ прозвучал с тошнотворной окончательностью.

Я не могу.

Всю свою жизнь я занимался составлением длительных контрактов и сложными расчетами, но было забавно, как три простых слова могли опустошить меня с жестокостью ядерной бомбы.

Следующий момент болезненно протянулся между нами, прежде чем она оттолкнула меня и соскользнула со стойки. Я ничего не сказал, когда Алессандра поправляла свою одежду, и не остановил ее, когда она ушла, не встретившись со мной взглядом.

Я не могу. Что можно было сказать после этого?

И только когда дверь за ней захлопнулась, мое онемение исчезло.

— Черт побери! — я ударил кулаком по стойке. Боль взорвалась как от удара плоти о мрамор, так и от ее ухода.

Я завел ее слишком далеко и слишком быстро, и теперь рисковал, что она еще больше насторожится. И все ради поцелуя и нескольких украденных минут наедине.

Стоило ли это? Прошептал голос.

Да. Ответ пришел не раздумывая.

Алессандра всегда того стоила.

Я готов был ухватиться за любое мгновение с ней, каким бы быстрым или мимолетным оно ни было, потому что я не знал, сколько их у нас осталось.

Я закрыл глаза, голова стучала с каждым ударом сердца. Впервые я чувствовал себя так неуверенно с тех пор, как был подростком живя окраине дерьмового города, и ненавидел это. Мне пришлось потратить много времени и денег на предотвращение любой потенциальной потери контроля, но потребовался всего один ответ Алессандры, чтобы свести на нет мои усилия.

Сначала я подождал, пока пройдут острые приступы мигрени, и потом только

выпрямился. К тому времени, как вышел из ванной, я безжалостно вернул свое внешнее самообладание на место, но я был настолько погружен в свои мысли, что не заметил ожидающую меня тень, пока она не оторвалась от стены и не вышла на свет.

Я почти обошел его, прежде чем его лицо стало в фокусе.

Шок пронзил мое смятение из-за Алессандры. *Нет, этого не может быть.*

Скулы, как лезвия ножа, прорезали темноту, а угольно-черные волосы соответствовали цвету его футболки, брюк и ботинок. За эти годы он сильно изменился: гладкая кожа сменилась темной щетиной; юношеская худоба превратилась в крепкие мышцы.

Но глаза остались прежними. Под тусклым освещением коридора зеленые глаза блестели холодно и весело.

Шум и музыка из бара стали неразличимы, в ушах грохотала кровь.

Всякая надежда, что он был сверхъестественным двойником, исчезла, когда насмешливая улыбка растянулась на его лице.

— Привет, брат.

ГЛАВА 12

Алессандра

Я никогда больше не буду пить джин-тоник или яблочный мартини. Они были хороши, когда была ночь и я была под кайфом, но при утренней ясности мои недавние подвиги с Домиником вызвали сильный румянец. Я не могла поверить, что позволила ему поцеловать меня. Не могу поверить, что ответила на поцелуй и последовала за ним в уборную бара, а где я испытала такой сильный оргазм, что мои пальцы на ногах сжимались, об одном только воспоминании.

Я застонала, слегка ударившись лбом о шкаф, пока ждала, пока сварится кофе. Слава богу, Слоан все еще была в Европе, иначе она бы сразу поняла, что что-то не так. У этой женщины нюх был у ищейки, способный выудить секреты.

Как бы выглядел сегодняшний вечер, если бы все было по-другому?

Поцелуй. Только один.

Шии. Терпение.

Моя кожа вспыхнула при воспоминании о губах и руках Доминика. Поцелуи, ласки, исследования. Он умело доводил меня до предела, как мог только он. Несмотря на все наши проблемы на протяжении многих лет, физическое влечение никогда не было одной из них. Даже в самые худшие времена секс всегда был хорош.

— По крайней мере, ты не пошла с ним домой, — пробормотала я.

Я почти сдалась. Алкоголь и секс уже сыграли свою роль, по моему мнению, и его нехарактерная уязвимость стала бы последней каплей.

Спасибо Богу за этот звонок. Очевидно, Вселенная заботилась обо мне, потому что я отказалась быть той, кто бежит обратно к своему партнеру после нескольких красивых слов и приятного — ладно, захватывающего — оргазма.

Прошлая ночь была случайностью. Этого больше никогда не повторится, особенно после развода, а он непременно *состоится*.

Кофе был готов. Я налила себе чашку и проигнорировала певучий голос в голове, который говорил, что я могу сколько угодно винить алкоголь, но какая-то часть меня *хотела* пойти с ним домой.

Это была середина рабочей недели. Мне нужно было выполнить заказы, оплатить счета и заняться бизнесом. Чего у меня *не было*, так это времени мучиться из-за своих неверных решений.

Я быстро позавтракала и налила себе вторую чашку кофе, прежде чем сесть за стол.

Никакого Доминика. Никакого развода. Только работа.

К счастью, у меня было много электронной почты и встреч, которые заняли меня до утра. В прошлом году я наняла двух помощников для управления логистикой и обслуживанием клиентов, и только что закончила видеозвонок с ними, когда зазвонил мой мобильный.

— Ало? — Я взяла трубку, не проверив сначала номер звонящего, слишком отвлеченная новым заказом с просьбой создать коллаж из засушенных цветов в форме влагиалища жены клиента. Самое печальное было то, что это была не самая странная просьба, которую я когда-либо получала.

— Здравствуйте, я ищу Алессандру Феррейро, — раздался в трубке глубокий мужской голос.

Все мысли о вагине из цветов вылетели из головы.

Я выпрямилась, мое сердце ускорило скорость. Совсем недавно я использовала свою девичью фамилию только один раз.

— Слушаю.

— Это Эйден Кларк, отвечаю на ваше вчерашнее сообщение. Вы хотели больше узнать о витрине в NoMad.

— Да, — слово прозвучало неловко. Я прочистила горло и попробовала еще раз: — Я имею в виду, да, это я.

Честно говоря, я забыла о витрине до его звонка. Вчера это казалось хорошей идеей, но я *ничего* не знала об открытии магазина. Опять же, я ничего не знала об ведении онлайн-бизнеса, пока не начала им заниматься, так что нужно было просто решиться.

Мечты должны осуществляться.

После краткого описания Эйден предложил мне экскурсию и встречу на позже в

течении дня. Я согласилась без колебаний. Без риска — нет наград, верно?

Я быстро выполнила оставшуюся часть работы и прибыла в магазин после обеда, напившись кофеина и запыхавшись после того, как меня чуть не сбило мчащееся такси.

Мои глаза искали на тротуаре блестящий костюм и профессионально выбеленную улыбку — отличительные черты нью-йоркского риэлтора, — но я увидела только человека, который мог бы послужить лесорубом, в своей фланелевой рубашке и джинсах.

— Алессандра? Я Эйден, — сказал он. — Рад, что Вы смогли прийти, и еще раз извините за встречу, произошедшую в последнюю минуту. Завтра у меня командировка, и я не знаю, когда вернусь.

— Без проблем, — я попыталась скрыть свое удивление. Он оказался моложе и красивее, чем я ожидала. Не больше тридцати, темно-каштановые волосы и аккуратно подстриженная борода. В сочетании с его повседневной одеждой и дружелюбным поведением он выглядел так, будто ему следовало бы покупать всем по кружке пива в ближайшем пабе, а не управлять элитной недвижимостью. — Спасибо, что так быстро ответили мне.

— Без проблем. Я немного дотошен в плане звонков, — его глаза сверкнули ухмылкой. — По словам моего лучшего друга, именно поэтому я до сих пор одинок. Не могу придерживаться правила и ждать три дня, чтобы перезвонить.

Я засмеялась.

— В любом случае, это глупое правило.

На мгновение я задумалась, не флиртует ли он со мной, так рано упомянув свой статус отношений, но я отбросила эту мысль. Мы только что встретились, и я не была настолько самовлюбленной, чтобы думать, будто каждый мужчина, который меня видит, проявляет интерес.

Во время нашей встречи Эйден больше не проявлял никаких признаков флирта, поэтому я списала его шутку на простое дружелюбие.

Осмотр помещения прошел быстро, учитывая, насколько маленьким было пространство. Помимо основного этажа, здесь была ванная комната и еще одно помещение, которое могло служить кабинетом или кладовой. Эйден был честен в отношении тех частей интерьера, которые нуждались в доработке, я это ценила, и он внимательно слушал, когда я объясняла, что планирую делать в помещении.

— Какова стоимость аренды? — спросила я в конце. Вероятно, мне следовало уточнить это вначале, но я была слишком очарована открытыми кирпичными стенами и естественным светом, чтобы думать о деталях.

Когда Эйден назвал мне цену, я растерялась. Мне *определенно* следовало сначала спросить о цене. Я не могла себе этого позволить при нынешних доходах магазина, и я не хотела усложнять развод, используя свой совместный банковский счет с Домиником.

— Я буду честен. У меня есть несколько объектов недвижимости в городе, но этот — мой любимый, — Эйден постучал костяшками пальцев по стене. — Он требует ремонта, но в нем есть шарм.

Я бы списала его слова на разговоры с риэлтором, если бы не была согласна.

— Он принадлежит Вам лично?

— Ага. Мой отец когда-то купил по дешевке пару мест, а я приумножил их. Мы сдаем в аренду около дюжины предприятий по всему городу.

Еще один проблеск улыбки. Городские арендодатели редко бывают приветливыми, и я

никак не могла поверить, что этот человек владеет недвижимостью стоимостью в миллионы долларов.

— Это единственное свободное место. Раньше это была пекарня, но предыдущие владельцы пару месяцев назад ушли на пенсию, и я не нашел им замены. Я очень внимательно отношусь к своим клиентам — у них есть мой номер, и они знают, что могут позвонить в любое время суток, если возникнут проблемы, — поэтому мне нравится находить тех, с кем я найду общий язык.

Черт возьми. Отличное месторасположение, приятный хозяин и кирпичные стены? Это было идеальное место... если бы оно не стоило кучу денег.

— Это замечательно, — я проглотила разочарование, застрявшее у меня в горле. — Скажу честно, мне очень нравится это место, правда, но я не могу себе этого позволить. Надо было спросить до того, как вы проделали весь этот путь сюда. — Я обвела рукой залитую солнцем главную комнату. — Мне жаль, что я потратила Ваше время.

— Вы этого не сделали. Как человек, который не может отличить один вид лилий от другого, я впечатлен тем, что вы хотите сделать, — Эйден осмотрел меня. — У вас есть юрист? С удовольствием поговорю с ним.

У меня было ощущение, что знания Коула в области семейного права не в счет.

— Нет, — призналась я.

Эйден нахмурился. Вероятно, он подумал, что я смешна, и я не винила его. Люди *планировали* такие вехи. Между тем, однажды я просто проходила мимо витрины и решила, что хочу ее арендовать.

По моей коже пробежали мурашки.

— Как насчет этого? — сказал он наконец, — если вы оплатите часть расходов на строительство и согласитесь на более длительный срок аренды, я дам вам три месяца бесплатной аренды. Это поможет покрыть первоначальные затраты, пока вы будете раскручивать свой магазин.

Мои глаза метнулись обратно к нему.

— Почему вы это делаете? — удивление растворило мои обычные фильтры, и у меня не было времени сформулировать вопрос более тактично.

— Простой стоит дорого, и я бы предпочел не тратить больше времени на собеседования с потенциальными клиентами, чем это необходимо, — сказал Эйден. — Как я уже говорил, мне нужны люди, с которыми я могу найти общий язык, и хотя мы только что встретились, с уверенностью могу сказать, что вы одна из них. Платите арендную плату вовремя, держите магазин в хорошем состоянии, и мы прекрасно поладим.

Я зажала нижнюю губу зубами.

Если что-то звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, возможно, так оно и было. Меньше всего мне хотелось быть обманутой в какой-нибудь афере с недвижимостью.

Эйден, должно быть, уловил мою нерешительность, потому что добавил:

— Я знаю, что все происходит быстро, но в городе трудно найти хороших арендаторов. Когда я вижу такого, то стараюсь его заполучить. Я пришлю Вам договор аренды с измененными условиями, чтобы вы могли попросить юриста его просмотреть. Вам не обязательно принимать решение сейчас, но я хотел бы получить ответ в течение следующих двух недель, — он протянул руку. — Договорились?

Мне это показалось достаточно справедливым. Я не хотела пользоваться услугами адвокатов Доминика, но кто-то из моих подруг наверняка знает кого-то, кто мог бы мне

помочь.

Я пожала руку Эйдена, мой желудок трепетал от нервов и волнения.

— Договорились.

— Он хочет тебя трахнуть, — сказала Изабелла на следующий вечер, когда мы вошли в Le Boudoir. — Невозможно, чтобы домовладелец из *Нью-Йорка* был *таким* милым, если у него нет скрытых мотивов.

— Нет, он не хочет. У него есть свои деловые причины предоставить мне бесплатную аренду, — я исследовала это после вчерашнего возвращения домой, и это была обычная льгота, которую арендодатели предлагали во время переговоров.

— Да, но тот факт, что он заговорил об этом без твоей просьбы? — Изабелла выгнула бровь. — Подозрительно.

— Я согласна, — Вивиан сняла свою пышную шубу из искусственного меха и протянула ее гардеробщику. — Тем более, что он примерно твоего возраста и холост. Ты не видела обручального кольца, верно?

Во время прогулки до ресторана я рассказала друзьям, что случилось с Эйденом, и уже пожалела об этом. Слоан была единственной, кого не было в нашей компании, потому что она все еще была в Европе.

— Вы, девочки, просто смешны, — сказала я. — Не у всех есть скрытый мотив. Кроме того, он еще не отправил документы. Пока их не осмотрит адвокат, нет ничего конкретного.

Я бросила быстрый взгляд на Данте и Кая, которые изо всех сил старались притвориться, что не слушают. По дороге они стояли в нескольких шагах позади нас, но я знала, что они все слышали. Учитывая, что они с Домиником были хорошими друзьями, разговор, должно быть, был для них таким же неловким, как и для меня.

К счастью, нелепые предположения моих друзей о мотивах Эйдена растворились в приветствиях и светской беседе, когда другие гости подошли, чтобы поздороваться.

Le Boudoir стал последней жемчужиной в короне ресторанной группы Laurent, и большая часть элиты Манхэттена пришла на его эксклюзивное открытие. Последние несколько недель я держалась в стороне от светских мероприятий, потому что не хотела отвечать на неизбежные вопросы о Доминике — никто не сплетничал больше, чем богачи, которым нечем заняться, — но мои друзья убедили меня сделать исключение. Это было небольшое мероприятие, его вел Себастьян Лоран, и вероятность присутствия Доминика на нем была нулевой, поскольку, по словам Данте, он должен был быть на пути в Лондон прямо сейчас.

Ключевая фраза: должен быть.

Когда я переступила порог главного обеденного зала то сразу же заметила знакомую светловолосую голову у барной стойки, и мой желудок резко упал. Мне даже не пришлось его искать; его присутствие было похоже на гравитацию, притягивающую меня, хочу я того или нет.

— Ты сказала, что он едет в Лондон, — прошептала Вивиан, глядя на мужа.

— Я сказал, что он *должен был* ехать в Лондон, — поправил Данте. — Кажется, у него,

хм, изменились планы.

Оставшуюся часть их разговора я не слышала. Все — музыка, гости, официанты, кружащиеся с подносами с шампанским, — превратилось в приглушенный рев, когда Доминик оторвался от разговора с Себастьяном. Наши взгляды встретились, темно-синий против моего светлого, и от этого удара мои колени чуть не подкосились.

Мое сердцебиение замедлилось до болезненного состояния. Мы были женаты уже десять лет, но встретить его здесь после прошлой ночи было все равно, что увидеть его впервые снова

— *Вы, должно быть, Доминик. Я Алессандра, но друзья зовут меня Але, — я улыбнулась, пытаясь скрыть неожиданную искру влечения.*

Даже несмотря на свой взгляд и холодное, стоическое выражение лица, Доминик был потрясающе великолепен. Но помимо точеной челюсти и мускулистого телосложения, было в нем что-то такое, что заставляло мое сердце трепетать.

Я заметила подозрение, скрывающееся в его глазах. Это настороженность, порожденная тем, что окружающие люди слишком много раз подводили его. Мой брат годами носил на плече тот самый камень, прежде чем нашел своих людей. Возможно, именно поэтому я питала к нему слабость, хотя мы только что встретились; его настороженность напомнила мне настороженность Марсело, которую раньше принимали за сдержанность.

— *Здравствуйте, Алессандра, — то, как тщательно Доминик произнес мое полное имя, подсказало, что сломать его стены будет непросто. К счастью, я преуспевала в преодолении трудностей.*

Но когда он сел напротив меня, и небольшой рой бабочек вылетел из-за прикосновения его брюк к моей ноге, я поняла, что, возможно, уже влипла по уши.

Нынешний Доминик напрягся. Он не обращал ни малейшего внимания на Себастьяна, и мне хотелось отвернуться, сделать вид, что все в порядке и его присутствие меня не волнует, но его взгляд приковал меня к месту.

Я ненавидела тот эффект, который он на меня оказал. Ненавидела то, что мои глаза всегда искали его в комнате, полной людей, и как я не могла перестать думать о нем, как бы сильно ни старалась. Больше всего я ненавидела то, что не могла ненавидеть его, ни капельки. Независимо от того, сколько раз он разбивал мне сердце, всегда оставалась частичка, принадлежавшая ему.

Знакомая боль пронзила мои ребра.

Доминик подвинулся, словно собираясь подойти ко мне, но кто-то врезался мне в бок и, наконец, отвлек внимание от стойки. Железная хватка сомкнулась вокруг моего локтя, удерживая меня.

— Извините, — низкий, прохладный голос звучал как звуковой эквивалент лезвия бритвы, обернутого шелком.

— Это... — мое предложение оборвалось, когда я подняла глаза.

На меня уставился невероятно красивый мужчина с зелеными глазами, бледной кожей и самым острым подбородком, который я когда-либо видела. Несмотря на его привлекательную внешность, что-то в нем мгновенно насторожило меня.

Он убрал руку с моей и послал извиняющуюся улыбку, которая не коснулась его холодных, бесстрастных глаз.

Волосы на моей шее встали дыбом. Прежде чем я успела сказать что-нибудь еще, он

исчез в толпе, оставив меня с тревожным предчувствием.

Дурное предчувствие усилилось, когда я снова посмотрела на бар и обнаружила, что Доминик ушел, как будто его там вообще никогда не было.

ГЛАВА 13

Доминик

— Какого *черта* ты здесь делаешь? — я прижал Романа к стене, мои слова истекали ядом в темном коридоре.

Встреча с ним прошлой ночью могла быть случайностью, но две ночи подряд? Это не было совпадением. Не тогда, когда в этом участвовал Роман.

Я нанял частного детектива, с которым работал раньше, чтобы тот присмотрел за ним, как только я вышел из бара, но они еще ничего не раскопали. Это само по себе вызывало беспокойство; обычно мне предоставляли полный отчет в течение двенадцати часов, а это означало, что Роман чертовски хорошо умел замечать следы.

И единственная причина, по которой кто-то мог замести следы, заключалась в том, что ему было что скрывать.

— Присутствую на открытии ресторана, как ты и твоя *любимая* жена, — протянул он, похоже, его не смутило мое враждебное приветствие. — Мое приглашение на свадьбу затерялось на почте, но она прекрасна. Я понимаю, почему ты не можешь оторвать от нее глаз.

Арктические иглы страха пронзили мой позвоночник, а затем медленно закипела ярость.

— Если ты тронешь хоть один волосок на ее голове, — тихо сказал я. — Тогда на свете не останется ни единого места, где бы я не выследил тебя и не убил так медленно, что ты будешь молить о смерти, — моя рука сильнее прижалась к его поиску в

Моя рука сильнее прижалась к его горлу. Он не вздрогнул, но что-то мелькнуло в его глазах, прежде чем погрузиться в лужи зеленого льда.

— Ты не искал меня все эти годы. Пока я не появился прямо перед твоим лицом.

— Я не искал.

— Нет. Ты был слишком занят строительством своей империи, чтобы помнить о своем дорогом брате, — его рот скривился в ехидной улыбке. — Каковы на вкус деньги, Дом? Так же хороши, как ты всегда мечтал?

Черт побери. Я тихо выругался и отпустил хватку, но остался между ним и залом.

— Я спрошу тебя еще раз. Какого черта ты на самом деле здесь делаешь и откуда ты знаешь Себастьяна?

Я перехватил его на выходе из ванной после того, как он столкнулся с Алессандрой. Это была смена ролей по сравнению со вчерашним вечером, когда он ушел, не ответив ни на один из моих вопросов о том, где был, как он нашел меня и почему появился снова после более чем десятилетнего молчания.

— Ты не единственный, у кого есть связи, — Роман поправил куртку. Он приделался к открытию, но даже в дизайнерской одежде от него веяло неприятностями. — Мы далеко от Уиттлсбурга, не так ли?

Моя челюсть сжалась, его присутствие и упоминание о нашем родном городе пробудили воспоминания, которые лучше было оставить похороненными.

— *Однажды мы оба выберемся отсюда, — в глазах Романа блестела каменная решимость, которая принадлежала человеку старше четырнадцати лет. На его лице был темный синяк в том месте, где его ударила наша приемная мать. — И когда мы это сделаем, все заплатят.*

Мы с Романом были приемными братьями в моем четвертом доме. Он был всего на год моложе, и был для меня самым близким союзником в этой адской дыре, пока он не связался с плохой компанией и не попал в колонию для несовершеннолетних за поджог в выпускном классе. Я отказался предоставить ему фальшивое алиби; меня только что приняли в Тайер, и я не мог рисковать своим будущим из-за чужого уголовного преступления. С тех пор я его не видел и не слышал о нем.

До вчерашнего вечера.

— Не волнуйся. Я не трону твою драгоценную жену. Просто хотел поздороваться, даже если мне не следовало этого делать, — вспышка прежних эмоций вспыхнула и исчезла так же быстро, как и раньше. — Если ты не хочешь, чтобы люди тебя нашли, не стоит выставлять лицо в *Wall Street Journal* и светские газеты, — Роман прошёл мимо меня. — А теперь, если ты меня извинишь, мне нужно вернуться к званому обеду.

Он дошёл до конца зала прежде, чем я заговорил.

— Скажи мне, что у тебя снова нет проблем. — Меня это не должно волновать. Мы давно нашу связь, но небольшая часть меня не могла избавиться от чувства вины за то, что оставил его в Огайо. Он сделал свой выбор, а я свой, но когда-то он был единственной настоящей семьей, которая у меня была.

Роман остановился, его тело стало настолько неподвижно, что он напоминал статую, освещенную огнями ресторана.

— Не веди себя так, будто тебя это волнует, — сказал он. — Тебе это не идет.

Первая половина ужина прошла без происшествий, но я почти не ощущал вкус еды.

Меня слишком отвлекали Алессандра, сидевшая на одном конце стола, и Роман, сидевший на другом.

Он что-то задумал. Так и должно быть, и мои подозрения только усилились после того, как Себастьян признался, что не знает его лично. Кто-то из его команды отправил Роману приглашение.

Тем временем Алессандра изо всех сил старалась притвориться, что меня не существует, хотя я несколько раз ловил ее взгляд на мне, когда она думала, что я не обращаю внимания. Это должно было заставить меня чувствовать себя лучше. Вместо этого ее близость к Роману, который был достаточно умен, чтобы обнаружить и использовать напряженность между нами, вызвала у меня желание покинуть ужин и утащить ее с собой в безопасное место, и будь проклят этикет.

— Перестань пялиться, — сказал Данте, не глядя на меня. — Ты такой же незаметный, как кувалда.

— Кто бы говорил, — он был печально известен своей жестокостью, когда дело доходило до наказания людей, которые перешли ему дорогу. Сломанные кости, кома и ве такое.

Тем не менее, я оторвал взгляд от того места, где Алессандра смеялась вместе с Вивиан и Изабеллой. Нам нужно было поговорить о том, что произошло в баре, и было бы легче, если бы я мог остаться с ней наедине. Я пришел сегодня вечером только чтобы увидеться с ней, но ее подруги были как телохранители, которые отказывались оставлять ее одну. Я должен...

Громкий стук прорвался сквозь гул разговоров, за которым последовал приступ удушья и хрипа. Звук резко оборвался, и в столовой воцарилась тишина, когда я мотнул головой в сторону предыдущего шума.

Один из гостей рухнул лицом вниз в тарелку. Синий костюм, характерные серебристые волосы. Мартин Вэллгрю, генеральный директор Орион Банка.

Себастьян в мгновение ока вскочил со своего места.

— Что случилось? — крикнул он.

— Не знаю. Мы разговаривали, а потом он... он просто потерял сознание, — заикаясь, сказала женщина, сидевшая рядом с Мартином. — Он в порядке? Он не двигается. О Боже... что, если...

Можно было услышать, как упала булавка, пока Себастьян проверял пульс Мартина. Он глубоко вздохнул, и я понял, что он собирается сказать, еще до того, как он это сделал.

— Он мертв.

На мгновение воцарилась гробовая тишина, прежде чем разразилось столпотворение.

Половина гостей бросилась к выходу, а другая половина побежала в туалет, предположительно на тот случай, если еда стала причиной внезапной смерти Мартина. В спешке они чуть не растоптали друг друга, и в этом хаосе я потерял из виду своих друзей. Однако меня интересовал только один человек.

Алессандра.

Я проталкивался сквозь толпу, мое сердце колотилось в груди. Знакомый гул заглушил нарастающую истерию в комнате. Не знаю, что случилось с Мартином, но мне нужно было увидеть ее и убедиться, что с ней все в порядке. Ее могли ранить, затоптать, она могла потерять сознание...

Шум пронзил мою голову на высокой частоте. Черт, почему здесь так жарко?

Пот скользил по моим ладоням, пока я искал каштановые волосы и красное платье. *Давай, детка, где ты?*

Ресторан был маленьким, и царил хаос, пока я пытался разобраться в толпе людей.

Черные волосы. Черное платье. Серые волосы. Костюм темно-синего цвета. Гости слились в одно целое. Кто-то наткнулся на меня, и я собирался оттолкнуть его, когда посмотрел вниз и увидел пару знакомых серо-голубых глаз.

Облегчение выбило воздух из моих легких. *Она в порядке.*

Мы смотрели друг на друга какую-то секунду, наши легкие пылали от адреналина, прежде чем другой гость толкнул нас и снова подтолкнул к действию.

Алессандра не сопротивлялась, когда я схватил ее за запястье и потащил к выходу. На место только что прибыла полиция, но нам удалось проскользнуть в такси, и они нас не остановили. Я был уверен, что позже они сообщат каждому гостю о смерти Мартина, но в данный момент у меня не было никакого желания ждать и изображать обеспокоенного свидетеля.

Алессандра промолчала, когда я назвал водителю адрес пентхауса. Казалось, она была потрясена резким поворотом событий вечера, и я не винил ее. За эти годы я посетил сотни общественных мероприятий; ни одно из них не заканчивалось смертью.

Но, опять же, ни на одном из них не было Романа в качестве гостя.

Я не видел его с тех пор, как Мартин потерял сознание. Ни в давке к выходу и туалетам, ни за пределами ресторана.

В моем животе образовался тугой узел страха. Между расследованием Комиссии по ценным бумагам и смертью Мартина, было подозрительное количество кризисов, затрагивающих банковский сектор. Не знаю, какое место занимает внезапное появление Романа, но это была часть большой головоломки. Я чувствовал это нутром.

— Ну, — сказала Алессандра, когда мы подъехали к нашему зданию. Я все еще думал о нем как о нашем, хотя с тех пор, как она ушла, я не чувствовал себя здесь как дома, — это был самый незабываемый десерт за всю мою жизнь.

Несмотря на мое волнение, на губах появилась улыбка. Я скучал по ее шуткам. Ее чувство юмора было одной из многих причин, по которым я в нее влюбился, но с годами оно появлялось все меньше и меньше.

Раскаяние погасило мое временное веселье.

— Себастьяну предстоит настоящий пиар-кошмар, — сказал я. Хотя я не был поклонником Мартина, который при жизни был известен своей коррумпированностью и коварным характером, поэтому не могу сказать, что слишком переживал по поводу его смерти. Однако обстоятельства и время этого будут иметь в будущем огромные последствия.

— Бьюсь об заклад, — пальцы Алесандры сжались на краю ее сиденья. — О Боже Кто-то умер. Он сидел прямо напротив... он...

Ее дыхание стало поверхностным. *Блядь.*

Я быстро заплатил водителю и проводил ее в здание и в пентхаус, прежде чем она снова впала в шок.

— Вероятно, это была аллергическая реакция, — я сомневался в этом, но если ей от этого станет легче, то я именно этого и хотел. — Неудачное время, но такое случается. Мы ничего не могли с этим поделать, — тем не менее, когда мы вошли в пентхаус, я завернул ее в одеяло и принес чашку чая. Персонал уже закончил работу, поэтому в гостиной царила

тишина, пока она сжимала руки вокруг напитка.

— Ты, наверное, думаешь, что я слишком остро реагирую, — она смотрела в кружку, ее лицо было непроницаемым. Если у нее и были какие-то чувства по поводу того, что она впервые за несколько недель оказалась дома, она этого не показывала.

Эмоции застряли у меня в горле.

— Нет. Видеть, как кто-то прекращает жить прямо у тебя на глазах, довольно травматично.

Брови Алесандры выгнулись на долю дюйма.

— Прекращает?

— В моей голове это звучало лучше, чем *умереть*, — я провел рукой по губам. — Это не так?

— Нет. Не совсем, — ее тихий смех согрел комнату. Наши взгляды задержались друг на друге, и ее улыбка медленно исчезла, когда снова воцарилась тишина. На этот раз это была мучительная тишина, наполненная воспоминаниями, сожалениями и, возможно, малейшей надеждой.

— Могу я кое в чем признаться? — ее голос был едва слышен. — Когда разразился хаос и все побежали, ты был первым, кого я искала. Я не хотела, но сделала это.

Моё сердце пульсировало так, будто оно наконец-то ожило.

— Хорошо, — сказал я тихо. — Потому что я тоже тебя искал.

Остальные наши невысказанные слова разлетелись вокруг нас, и от воспламенения осталась одна искра.

В глазах Алесандры потемнело, и в них появилась искорка. Пламя эмоций вспыхнуло в воздухе, сжигая любые запреты и рациональные мысли. Единственное, что осталось, — это гложущее, ненасытное желание поцеловать ее, прежде чем я умру от нужды.

Должно быть, она прочитала намерения, написанные на моем лице, потому что ее дыхание стало прерывистым. Ее губы приоткрылись, и это было все, что мне было нужно.

В одну секунду мы сидели на противоположных концах дивана. В следующую — мой рот оказался на ее губах, ее тело прижалось к моему, и мы, спотыкаясь, входили в лифт в клубке сдерживаемой тоски и повышенного адреналина.

Слава богу, что в пентхаусе есть частный лифт, потому что у нас не было ни малейшего шанса подняться по лестнице, не поранившись. Не тогда, когда у меня кипела кровь, а Алесандра хваталась за мои волосы с отчаянием, пронзившим мою душу.

Мы каким-то образом добрались до спальни целыми и невредимыми. Я пинком закрыл за нами дверь, и наша одежда без всякой осторожности упала на пол.

Платье. Обувь. Рубашка. Нижнее белье.

Они оставляли за нами след, когда мы упали на кровать. Я целовал ее шею и грудь, пока мои пальцы искали тепло между ее ног.

Такая влажная. Такая совершенная. Такая *моя*.

Алесандра тихо всхлипнула, когда я обхватил ртом ее сосок, облизывая и посасывая, пока она не потянула меня за волосы настолько сильно, что стало больно.

— Пожалуйста, — выдохнула она, выгибаясь навстречу моей руке в поисках большего трения. — Еще. Мне нужно больше.

— Больше чего? — Я провел зубами по ее соскам и успокоил их мягкими, неторопливыми поцелуями. Одной рукой я удерживал ее извивающиеся бедра, в то время как другой играл с ее клитором, задерживаясь на точках, которые сводили ее с ума. — Скажи

мне, чего ты хочешь, *amor*.

— Я хочу... *о Боже*. — Ее руки сжали простыни в кулаки, а я продолжил путешествие вниз по ее телу. Мой рот скользнул между ее грудей, вниз по животу и к гладкой ложбинке. Ее кожа была горячее на ощупь, и по мере того, как я приближался к клитору, по телу Алессандры пробегала легкая дрожь.

Приблизившись к ее бедрам, я остановился и поднял голову, наслаждаясь видом ее покрасневшего лица и остекленевших глаз.

— Я задал тебе вопрос, — спокойно сказал я. Затем я ввел в нее палец, вызвав очередной стон. — Скажи мне, чего ты хочешь, или я буду мучить тебя здесь на всю ночь.

— Хочу, чтобы ты был внутри меня, — задыхалась Алессандра. Она извивалась, сжимая меня с очевидной потребностью.

— Я внутри тебя, — затем я добавил второй палец, вынул его и снова стал вводить с мучительной медлительностью. Мое тело практически вибрировало от желания войти в нее и ощутить ее крики, когда она кончит, но мне хотелось растянуть это как можно дольше и насладиться каждой секундой. — Будь более конкретна.

— Трахни меня, — ее мольба вырвалась как вздох. — Я хочу, чтобы твой член был внутри меня. Пожалуйста.

Ее слова почти уничтожили меня. Я застонал, пот выступил у меня на лбу, когда я вытащил пальцы и уткнулся лицом между ее ног.

— Еще нет, — я обвел языком клитор, позволяя ее вкусу и запаху отвлечь меня от боли в члене. — Я хочу, чтобы ты сначала кончила мне на лицо. Покажи мне, как сильно ты этого хочешь.

Мольбы Алессандры превратились в неразборчивые рыдания, пока я наслаждался каждым дюймом ее тела. Мне понравилось, как она выгнулась ко мне, жадная и требовательная. Мне нравится, как она выкрикивает мое имя и тянет за волосы. Я любил ее и так чертовски скучал по ее объятиям, что готов отказаться от всего, что у меня есть, лишь бы задержать этот момент во времени.

Я схватил ее за бедра и положил ее ноги себе на плечи, чтобы я мог проникнуть в нее языком. Безжалостно зафиксировав ее на месте, я стал трахать ее языком, позволяя рыданиям удовольствия доводить меня все быстрее и сильнее, пока она, наконец, не кончила с дрожью.

Ее возбуждение захлестнуло мои чувства, и я больше не мог этого терпеть.

Быстрая смена позиций, и я оказался внутри нее, медленно погружаясь в нее ради нас обоих. Для нее, потому что она была сверхчувствительна после недавнего оргазма, и для меня, потому что она ощущалась так хорошо, что мне пришлось стиснуть зубы и молча пробежаться по составу «Янкиз» прежде чем я опозорился.

Я выдыхал глубокие, прерывистые вдохи каждый раз, когда выходил и толкался внутрь, стараясь задеть ее самые чувствительные места, вместо того, чтобы вдавливать ее в матрас и трахать до потери сознания, как кричали мне мои низменные инстинкты.

Моя жена была дома, и будь я проклят, если потрачу впустую ночь на быстрый трах.

Алессандра прижалась ко мне, когда я входил в нее все сильнее и быстрее, пока она не начала хватать ртом воздух. Мои руки сжались в кулаки на матрасе; дыхание стало прерывистым. Изголовье кровати ударялось о стену с каждым толчком, и хотя мне следовало бы знать лучше, я совершил ошибку, посмотрев вниз, туда, где мы соединялись.

Это был мой конец, потому что видеть, как мой член входит и выходит из нее, видеть,

как идеально мы подходим друг другу и как чертовски хорошо она меня принимает, было так чертовски горячо и первобытно, что мой оргазм достиг пика без предупреждения. Это поднялось вверх по моему позвоночнику, разрывая мои путы и заставляя меня трахать ее глубже долгими, яростными ударами, пока она не развалилась на части с очередным криком.

Едва она утихла, как взорвался мой собственный оргазм. Это сдирало с меня кожу, сокращая мои мышцы и обостряя чувства до такой степени, что я мог умереть от стимуляции. Ногти Алессандры впились мне в спину, продлевая волны нашего удовольствия, и пока мы наслаждались ими, у меня возникла смутная мысль, что если я умру, то сделаю это с радостью, потому что я именно там, где мне место: с ней.

ГЛАВА 14

Пахло лилиями и дождем, смешанными с золотым теплом. Пахло *ею*, и это было так чертовски опьяняюще, что я не мог заставить себя открыть глаза, хотя солнечные лучи на моей коже говорили мне, что уже позднее утро.

Обычно я был в офисе к шести, но мне не хотелось просыпаться и узнавать, что прошлая ночь была сном. Их было слишком много, и слишком много последующих моментов в душе, где я смывал разочарование по поводу отсутствия Алессандры в реальной жизни.

Перед моим мысленным взором проносились отрывки из предыдущего вечера. Как увидел ее в ресторане, как привел домой, наш поцелуй и то, что было потом...

Неприятное чувство подсказало мне, что я забыл важную часть головоломки, но с этим я разберусь позже. Она была дома, где ей и место, и я...

Из спящего блаженства меня вырвал тихий шорох одежды.

Я открыл глаза, мой желудок сжался, когда я увидел, что кровать рядом со мной пуста. Еще один шорох привлек мое внимание к углу, где Алессандра натягивала через голову платье. Солнечный свет купал ее в неземном сиянии: волосы пронизаны золотом, кожа темно-бронзового цвета на фоне красного шелка. Она стояла ко мне спиной, но ее образ так глубоко запечатлен в моей памяти, что я мог представить каждое движение в выражении ее

лица. Прочувствовать каждый изгиб, наметить каждую впадинку и линию, которым я поклонялся прошлой ночью. Платье спадало ей на бедра, и она с мучительной осторожностью застегнула молнию на спине. Алессандра не хотела меня будить, а это означало...

Мой желудок сжался еще сильнее.

— Куда ты идешь?

Мой вопрос прозвучал в тишине как выстрел. Алессандра на секунду замерла, прежде чем продолжить одеваться.

— Вернусь к Слоан. У меня много работы.

— Понятно, — я встал с кровати, мои движения были медленными и точными. Контролируемые, в отличие от страха и гнева, пылающих в моей груди. — Ты собиралась попрощаться или хотела просто ускользнуть, как будто я был мужчиной на одну ночь, о которой ты сожалеешь?

Нет ответа.

Черт побери. Я думал, что мы добились прогресса, но чувствовал, как она ускользает, прежде чем у меня действительно появился шанс снова обрести ее.

— Что произошло прошлой ночью...

— Было ошибкой, — ее пальцы дрожали, когда она разглаживала переднюю часть платья. — И то же самое произошло в баре.

— Это не казалось ошибкой, когда ты выкрикивала мое имя и умоляла позволить тебе кончить, — мой мягкий ответ не соответствовал колючим лозам, ползущим по моей груди. Чем больше проходило секунд, тем глубже они вонзались.

Алый цвет окрасил лицо Алессандры.

— Это был просто секс, — ее голос дрожал при слове «секс», но ее тело оставалось напряженным и непреклонным, когда я пересек комнату и встал перед ней. — Это ничего не значило.

— Бред сивой кобылы, — я видел, как она смотрела на меня, и слышал, как она шептала мое имя. Никто из нас не занимался «просто сексом», тем более друг с другом.

— Наша сексуальная жизнь не была проблемой, но мы не можем *решать* наши проблемы с помощью секса.

Алессандра наконец встретила со мной взглядом, ее выражение лица было напряженным за стальной маской. — Я была пьяна в баре, и мы были захвачены адреналином из-за того, что произошло в Le Boudoir прошлой ночью. Вокруг витало слишком много эмоций, которые не имели к *этому* никакого отношения, — она указала между нами.

Le Boudoir. Роман. *Блядь.* Это был совсем другой беспорядок, но я разберусь с этим позже. Сейчас я сосредоточил всю свою энергию на дыхании через удушающий узел в задней части горла. Под ним вспыхнул новый уголок гнева, и я ухватился за него, как утопающий за веревку.

— Ну и что? Ты собираешься уйти и сделать вид, что ничего не произошло? Что ты собираешься делать, Алессандра? — я вышел из себя. — Побежишь к своему крутому адвокату по бракоразводным процессам и попросишь его снова сделать за тебя всю грязную работу, потому что ты слишком боишься встретиться со мной лицом к лицу?

Громкий вздох.

— Пошел ты.

— Ты уже это сделала.

Я предвидел это, но треск ее ладони по моей щеке причинил мне больше боли, чем я ожидал. Огонь перекинулся от моего лица к груди, где он разъедал осколки моего сердца, пока мы с Алессандрой смотрели друг на друга, наше дыхание было прерывистым.

— Я... я не имела в виду... — она запнулась, выглядя ошеломленной.

Мой гнев улетучился так быстро, что я не успел ощутить его утрату, и его место занял холодный шок раскаяния.

Этого не должно было случиться. Разорванные отношения остались в прошлом у старого Доминика, которому нечем было удерживать людей. Никто не заботился обо мне, пока я не добился чего-то сам. Чем больше денег я накапливал, тем больше людей тянулось ко мне. Это был закон человеческой природы. Я не должен был терять единственного человека, о котором заботился, сейчас, когда я стал богаче, чем когда-либо.

— *Убирайся из моего класса.*

— *Ты глупый, никчемный парень. Неудивительно, что твоя собственная мать бросила...*

— *Твои нынешние приемные родители просили, чтобы тебя перевели в другой дом...*

Я отогнал воспоминания. Я больше не живу в том мире и скорее умру, чем вернусь туда.

Машинально я коснулся своей щеки. Последствия пощечины Алесандры ранили меньше, чем пропасть между нами. Она стояла менее чем в шаге от меня, но с таким же успехом мы могли бы находиться на разных континентах.

В дальней части дома раздался звук пылесоса и разорвал заклинание, удерживающее нас в замороженном состоянии. Алессандра повернулась, и я схватил ее за запястье, прежде чем она успела уйти.

— Не надо, — мое сердце изо всех сил пыталось вырваться из груди яростными ударами. — Прости, *amor*.

Я был мудаком, но когда моим единственным выбором были боль или гнев, моим инстинктом было искать убежища в последнем.

Она судорожно выдохнула.

— Отпусти меня.

Моя хватка усилилась. Она говорила не только об этом моменте, и мы оба это знали.

— Я бы с удовольствием, — было бы легче, если бы я никогда не влюблялся в нее. Я пришел на нашу первую встречу с твердым намерением ненавидеть ее, не зная, что именно она покажет мне, что такое настоящая любовь. Возможно, я не говорил об этом так часто, как следовало, но Алессандра всегда была солнцем, удерживающим мой мир на орбите.

Алессандра покачала головой, ее щеки блестели от влаги.

— Доминик, все кончено. Прими это. Ты только оттягиваешь неизбежное.

Прими это, черт возьми. Этого не могло быть. Не для нас, не после прошлой ночи.

— Тогда почему ты не можешь посмотреть на меня? — потребовал я.

Она снова покачала головой, ее плечи задрожали от беззвучных рыданий.

— Черт возьми, Але. — Маленькая, унижительная трещина расколола ее имя пополам. Я разрывался на миллион кусочков, а она даже не удосужилась это заметить. — Ты можешь честно посмотреть мне в глаза и сказать, что больше меня не любишь?

— Любить тебя *никогда* не было проблемой! — Наконец она встретилась со мной взглядом, выражение ее лица было в равной степени разъяренным и мучительным. — Я любила тебя одиннадцать лет, Дом. Я любила тебя так сильно, что потеряла себя. Все, что я

сделала, все, от чего я отказалась и что вынесла, было ради *тебя*. Поздние ночи, пропущенные свидания, отмененные поездки. Я верила в тебя и хотела, чтобы ты добился успеха, не потому, что меня заботили деньги, а потому, что *ты* заботился о них. Я подумала, что однажды этого будет достаточно, и ты будешь доволен тем, что у нас есть. Но ты никогда не будешь счастлив, а меня никогда не будет достаточно, — горький смех смешивался с ее рыданиями. — Знаешь, были времена, когда мне *хотелось*, чтобы у тебя была любовница. По крайней мере, тогда у меня было бы что-то конкретное, с чем можно бороться. Но я не могу бороться с тем, чего не вижу, поэтому каждую ночь я ложилась спать в пустой кровати и каждое утро просыпалась в пустом доме. Я так долго притворялась, что не могу вспомнить, что такое настоящая улыбка, и я ненавижу себя, потому что, несмотря на все это, я не могу отпустить то, что у нас когда-то было, — голос Алесандры сорвался. — Ты прав. Я все еще люблю тебя. Часть меня всегда будет. Но ты больше не тот человек, в которого я влюбилась, и все это время, которое я потратила, пытаюсь притворяться, что ты до сих пор им являешься. Это убивает меня.

Комната расплывалась, и болезненный рев наполнил мои уши, когда я уронил ее руку.

Я не мог набрать в легкие достаточно кислорода. Не мог ясно мыслить. Не мог *дышать*.

На протяжении всего этого — долгих недель, игнорируемых звонков, даже чертовых документов о разводе — я думал, что мы справимся. В конце концов, настойчивость завела меня так далеко. Нежеланный приемный ребенок из Огайо стал королем Уолл-стрит. Нищий стал миллиардером. Нелюбимый, ставший мужем.

Но настойчивость рухнула перед лицом правды, а правда Алесандры разбила вдребезги любые оправдания, которые у меня могли быть. Поэтому я пошел со своей собственной правдой, единственной, которая оставалась неоспоримой с того дня, как она вошла в мою жизнь.

— Ты единственный человек, которого я когда-либо любил, — я не узнал свой голос. Он был слишком грубый, слишком пронизанный эмоциями, которые, как я поклялся, никогда не почувствую. — Даже если я этого не показывал. Это всегда была ты.

Свежая слеза скатилась по ее щеке.

— Знаю.

Но этого недостаточно.

Я знал ее достаточно хорошо, чтобы слышать невысказанные слова, и если бы можно было умереть несколькими смертями, я бы тысячу раз посетил ад за этот один момент.

— Если бы ты действительно любил меня, — прошептала Алесандра, — ты бы меня отпустил. Пожалуйста.

Наступила тишина, глубокая и скорбная. Больше нечего было сказать.

Странная водянистая пленка мешала мне видеть, поэтому я полагался на мышечную память, чтобы добраться до тумбочки. Осколки стекла застревали между моими ребрами при каждом шаге, но ледяное онемение охватило меня, когда я открыл верхний ящик.

Я достала ручку, вытащил пачку документов из ожидающего меня конверта и, после последнего мучительного удара сердца, подписал наши документы о разводе.

Александра

Это было официально. Я развелась.

Документы пришли ровно через шесть недель после того, как Доминик их подписал.

Большинство разводов в Нью-Йорке длились от трех до шести месяцев, но Коулу удалось потянуть за ниточки и ускорить процесс.

Я думала, что буду чувствовать себя по-другому. Легче, свободнее, *счастливее*, но я чувствовала только онемение во время открытия своего магазина.

Я попросила юриста просмотреть договор аренды, который прислал Эйден, и все выглядело хорошо, так что на этом фронте все пошло так же быстро, как и с моим разводом.

— Але. Але!

Я вздрогнула от своего имени. Кофе, который я наливала, перелился из кружки и пролился на мой временный стол.

— *Merda (прим. Дерьмо)*! — Я выругалась и попыталась отодвинуть бумаги, прежде чем они намокнут. Мои друзья помогли, хотя я подозревала, что их ощутимое беспокойство было связано не столько с испорченными листами заказов, сколько со мной.

Изабелла писала в магазине свой следующий роман, поскольку строительный шум «помогал ей сосредоточиться», а Вивиан и Слоан заглянули к ней во время обеденного перерыва. Им обеим это было не по пути, но после развода они стали особенно заботливыми.

— Вот, — Вивиан оторвала бумажное полотенце от ближайшего рулона и протянула его мне, чтобы я могла вытереть кофе с кожи. — Ты в порядке? Тебе нужен лед?

— Я в порядке, — к счастью, жидкость уже была теплой, когда я ее наливала. — Просто задумалась.

Она обменялась взглядами с Изабеллой и Слоан. Тишину наполнили звуки дрели и строительных работ из ванной. Последние две недели рабочие приходили и уходили, ремонтируя старый интерьер и укладывая новую плитку. Магазин будет готов не раньше, чем через три-четыре месяца, но, по крайней мере, подготовка займет меня в отпуске.

Впервые за десять лет я встречала праздники без Доминика.

— Опять думаешь о нем? — тихо спросила Изабелла во время затишья в шуме.

— Это неизбежно, — я заставила себя улыбнуться. — Мы так долго были женаты. Мне понадобится время, чтобы приспособиться.

Мои друзья из всех сил старались отвлечь меня от него. Мы ходили на танцы, ездили на выходные в путешествия, чтобы увидеть осенние краски Нью-Гэмпшира, и пожирали попкорн с перцем халапеньо, наблюдая за столь ненавистными/любимыми ром-комами Слоан. В те моменты это срабатывало, но когда я осталась одна, пустота в моей груди возвращалась с удвоенной силой.

— Точно. Тебе нужно приспособиться, — Слоан выбросила пустую салатницу в мусорное ведро. — Именно поэтому тебе следует снова броситься в мир знакомств. Лучший способ забыть старое — двигаться дальше с новым.

Вивиян покачала головой.

— Это слишком рано. Пусть она наслаждается одиночеством.

— Свидания — это *часть* одиночного опыта, — возразила Слоан. — Я не говорю, что ей следует вступить в новые отношения, но она должна хотя бы почувствовать, что еще есть. Это поможет ей отвлечься от...

— Она стоит прямо здесь, — я прервала ее прежде, чем она успела произнести имя Доминика. Я так давно ни с кем не ходила на свидание, что одна мысль об этом вызывала у меня беспокойство. — Разве я не имею права голоса в этом вопросе?

— Конечно, имеешь. — Зазвонил телефон Слоан. Она взглянула на него, ее пальцы порхали по экрану, пока она разбиралась с каким-то новым пиар-кризисом, который только что возник. — Но ты провела *одинадцать лет* с одним мужчиной. Пришло время расширить свой кругозор. Подумай об этом.

Несмотря на все мои усилия, ее слова эхом звучали в моей голове до конца дня. До Доминика я ходила на несколько свиданий, которые ни к чему не приводили, но я никогда не была девушкой на одну ночь. Мне нужна была эмоциональная связь для секса. Опять же, мне уже было не двадцать один. Возможно, Слоан была права, и мне *следует* расширить свой кругозор. Ведь не было ничего плохого в том, чтобы попытаться, верно?

Строители ушли, и я собиралась запереться, когда дверь открылась и вошел Эйден. Он был одет в свою стандартную униформу из фланели и джинсов, и на его бороде сверкнула теплая улыбка.

— Я был в этом районе и решил зайти, — объяснил он и протянул мне чашку из кафе ниже по улице. — Матча. Я решил, что тебе не нужен эспрессо в такой поздний час.

— Спасибо, — я с благодарностью сделала глоток и осмотрела его поверх бумажного стакана.

Эйден не шутил, когда сказал, что активно работает со своими арендаторами. Он часто проверял меня, но не жутко и не навязчиво, а с пользой (вероятно, потому, что знал, что у меня нет опыта открытия розничного магазина), и направил меня к своим доверенным подрядчикам, когда я растерялась в выборе вариантов.

— Как дела? — он спросил. — Надеюсь, ребята не доставляют тебе неприятностей.

— Нет, они были великолепны. Сказали, что после Нового года все должно быть готово, — было бы раньше, если бы праздники не тормозили все. Я не жаловалась. Сколько бы я ни вложила в магазин, перспектива его *открытия* вызвала у меня желание блевать.

Что, если у меня не будет клиентов? Что, если я случайно подожгу это место? Что, если его разрушат, или труба сломается, или... или меня задержат однажды ночью во время

закрытия? Это был безопасный район, но все же. Управление обычным магазином сильно отличалось от ведения онлайн-бизнеса, и я с головой окунулась в это без особого планирования или предусмотрительности.

— Хорошо, — сказал Эйден. — Я уверен, что будет пользоваться успехом. Это было хорошей идеей.

Поскольку я сомневалась, что смогу привлечь много людей, продавая только цветы, я добавила несколько элементов в свой первоначальный бизнес-план. Когда строительство будет завершено, это пространство станет частично галереей, частично цветочным магазином и частично кафе.

— Да. Ничто так не привлекает жителей Нью-Йорка, как хорошее... — я замолчала, увидев за окном светлые волосы.

Высокая фигура. Сшитый на заказ костюм. *Очень дорогой.*

Мое сердце подпрыгнуло к горлу. Затем мужчина повернулся, и оно снова вернулось на место.

Не Доминик. Просто кто-то, кто имел с ним мимолетное сходство.

Мне хотелось бы сказать, что это был первый раз, когда я приняла незнакомца за своего бывшего мужа. Я не видела его с тех пор, как он подписал бумаги, но призрак его присутствия преследовал меня на каждом углу.

Была ли группа поддержки для подобных вещей? Анонимные разведенные, где мы могли бы изгнать призраки прошлых браков? Моя мать была единственным разведенным человеком, которого я знала, и ее советы были менее полезны, чем бумажный зонтик во время ливня.

— Алессандра? — подсказал Эйден, возвращая мое внимание к нему.

— Извини. Мне показалось, что... мне показалось, что я увидела кого-то, кого знаю. — Я сделала еще один глоток напитка и нашла утешение в его землистом тепле.

Принести мне матчу вместо эспresso было продуманным жестом, но я не была удивлена. Эйден *всегда* был внимателен. Почему я не могла выйти замуж за кого-то вроде него? Он был приятным, внимательным и, казалось, был доволен своей жизнью. Конечно, мое общение с ним ограничивалось обсуждением сантехники и лучших местных блюд на вынос, но, возможно, это было и не обязательно.

Ты провела одиннадцать лет с одним мужчиной. Пришло время расширить свой кругозор.

Совет Слоан снова промелькнул у меня в голове, и я сделала прыжок, прежде чем смогла струсить.

— Кстати, у тебя есть какие-нибудь планы на завтрашний вечер? — спросила я, надеясь, что это прозвучит непринужденно, а не нервно.

Дыши. Ты можешь сделать это.

Брови Эйдена поднялись вверх.

— Ничего особенного. Обычно я играю с друзьями в баре, но это не всегда.

Может, я и не ходила на свидания уже много лет, но даже я распознала эту уловку, когда услышала.

— Не хочешь поужинать? Дружеский ужин, — поспешно ответила я. Я еще не была готова к настоящему официальному свиданию, но на данный момент это было настолько близко, насколько я могла себе представить. — Хочу поблагодарить тебя за то, что ты направил меня к подрядчикам. Я бы потратила недели, пытаясь найти хороших

специалистов, если бы не ты.

В его глазах промелькнуло удивление, за которым последовала довольная улыбка.

— Я бы хотел поужинать с тобой.

Это была ошибка.

Прошло меньше двадцати четырех часов с тех пор, как я пригласила Эйдена на ужин, и мне уже хотелось отругать себя в прошлом за глупость.

Мы сказали, что это платоническое свидание, но я сделала прическу, а он привел себя в порядок, надев рубашку и не джинсовые брюки.

Он выглядел красиво, *действительно* красиво, но все казалось неправильным. Запах его одеколона, то, как он вел меня по ресторану, держа за руку, а не за поясницу... это было все равно, что пытаться вставить кусочек пазла не в то место.

Перестань слишком много думать. У тебя были годы, чтобы почувствовать себя комфортно с Домиником, а Эйдена ты почти не знаешь. Конечно, поначалу это будет странно.

— Я никогда не был в этом ресторане, — сказал Эйден, когда мы сели за наш столик. — Но много слышал о нем.

— Я тоже.

Наступило неловкое молчание. Мы так легко беседовали в магазине, но за пределами наших ранее определенных отношений я не могла придумать ни одной интересной вещи, которую можно было бы сказать.

Стоит ли говорить о погоде? Ближайшие праздники? О статье, которую я прочитала о нашествии крыс на одной из линий метро? Возможно нет. Это был Нью-Йорк. Всегда было нашествие крыс.

К счастью, вскоре подошел наш официант и спас нас от напряжения.

— Мы возьмем мерло. Спасибо, — сказал Эйден, когда официант представил карту вин, и я предложила ему сделать выбор. В конце концов, это был его благодарственный ужин.

— Разве ты не... — я проглотила остальную часть предложения.

Доминик всегда заказывал каберне, наше общее любимое вино, но я была не с ним на свидании. Я никогда больше не пойду на свидание.

Жжение, охватившее мои глаза, было настолько яростным и внезапным, что я не успела справиться с силами. В одну секунду я думала о пасте и десерте; в следующую — я была на грани того, чтобы расплакаться из-за бесплатной корзины с чесночным хлебом.

Возьми себя в руки.

У меня был очень вкусный ужин с очень приятным и красивым мужчиной. Я *не* должна думать о своем бывшем муже. Но, несмотря на то, что я переехала, подписание Домиником бумаг и звонок Коула, сообщившего мне, что на прошлой неделе все прошло без сучка и задоринки, до этого момента до меня не доходило, что я разведена.

Ни обручального кольца. Ни брака. Ни Доминика.

Я схватила воду и выпила ее, надеясь, что она смывает вкус моих неудавшихся отношений. Этого не произошло.

— Ты в порядке? — мягко спросил Эйден. Наш официант ушел, и он наблюдал за мной с таким настороженным выражением лица, что мне снова захотелось расплакаться. — Мы можем перенести встречу в другой раз, если ты плохо себя чувствуешь.

Он был достаточно тактичен, чтобы дать мне выход, который не включал упоминание о моем нервном срыве. *Я — худшая в мире спутница.*

— Нет. Я в порядке, — я прочистила горло. — Мне просто что-то попало в глаз, — я могла выдержать один ужин. Это была еда и разговор, а не пытка. — Ты недавно вернулся из северной части штата, верно? Как тебе там?

Будь то вино, безупречная паста или моя полная решимость спасти вечер, мы с Эйденom наконец-то добились успеха во время основного блюда.

— Честно говоря, я мечтаю уйти на пенсию в северной части штата, — сказал он. — Я не житель большого города. Если бы не дела, я бы сидел где-нибудь в хижине, пил пиво и нежился на свежем воздухе. Рыбалка, походы по выходным. Хорошая жизнь.

— Это звучит чудесно, — давненько я не ходила в походы, но мы с братом постоянно ходили туда летом в Бразилии. Я пропустила это. — Надеюсь, ты не поймешь это неправильно, но когда я впервые увидела тебя, я подумала, что ты выглядишь как... ну... — я кашлянула, сомневаясь, что наступил момент истины, — ...как лесоруб.

Громкий смех Эйдена вскружил головы всем в крошечной траттории (*прим.* Тип итальянского ресторана (харчевня), с соответствующей кухней) и охладил румянец, разгорающийся на моих щеках.

— Неа. Это комплимент. А если мы говорим о честном первом впечатлении... — он наклонился вперед, его лицо смягчилось. — Когда я встретил тебя, то подумал, что ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

По идее, его признание должно было вызвать у меня восторг. На практике это заставило меня почувствовать... ничего. С таким же успехом он мог бы быть роботом, читающим мне состав банки супа.

Я сделала глоток вина, пытаясь придумать подходящий ответ, который бы не расстроил его.

— Эйден, я...

— Алессандра, — от глубокого, холодного голоса у меня по рукам побежали мурашки.

Мой стакан замер на полпути к столу. *Нет.* После шести недель молчания это не могло быть той ночью, когда я снова столкнусь с ним. У Вселенной не было бы такого болезненного чувства юмора.

Но когда я взглянула вверх, он был там. Мой бывший муж во всей своей раздражающей белокурой точеной красе. На нем была строгая рубашка на пуговицах, дорогие часы, и с каменным выражением лица он положил руку на спинку моего стула с интимностью, на которую у него больше не было права.

— Доминик, — я не стала скрывать своего недовольства.

Через стол Эйден перевел взгляд между нами с зарождающимся пониманием. Я мимоходом упомянула ему о разводе и практически видела, как он складывает два и два.

— Какое совпадение, что я встретила тебя здесь, — сухо сказала я. — Мы сейчас в середине ужина, так что, если ты хочешь что-то обсудить, мы можем сделать это позже.

— Я вижу это, — на челюсти Доминика дернулся мускул. — Камила на днях нашла несколько твоих книг в библиотеке. Тебе следует их забрать.

— Я пришлю кого-нибудь на следующей неделе, — ни за что на свете я бы снова не

переступила порог пентхауса. В последний раз, когда я ходила с ним домой, мы...

Румянец пробежал по моей коже. Для храбрости мне захотелось выпить еще глотка вина, но я не позволила ему увидеть, какой эффект он на меня произвел, поэтому я держала руки на столе, где мой безымянный палец выглядел особенно обнаженным на фоне белой скатерти.

— Есть еще вопрос с твоими произведениями искусства и кухонными принадлежностями, — сказал Доминик. — Тебе нужно выбрать, какие из них тебе нужны.

— Я не хочу ничего из них.

— Это не то, что сказал твой адвокат.

— Мой адвокат переусердствовал, — я изобразила улыбку. Он явно тянул время; если бы предметы для дома были так важны, он бы сообщил о них еще *раньше*. — Ты можешь оставить себе все. Я куплю новые вещи. Начать все сначала и все такое.

Его челюсть снова задергалась.

— Себастьян ждет, — я кивнула туда, где его друг сидел через несколько столиков и с любопытством наблюдал за нами. Обычно учтивый французский миллиардер выглядел немного потрепанным. Бренд Laurent потерпел поражение после смерти Мартина Вэллгрю в Le Boudoir. У него была аллергия на арахис, и судмедэксперт официально констатировал смерть от анафилаксии из-за следов арахиса в ужине Вэллгрю, который предположительно должен был быть без орехов, что было не очень хорошо для ресторана, в котором это произошло. — Как я уже сказала, мы можем поговорить позже.

Я заставила себя встретиться взглядом с Домиником, когда он смотрел на меня сверху вниз, его глаза были непроницаемыми. Затем, когда я подумала, что он откажется уходить, он отпустил мой стул и ушел, не сказав больше ни слова.

У меня перехватило дыхание.

— Я сожалею о этом, — я снова посмотрела на Эйдена и попыталась улыбнуться. — Он может быть немного... напряженным.

— Все в порядке, — в его глазах мелькнуло беспокойство и намек на веселье. — Я предполагаю, что это был печально известный бывший муж.

— Что выдало это? Грубое вмешательство или странная заикленность на кухонных вещах?

— Не думаю, что он заиклился на предметах.

Я ненавидела крошечный толчок, последовавший за его словами. Я умоляла Доминика отпустить меня, и он это сделал. В долгосрочной перспективе это было хорошо, но в краткосрочной перспективе часть меня неловко содрогнулась от перспективы его ухода. Это было лицемерно, учитывая, что это я была на квази-свидании (*прим. quasi* — «типа»), но эмоции не были рациональными.

Эйден провел рукой по губам.

— Я надеюсь, что не поставил тебя в неловкое положение тем, что сказал ранее. Я имел это в виду, но я также не ожидаю от этого ужина ничего, кроме приятного вечера с кем-то, чье общество мне нравится. Ты только что пережила развод, и я, ну, я тоже не в том положении, чтобы начинать отношения. Возможно, со временем все изменится, но а пока давай принимать вещи за чистую монету. Как думаешь?

У него была невероятная способность говорить именно то, что мне нужно было услышать.

— Это звучит идеально.

Избавившись от ожиданий, которые омрачили первую половину ужина, я наконец расслабилась. Разговор протекал легко, и к тому времени, когда принесли десерт, я почти могла игнорировать темно-синий взгляд, прожигающий дыру в моем боку.

Эйден извинился и пошел в туалет, пока я доедала тирамису. Не прошло и тридцати секунд, как он ушел, как знакомый чистый, древесный запах наполнил мои чувства.

Я снова напряглась, мои глаза встретились с Домиником, когда он занял освободившееся место другого мужчины. Эйден естественным образом заполнил его, но Доминик превзошел. Широкие плечи, холодные глаза, точечная челюсть. Каждый дюйм его тела излучал высокомерие и напористость.

— Это место занято.

— Это был твой новый арендодатель? — Доминик проигнорировал мое резкое замечание.

— Как... неважно. — Конечно, он знал, что Эйден был моим домовладельцем. Вероятно, он знал номер социального страхования, домашний адрес этого человека, а также предпочитаемые продукты для завтрака. Доминик тщательно изучал людей в своей жизни, какими бы второстепенными они ни были. — Есть ли он или нет, это не твое дело. Мы больше не женаты. Я могу пойти на свидание с кем захочу.

— Так вот что это такое? — В его глазах промелькнула едва заметная вспышка. — Свидание?

— Да.

Платоническое, но ему не обязательно было это знать. Я вздернула подбородок, призывая его оттолкнуть меня.

— Он не в твоём вкусе.

— Я присматриваю к новым. Старый мне не очень подошел.

Он пытался это скрыть, но я не упустил ни трещины в его холодном выражении лица, ни струйки боли, просачивающейся сквозь него.

Не жалеет его. Он это заслужил.

Я схватила пальцами край стула так сильно, что стало больно.

— Ты можешь ходить на свидания сколько угодно, *amor*, — мягко сказал Доминик. — Но никто не будет любить тебя так, как я. *Você e eu. Não tem comparação* (прим. Есть только ты и я. Никаких сравнений).

Слова пронзили меня, теплые и болезненные, наполненные ностальгией по прошлым дням.

Моя улыбка скрыла болезненный гул за грудной клеткой.

— По-моему, это звучит неплохо.

— Есть проблема? — Эйден вернулся, выражение его лица стало явно менее дружелюбным, когда он увидел Доминика на своем месте.

— Проблем нет, — я не сводила глаз с бывшего мужа. — Он как раз собирался уходить. Не так ли, Доминик?

Изгибу его рта не хватало юмора. Он встал, его тело развернулось со смертельной грацией, что привлекло несколько восхищенных взглядов, как мужчин, так и женщин.

— Наслаждайтесь остатком ужина, — проходя мимо, он постучал по месту рядом с моим бокалом. — Ему следовало заказать каберне.

От этого интимного шепота у меня по спине пробежала дрожь. Я затаила дыхание, пока Доминик не вернулся на свое место напротив Себастьяна, который, казалось, не был

обеспокоен тем, что его партнер по ужину бросил его посреди трапезы.

— Ты в порядке? — Эйден коснулся моего плеча.

— Да, — я заставила себя еще раз улыбнуться. — Я закончила, так что давай уйдем отсюда. — Как и ожидалось, он попытался заплатить за ужин, но я предусмотрительно заплатила заранее. Мне действительно нужно было поблагодарить его за помощь с подрядчиками, и после стольких лет финансовой зависимости от Доминика я почувствовала, что могу платить сама.

Мы с Эйденем разошлись дружелюбно, немного неловко, и мне удалось держать себя в руках всю дорогу до квартиры Слоан. Я нашла новое жилье рядом с ней, но срок аренды начнется только в январе, поэтому я осталась с ней на праздники.

И только после того, как такси высадило меня перед ее домом, я поникла. Я прислонилась к стене и втянула в легкие холодный воздух, пытаюсь очистить свои чувства от всего, что связано с Домиником. Звук его голоса, запах его одеколona, мягкое прикосновение его костюма к моей коже.

Я пыталась забыть его, но это было трудно, когда все напоминало мне о нем. Этот город стал памятником нашим отношениям — нашему первому бегству, нашему дому, нашей кончине.

Tu e eu. Não tem comparação. (прим. Только ты и я. Никаких сравнений)

Уличные фонари заливали тротуар теплым светом. Мимо спешили люди, одетые для вечеринки или жаждущие переночевать дома. Через дорогу к новому бразильскому стейк-хаусу тянулась очередь. Это заставило меня вспомнить о моем брате, который был занят жизнью в Сан-Паулу. Я завидовала ему. Он не был женат, не встречался, у него не было разбито сердце. Он был свободен и наслаждался жизнью так, как заслуживал. Если только...

Я выпрямилась, мою кожу покалывало от внезапного прилива вдохновения.

Если все в городе напоминает мне о Доминике, возможно, пришло время выбраться из города.

Я поспешила в вестибюль и набрала знакомый номер.

— Привет, — сказала я, когда трубку взял мой брат. — У меня есть идея.

ГЛАВА 16

Дневник

Бам!

Я разбил ракетку о теннисный мяч. Он перелетел через сетку и оказался в нескольких дюймах от того, чтобы врезаться в лицо Данте.

В ответ он нахмурился.

— Ты играешь в теннис или пытаешься отправить меня в больницу? — он потребовал. — Это уже третий раз, когда ты чуть не сломал мне нос. Я начинаю принимать это на свой счет.

— Уходи, если не можешь с этим справиться, — я сделал еще один выстрел, мое дыхание было ровным, несмотря на пот, струящийся по спине. — Я не буду злиться на тебя.

Данте ответил мощным ударом слева, который эхом разнесся по территории. Он и Кай вымещали свое разочарование на боксе, но наши теннисные матчи оказали почти такое же терапевтическое воздействие.

Солнце палило на открытые теннисные корты Вальгаллы. Это был необычно жаркий день для середины ноября, и мы в полной мере воспользовались им, прежде чем погода сменилась унылой серостью, характерной для нью-йоркских зим.

В кои-то веки у меня не было обеденного совещания, но я пропустил «немного отдохнуть», как предложил мой начальник штаба, и потащил Данте в клуб. Мне нужно было чем-то заняться, потому что каждый раз, закрывая глаза, я видел Алессандру.

Алессандра, у которой по лицу текли слезы.

Алессандра, на свидании с этим ублюдком Эйденем и его дурацкой бородой.

Алессандра, смеющаяся и разговаривающая с ним так, словно уже двигалась дальше, в то время как я медленно умирал внутри последние шесть недель, пять дней и четыре часа.

Часть меня надеялась, что она отменит все это после того, как я подпишу документы о разводе. Это была глупая надежда, но все же это была надежда, и был момент — один крошечный момент — когда она колебалась.

Потом она взяла бумаги и ушла.

Я подписал бесчисленное количество контрактов, которые принесли мне невообразимые богатства, но на этот раз мне пришлось подписать один, отказываясь от самого важного человека в моей жизни.

Что-то сжалось в моей груди, когда полетел в мою сторону. На этот раз я ударил его с такой силой, что удар отразился по всему моему телу. Он пролетел мимо и врезался в кувшин с водой, стоявший за линией корда.

Стекло разбилось, после чего послышался стук ракетки Данте по земле.

— Вот и все, — сказал он. — На сегодня мы закончили.

— Рад, что ты наконец можешь признать, что ты лодырь, Руссо. — Лицо Алессандры замерцало в волнах жары, танцующих над кортом, прежде чем я сморгнул его.

После нашего развода я погрузился в работу даже глубже, чем обычно, но независимо от того, сколько встреч я провел или сколько цифр подсчитал, я не мог выбросить ее из головы. Она всегда была рядом, насмехаясь надо мной. Пытая меня. Заставляя меня желать повернуть время вспять, когда время было единственной вещью, над которой я не имел

власти.

Часть меня жаждала хоть малейшего взгляда на нее, а другая боялась этого, потому что это слишком сильно напоминало мне о том, что я потерял. Увидеть ее неожиданно было уже достаточно плохо; увидеть ее с чертовым Эйденом чуть не убило меня. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы не ударить его по его самодовольному бородавчатому лицу.

— Я не из тех, кто сдается. Я прагматичен. У меня свидание с Вивиан, и если я пропущу его из-за того, что ты не сможешь как следует прицелиться, мы *оба* разозлимся, — сказал Данте, возвращая мое внимание к настоящему. Он бросил взгляд туда, где сотрудник клуба уже убирал разбитое стекло. — Ты был на взводе всю эту чертову игру. Сегодня неделя благодарения. Расслабься. — Было иронично, что известный своей сварливостью Данте советовал мне расслабиться, но, полагаю, брак изменил всех.

— К черту День Благодарения, — благодарить было не за что. Помимо встречи с Алессандрой на ее свидании на прошлой неделе, мне пришлось иметь дело с моим пропавшим приемным братом. Роман исчез после разгрома ресторана в октябре, и даже темная сторона моей интернета не смогла его найти. Но он все еще был в Нью-Йорке. Я чувствовал это. Вместо того, чтобы успокоить меня, его молчание напоминало злое щелканье перед бурей.

Тем временем общество гудело новостями о моем разводе. Меня не волновало мнение других людей по всем вопросам, не связанным с бизнесом, но непрекращающийся шепот раздражал меня до глубины души. Мои отношения с Алессандрой их не касались.

— Я думал, вы с Вивиан сегодня вечером направляетесь в Париж, — я сменил тему, прежде чем погрузиться в дерьмовое шоу моей личной жизни. — Или ты останешься в городе на выходные?

— Прощальный вечер Алессандры завтра, поэтому мы отложили... — Данте оборвал себя, но было слишком поздно.

Я замер.

— Какой прощальный вечер? — тихие слова отразились от грунтового корта.

На лице Данте отразилось недоумение.

— *Какой прощальный вечер?* — повторил я, сжимая ручку своей теннисной ракетки. Знакомый шум пронзил мою голову, а ритм сердца ускорился, от чего у моего врача случился бы инфаркт.

— Завтра утром Алессандра уезжает в Бразилию, — наконец сказал Данте.

Мой разум немного успокоился.

— На праздники, — она всегда навещала маму и брата на Рождество. Не так уж и часто на День Благодарения, так как в Бразилии это был не праздник, но, возможно, в этом году ей нужен был еще один отпуск.

— Не совсем, — Данте выглядел так, будто предпочел бы оказаться где угодно, только не здесь. — Это билет в один конец. Вивиан не знает, когда она вернется.

Билет в один конец... неизвестно, когда она вернется.

Слова Данте преследовали меня всю ночь и следующее утро, когда я сидел за столом и

смотрел на рыночные показатели на своем компьютере, даже не видя их.

Накануне Дня Благодарения офис превратился в город-призрак, поэтому это был один из моих любимых рабочих дней. Однако я не мог сосредоточиться на расследовании Комиссии по ценным бумагам или любого инвестиционного счета в моем портфеле.

Алессандра не могла *переехать* в Бразилию. Мой частный подрядчик подтвердил, что она направлялась в Бузиос, где у ее матери был дом, но, черт возьми, она только что арендовала витрину магазина на Манхэттене. В этом районе невозможно разорвать коммерческую аренду, не заплатив за это ни копейки. Тем не менее, от мысли о том, что она улетит за тысячи миль без даты возвращения, у меня перехватило дыхание.

Как я вообще мог добровольно провести так много часов вдали от нее, когда я отдал бы свою гребаную почку ради того, чтобы снова побыть с ней наедине? Почему я больше боялся потерять все остальное, чем потерять ее?

Я предоставил Алессандре пространство после развода, потому что было слишком рано начать действовать. Эмоции были слишком сильными для нас обоих, и мне нужно было время, чтобы придумать, как вернуть ее. Я подписал бумаги, но это не означало, что я отказался от нас. Ни в коем случае.

Каждый конец сопровождался новым началом. Я просто должен был убедиться, что мы начнем все сначала вместе.

Зазвонил мой сотовый, отвлекая меня от моих мыслей. Я выругался, увидев номер вызывающего абонента. *Опять этот чертов неизвестный абонент.* Мне следовало бы перестать брать трубку, но любопытство каждый раз брало надо мной верх.

Как всегда, меня встретила тишина.

Раздражение вспыхнуло, и я выкрикнул предупреждение:

— Если ты не перестанешь звонить, я...

— Присмотри за своим братом, — голос был настолько искажен, что я не мог различить его пол. — Или ты будешь следующим.

Прежде чем я успел ответить, в трубке раздался тихий сигнал об окончании вызова.

Я поручил своему парню проверить звонки, но тот, кто за ними стоит, был достаточно опытен, чтобы их невозможно было отследить.

Чертов Роман. Это должен был быть он. Он постоянно проделывал подобные трюки, пока наша приемная мать не высекла его до полусмерти за то, что он увеличил счет за телефон. Я также не удивлюсь, если за прошедшие годы он научился каким-нибудь черным техническим приемам. Он быстро учился. Жаль, что большая часть того, что он узнал, была связана с той или иной ложью, мошенничеством или манипуляцией.

Я не знал, в какую игру он сейчас играет, но мне это чертовски надоело.

В дверь постучали.

— Сэр? — Марта вошла с нерешительным выражением лица. Ее поведение стало гораздо более сдержанным с тех пор, как я отругал ее за то, как она обращалась с Алессандрой. — Уже одиннадцать часов.

— Буду готов через несколько минут.

Я забыл о встрече сегодня утром. При мысли о том, чтобы сидеть и улыбаться целый час всякой ерунде, мне вдруг захотелось вылезти из кожи вон.

Мне нравился город. Шум и люди заглушили голоса в моей голове; бешеный темп не позволял мне остановиться ни на одном моменте слишком долго. Я обрел безопасность в этом хаосе, но отсутствие Алессандры и присутствие Романа перевернули мой аккуратный,

упорядоченный мир. Единственная причина, по которой я не пребывал в постоянной панике, заключалась в том, что у меня была незаметная команда безопасности, охранявшая Алессандру в городе, и еще одна, присматривавшая за Романом.

Это неделя Благодарения. Расслабься. Совет Данте эхом прозвучал в моей голове. Этот ублюдок был занозой в моей заднице половину времени, но иногда у него были хорошие идеи. В конце концов, именно он вдохновил часть моего плана по возвращению Алессандры.

Я подождал, пока дверь за Мартой закроется, прежде чем открыть новую вкладку в браузере.

Не могу поверить, что даже обдумываю то, что собираюсь сделать. Это было настолько надуманно и необычно, что мне казалось, что кто-то другой управляет моими движениями, когда я захожу на знакомый сайт.

Но, черт возьми, я хочу вернуть жену, и если это означает принятие решительных мер, то пусть будет так.

Впервые в жизни я не задумался и не зациклился на том факте, что никогда раньше не пропускал ни одной рабочей встречи. Я просто нажал синюю кнопку, ввел платежные данные и купил билет в один конец в Бразилию.

ГЛАВА 17

Алессандра

— Если мы умрем здесь, я буду винить тебя! — набегающая волна обрушилась на меня и поглотила мое последнее слово. Мир затих, и на бесконечное мгновение я зависла в подвешенном состоянии.

Затем я снова вынырнула, отплевываясь, под хриплый смех Марсело.

— У тебя нет практики, *irmã* (прим. сестра), — он лежал на доске, лицо его сияло братской насмешкой. — Раньше ты превосходила меня в серфинге.

— Это было много лет назад, — я втянула в легкие сладкий воздух, мое тело болело напряжения. — Манхэттен не совсем известен своими волнами.

Несмотря на унижение на глазах у всех на пляже, моя кровь кипела от адреналина. Вода, солнечный свет, пропитанный солью воздух... как хорошо было быть дома.

Хотя Марсело и я выросли в Нью-Йорке, где наша мать прожила большую часть своей модельной карьеры, в детстве мы каждое лето и каникулы проводили в Бразилии. И только после того, как я вышла замуж, мои поездки сократились до одного раза в год.

Тем не менее, я всегда считала Бразилию своим вторым домом, и была рада, что убедила брата присоединиться ко мне в Бузиосе на последний, но давно назревший отпуск для брата и сестры. Мы приехали в среду и последние два дня провели за едой, плаванием и разговорами. Нью-Йорк казался мне далеким миром. Марсело наблюдал за мной, его веселье сменилось чем-то более мягким.

— Ты выглядишь намного счастливее, чем когда приземлилась. Отпуск пошел тебе на пользу.

— Ага, — я провела пальцами по воде, наблюдая, как солнечный свет сверкает на поверхности. — Мне следовало сделать это давным-давно.

Не знаю, почему мне казалось, что я не смогу приехать сюда без Доминика. Бог свидетель, он совершил достаточно поездок без меня. Возможно, если бы я это сделала, я бы обрела ясность и высказалась раньше.

Было бы все по-другому, если бы я настояла на своем в первый раз, когда Доминик пропустил важное свидание? Может быть. Но я не могла изменить прошлое, поэтому не было смысла заикливаться на «а что, если».

— Возможно, — сказал Марсело. — Последние несколько раз, когда мы разговаривали по телефону, твой голос звучал грустно.

То, как я говорила, не могло сравниться с той печалью, которую чувствовала, но я держала это при себе.

— Это период адаптации, поэтому я здесь. Приспосабливаюсь.

Это работало. Вроде бы. С тех пор, как я приехала, я думала о Доминике только дюжину раз в день вместо обычных двух-трех дюжин.

Маленькими шажками.

— Хм, — мой брат не выглядел убежденным. — А что будет, когда ты вернешься домой?

— Я подумаю об этом позже.

У меня еще не забронирован билет на обратный рейс в Нью-Йорк. К счастью, приближающиеся праздники означали, что строительные работы в магазине замедляются, и я приостановила работу интернет-магазина. Изабелла предложила присмотреть за происходящим, пока меня не будет. До того, как ее опубликовали, она работала в Floria Designs и до сих пор время от времени помогала, когда мне требовалась дополнительная помощь. Она была одной из немногих людей, которым я доверяла управление подрядчиками в мое отсутствие.

— Не хочу давить, но мы должны как-нибудь обсудить слона в комнате (*прим.* идиома, означающая важную тему), — мягко сказал Марсело. — Когда ты в последний раз разговаривала с Домиником?

Я вздрогнула при упоминании его имени. Мы с братом избегали темы моего развода, как чумы, с тех пор, как приехали, но он был прав. Нам нужно было поговорить об этом, и я думаю, он ждал подходящего момента, чтобы поднять эту тему — то есть момента, когда мы расслаблялись на публике, чтобы я не могла запереться в своей комнате или использовать

работу как отвлекающий маневр...

— На прошлой неделе, — призналась я. — Прежде чем я позвонила тебе. Мы были в одном ресторане, и он увидел меня... он увидел меня, когда я ужинала с другом, — я ответила на пристальный взгляд Марсело нерешительным взглядом. — Мне жаль. Я знаю, что вы, ребята, близки, — Марсело и Доминик сразу нашли общий язык, отчасти потому, что в детстве у них были схожие проблемы с дислексией, а отчасти потому, что мой общительный брат мог очаровать даже камень, если бы ему это было нужно.

Я защищала Марсело, над которым в молодые годы беспощадно издевались, и хотя я уже полюбила Доминика, когда они познакомились, их быстрая дружба заставила меня влюбиться еще сильнее.

— Не извиняйся. Это *ваши* отношения, — сказал Марсело, его голос стал еще мягче. — Мне очень нравился Дом, но мы никогда не будем так близки, как мы с тобой. Ты моя сестра. Я всегда буду прикрывать твою спину.

В горле образовался ком.

— Не будь таким сентиментальным по отношению ко мне, Марси. Сегодня все еще твоя очередь выносить мусор.

Его смех послышался снова.

— Отлично. Я должен был знать, что подлизывание к тебе бессмысленно, — поддразнил он. — А если серьезно, не волнуйся обо мне. Делай то, что полезно для тебя, а это... — он обвел рукой пляж. — Это хорошо для тебя. От забот обо мне ты сразу перескочила к своему браку. Пришло время наслаждаться жизнью, не беспокоясь о других.

— Я не против заботиться о тебе.

— Знаю. Но это не делает мои слова менее правдивым. Ты пропустила выпускной бал, чтобы помочь мне подготовиться к *тесту по английскому*. Ты провела свою жизнь, живя для других. Теперь ты, наконец, можешь жить для себя.

Я наблюдала, как другие отдыхающие плещутся вокруг нас, в то время как слова Марсело прокручивались у меня в голове.

Я никогда не думала об этом с такой точки зрения, но он был прав. Наша мать провела детство, работая, устраивая вечеринки и встречаясь со все более богатыми, но сомнительными мужчинами. Я была результатом однодневной связи с кем-то, кого она была слишком пьяна, чтобы запомнить; Марсело был сыном женатого бразильского бизнесмена, который угрожал нашей матери телесными повреждениями, если она когда-нибудь расскажет людям об их романе.

Мы были сводными братом и сестрой, но, несмотря на то, что мы родились с разницей всего в два года, я вела себя скорее как его мать, чем как его сестра, пока мы оба не стали взрослыми. Я не могла рассчитывать на то, что наша настоящая мать будет его должным образом воспитывать, поэтому сделала это сама.

Возможно, именно поэтому я так легко вжилась в роль супруги Доминика. Я привыкла быть опорой, а не звездой в своей жизни.

Теперь я пыталась изменить это с помощью Floria Designs и развода, но все большие изменения требовали времени.

— Хватит сентиментальной чепухи, — я проглотила эмоции, переполнившие мое горло, и кивнула в сторону горизонта. — Хочешь поговорить о жизни? Поговорим о той гигантской волне, которая приближается к нам.

Марсело выругался, и вскоре все мысли о Доминике, небрежных матерях и

отсутствующих отцах утонули под радостью *жизни*. Нью-Йорк всегда будет там; этот момент — нет.

Когда нам надоел серфинг, мы вышли на берег, чтобы позагорать и выпить. Мы пробыли на пляже еще два часа, пока золотой час не окрасил небо в оранжевые и желтые тона, а усталость не коснулась моих век.

— Думаю, пора заканчивать, — зевнул Марсело. — Мы повторим завтра. Или нет. Я могу просто упасть в обморок и уснуть.

— Не спать. Мы в отпуске, — я собрала наши полотенца, пока он разбирался с нашим холодильником.

— Разве смысл отпуска не в том, чтобы спать? — проворчал он, снова говоря, как подросток.

— Не тогда, когда ты со мной.

— Отлично, — Марсело закатил глаза. — Стоит вырвать девушку из отношений, и она вдруг станет тусовщицей.

— Эй, я заново открываю себя, ясно? Это похоже на «Ешь, молись, люби», только без молитвы и любви.

Мой ответ вызвал у него громкий смешок.

На обратном пути на виллу я взглянула на пару, целующуюся на берегу.

Рыжие волосы женщины пылали огнем на фоне заката, а у парня было худощавое, мускулистое телосложение спортсмена или любителя активного отдыха.

Я наблюдала, как он разорвал поцелуй, перекинул свою девушку через плечо и с поразительной легкостью пошел в глубь океана.

— Джош, не смей! Я собираюсь убить тебя! — крикнула она за секунду до того, как он швырнул ее в воду. Девушка схватила его в последнюю минуту, и он последовал за ней, их смех и ругательства эхом разносились по пустому пляжу.

Задумчивая улыбка пробила боль в моей груди. Боже, я скучала по тем пьянящим дням молодой любви. Мне было всего тридцать один, но в плане отношений у меня было такое ощущение, будто я прожила целую жизнь. Измученная, измотанная, с разбитым сердцем.

Какая награда спустя десять лет.

Кем бы ни была эта пара, я надеялась, что у них будет более счастливый конец, чем у меня.

Марсело и я прибыли домой как раз в тот момент, когда закат перешел в сумерки.

У нашей матери был дом для отдыха в Бузиосе в дополнение к квартире в Рио, куда она переехала после ухода из модельного бизнеса, но она редко пользовалась виллой. Я была убеждена, что она забыла о ее существовании.

— Что у нас на ужин? — спросила я. Мы с Марсело весь день питались алкоголем и закусками, и поскольку мои кулинарные навыки были в лучшем случае на низком уровне, он отвечал за еду, пока я занималась уборкой.

— Фейжоада, — сказал он, назвав традиционное рагу из черной фасоли и свинины. — Я слишком устал, чтобы придумать что-то более креативное.

Поскольку это было тяжелое блюдо, большинство людей ели его на обед, а не на ужин, но я бы никогда не отказалась от фейжоады брата, независимо от времени суток.

— Ну, ты же знаешь, я никогда не откажусь... — моя фраза оборвалась, когда такси остановилось в нескольких футах от нас. Мужчина выбрался с заднего сиденья и достал из

багажника свой чемодан.

Было слишком темно, чтобы ясно разглядеть его лицо, но его рост и телосложение выглядели пугающе знакомыми.

Прекрати. Это не он. Господи, ты же в Бразилии. Не в Нью-Йорке.

Марсело прищурился, вглядываясь в темноту.

— Мне кажется или он очень похоже на Доминика?

Пот покрыл мои ладони. *Дыши.*

— Не смейся. Не каждый высокий... — я прервала себя, когда такси тронулось с места, и свет его фар светил лицо мужчины.

Голубые глаза. Точеное лицо. Непринужденное выражение лица, когда он подошел к нам, как будто не появился из ниоткуда в чертовом Бузиосе, одетом в... это были шорты? Я уже много лет не видела Доминика в чем-то более повседневном, чем футболка и джинсы, и даже это было редкостью.

— Привет, — он остановился перед нами, выглядя расслабленным и ошеломляюще красивым. — Прекрасная ночь, не правда ли?

— Что ты здесь делаешь? — Этого не могло быть. Должно быть, у меня галлюцинации после теплового удара во время пляжного дня. — Ты *средишь* за мной?

— Я в отпуске, — спокойно сказал Доминик. — Мне давно пора было сделать перерыв, и, поскольку сегодня День Благодарения, я решил отправиться куда-нибудь в солнечное место. На этой неделе в Нью-Йорке довольно уныло.

— День Благодарения был два дня назад.

— Да, но это все еще выходные в честь Дня Благодарения, — его улыбка, хотя и мимолетная, поразила меня сильнее, чем я хотела признавать. — Это считается.

Я скрестила руки на груди, благодарная за любой барьер, разделяющий нас.

— И из всех мест в мире ты решил провести отдых здесь?

Он пожал плечами.

— Я люблю Бразилию, — его простой ответ не скрывал интимности его смысла.

Я люблю Бразилию. *Я люблю тебя.*

Невысказанные слова окутали меня, удерживая в плену настолько, что Марсело откашлялся. Громко.

Я вздрогнула и оторвала взгляд от Доминика. Я и забыла, что мой брат был здесь.

— Итак, эм, где ты остановился? — его взгляд метался между мной и его бывшим зятем.

На этот раз в улыбке Доминика был дьявольский оттенок.

— На вилле Луз.

Вилла Луз принадлежала бразильской светской львице, которая время от времени сдавала ее в аренду VIP-гостям, когда ею не пользовалась. Она была большой, роскошной и великолепно украшенной.

К тому же, находилась в непосредственной близости от нашей собственной.

ГЛАВА 18

Alessandra

Черт.

ГЛАВА 19

Alessandra

— Он выглядит одиноким.

— Это не наше дело, — я уставилась на свой напиток и заставила себя не смотреть на соседнюю дверь. — Он решил поехать в отпуск в одиночку, — мы с Марсело ели домашние кайпирины на террасе на крыше, пока готовилась фейжоада. Мне не следует больше употреблять алкоголь после пьяного дня на пляже, но мне нужно было расслабиться после стычки с Домиником.

— Верно, — сказал Марсело. — И все же это немного грустно.

Любопытство сыграло в перетягивание каната с моими лучшими инстинктами. Первый выиграл, и я взглянула направо, где Доминик сидел у своего бассейна. Наши виллы разделяла шестифутовая живая изгородь, но с моей высокой точки обзора открывался прямой вид на его задний двор.

Он просматривал что-то на телефоне и ел самый ужасный сэндвич, который я когда-либо видела. Огни фонарей покачивались на деревьях, освещая его лицо мягким светом.

Циничная часть меня задавалась вопросом, не ел ли он у бассейна, потому что услышал нас на крыше и хотел завоевать сочувствие. Чуткая часть меня не могла не почувствовать боль в груди.

Марсело был прав. Он *действительно* выглядел одиноким.

Мой брат проследил за моим взглядом.

— Город кажется намного меньше, не так ли?

— Он достаточно большой. Пусть занимается своими делами, мы — своими, — я понизила голос, но Доминик в этот самый момент поднял голову, как будто услышал меня. Наши глаза встретились, и по моей коже пробежала электрическая дрожь.

Я отвела взгляд, прежде чем он перешел во что-то более опасное.

— Тебе его жаль, не так ли? — сказала я, когда Марсело нахмурился. — Что случилось с тем, что ты всегда будешь прикрывать мою спину? — я шутила лишь наполовину.

Мой брат во многом был обязан Доминику, который устроил его на первую работу младшим шеф-поваром в одном из ресторанов Лоренца, прежде чем он перешел на свою нынешнюю должность исполнительного су-шефа. Я не ожидала, что он будет избегать его только потому, что мы развелись, но его очевидная слабость к Доминику вызывала у меня беспокойство просто потому, что я видела, как сама поддаюсь тем же чувствам.

Я была слишком восприимчива к мнению других. Я не хотела этого, но ничего не могла с собой поделать.

— Это по-прежнему правда, но мне его тоже жаль, — сказал Марсело. — Мы оба знаем, почему он здесь, и это не из-за отпуска, — он кивнул на мужчину, которым шла речь. — Когда в последний раз Доминик *добровольно* брал отпуск на работе?

Никогда. Даже когда мы были женаты, мне приходилось заставлять его оставаться в Бразилии дольше, чем на несколько дней между Рождеством и Новым годом.

Меня внезапно поразило, насколько важным было его появление. Это не был выходной или перенесенная встреча; он покинул офис, улетел на другой континент и, судя по тому, насколько комфортно чувствовал себя на вилле Луз, намеревался остаться там на некоторое время.

Мой желудок скрутился узлами. *Не позволяй ему обмануть тебя.* Доминик готов на всё ради победы, но приз имеет значение только до момента его получения.

— Да ладно, — сказала я, уклоняясь от вопроса Марсело. — Еда скоро будет готова, и

мне нужно принять душ.

— Ты приняла душ час назад.

— Мне снова нужно принять душ, — солгала я. — Влажность просто убийственная.

Марсело бросил на меня понимающий взгляд, но спорить не стал. Пока он проверял фейхоаду, я без особого энтузиазма ополоснулась, позволяя горячей воде смыть мою давнюю симпатию к Доминику.

Когда я вытерлась полотенцем и вошла в столовую, Марсело уже накрывал на стол.

— Вот. Я помогу, — я выхватила у него тарелки. — Почему ты так на меня смотришь? На этот раз мне потребовалось не *так* много времени.

Он всегда дразнил меня из-за того, что я долго принимаю душ, но я провела там максимум тридцать минут.

— Я знаю, — он почесал затылок, на его лице было одновременно и испуганное, и тревожное выражение. — Итак, вот в чем дело. Пока ты была...

Кто-то подошел к нему сзади и прервал разговор.

— Куда ты дел свои бокалы для коктейля? Я не вижу... — Доминик резко остановился, заметив меня. Он переоделся в льняную рубашку и брюки и держал в одной руке бутылку кашасы (*прим.* крепкий алкогольный напиток), а в другой — телефон.

Тепло разлилось по моей коже, стирая последствия душа. Была только одна причина, по которой он был в нашем доме, держа в руках эту бутылку и ища *наши* бокалы для коктейлей.

Марсело пригласил его на ужин.

О совместных праздниках серия и брата можно было забыть. Завтра я буду единственным ребенком, потому что собираюсь *убить* своего брата.

Мой скоро-умерший-брат прочистил горло.

— Доминик подошел и спросил, может ли он одолжить немного сахара. Оказывается, Луз не снабдила дом приправами, а магазин в городе закрыт, поэтому я спросил, не хочет ли он вместо этого присоединиться к нам. В любом случае я приготовил слишком много еды.

— Если тебе неудобно, я могу уйти, — сказал Доминик, когда я промолчала. — В любом случае, я не настолько голоден. У меня был сэндвич.

— Все в порядке, — я заставила себя улыбнуться. Я не позволю ему увидеть, как он на меня влияет.

Прошел еще одна неловкая пауза, прежде чем Марсело снова откашлялся.

— Бокалы находятся в нижнем шкафу, второй слева. Легко пропустить, если не присматриваться.

Доминик кивнул и снова исчез на кухне. В тот момент, когда он скрылся из поля зрения, я взглянула на Марсело, который отступил назад, подняв руки вверх.

— *О чем ты думал?* — шёпотом крикнула я. — Одолжить сахар? Seriously? Ты на это купился?

— Я запаниковал, ясно? — прошипел он в ответ. — Что мне было делать? Выгнать беднягу?

— *Да*, — я махнула рукой в направлении кухни. — Ты пригласил моего бывшего мужа на ужин! Мы развелись два месяца назад, и он *последовал за мной в Бразилию!*

— Ты знаешь, я плохо справляюсь с межличностным давлением! Он почувствовал запах фейжоады и... черт, он идет.

Мы снова замолчали, когда Доминик вернулся с бокалами для коктейля.

Он поднял бровь, когда я схватила один и налила себе выпить, прежде чем мы сели, но

он благоразумно воздержался от каких-либо слов.

Ужин, как и ожидалось, прошел тихо и неестественно. Марсело поддерживал разговор, пока мы с Домиником ели молча. У меня было такое чувство, будто я проживаю абсурдистский фильм о браке и разводе. Все, от локации до присутствия Доминика и музыки, которую Марсело поставил для «улучшения атмосферы», казалось сюрреалистично.

Это не могло быть моей жизнью прямо сейчас.

— Как дела в твоём магазине? — Марсело спросил после того, как закончил бессвязно рассказывать о последнем футбольном матче в Бразилии, или футболе, как его называли везде, кроме США (*прим.* говорится про один и тот же футбол, но в США его называют soccer, а весь мир — football). — Все готово к торжественному открытию в новом году?

— Да, — я постучала костяшками пальцев по дубовому столу, чтобы не сглазить. — Я не получала никаких экстренных сообщений от Изабеллы, поэтому предполагаю, что магазин не сгорел.

— Ты как-то сказала, что никогда не откроешь физический магазин, — тихое замечание Доминика заставило мои плечи напрячься. — Сказала, что это будет слишком тяжело.

— Тогда я училась в колледже, — я не отрывалась от еды. — С тех пор многое изменилось.

Я специализировалась в сфере бизнеса в Тайере, но сосредоточилась на электронной коммерции. Вместо того, чтобы после окончания учебы основать собственную компанию, как изначально планировала, я помогала Доминику создавать его компанию. Однако я отступила после того, как он нанял постоянную команду, а ситуация в сфере розничной торговли настолько изменилась со времени учебы в колледже, что создавать Floria Designs было все равно, что начинать с нуля. Большая часть того, чему я научилась в колледже, устарела, и последние два года были бесконечным процессом обучения.

Открытие физического магазина напугало меня до смерти, но мне нужно было что-то солидное. Что-то, на что я могла посмотреть, потрогать и назвать своим, и это, вне всякого сомнения, доказывало, что во мне еще осталась какая-то борьба.

— А ты? — спросил Марсело, когда Доминик после моего ответа промолчал. — Как работа?

— Все в порядке. Рынки меняются, а Уолл-стрит — нет.

Еще одно долгое молчание.

— Как долго ты пробудешь в Бразилии? — мой брат предпринял еще одну отважную попытку завязать разговор.

— Без понятия, — Доминик небрежно отпил напиток. — Я не купил обратный билет.

Я чуть не подавилась куском фасоли и свинины. У Марсело напротив меня отвисла челюсть, обнажая полупережеванный кусок мяса. Это было крайне неподобающе, и он бы обругал за это другого человека, но признание Доминика сбilo нас обоих с толку.

Его полет в Бразилию уже был достаточно шокирующим. То, что он прилетел сюда без даты возвращения, было настолько немыслимо, что я почти протянула руку, чтобы проверить, страдает ли он от высокой температуры или раздвоения личности.

— Как? — Марсело наконец нашел слова. — А что насчет работы?

Доминик бросил на меня быстрый взгляд. Я опустила глаза и притворилась, что моя еда — самое восхитительное, что я когда-либо видела, в то время как мое дыхание замерло в ожидании его ответа.

— Работа всегда будет, — сказал он. — А вот другие вещи — нет.

До конца ужина никто больше не разговаривал.

После ужина Марсело извинился и ушел мыть посуду, хотя была моя очередь убираться. Он проигнорировал мой смертельный взгляд и поспешил на кухню с охапкой тарелок и столовых приборов, оставив меня и Доминика одних в столовой. Мы смотрели друг на друга, плененные неуверенностью. Для нас это была новая динамика, и я не знала, как с ней справиться.

Доминик был кем угодно — безжалостным, раздражительным, амбициозным, — но он никогда не сомневался. С того дня, как мы встретились, он был целеустремленным человеком, движимым одними целями и амбициями. Выпускником. Основатель собственной компании. Стал настолько богатым и успешным, что заставил замолчать каждого человека, который когда-либо сомневался в нем.

Даже будучи бедным студентом колледжа, Доминик источал такую уверенность, что, глядя на него, невозможно было не увидеть человека, которому суждено достичь всего, к чему он стремился. Успех был его истинным севером, но теперь он казался потерянным, словно дрейфовал в море без компаса.

— Але...

— Уже поздно. Мне пора спать. — Я встала, сердце колотилось по причинам, в которые я не хотела вдаваться, но не успела я сделать и двух шагов, как рука сомкнулась на моем запястье.

— Пожалуйста.

Грубость этого простого слова лишила меня некоторой силы воли. Я остановилась и посмотрела на него, ненавидя то, как от его прикосновений у меня в животе порхали бабочки, и как его голос заставил мое сердце биться немного быстрее. Мне хотелось бы так же легко отказаться от своих чувств, как от нашего брака, но наши отношения на бумаге сильно отличались от реальности.

— Тебя не должно здесь быть, — странная смесь усталости и адреналина разлилась по моим венам. — Это только приносит вред здоровью каждого из нас. Мы только что развелись. Мы не сможем двигаться дальше, если ты будешь настаивать на том, чтобы повсюду следовать за мной.

Глаза Доминика замерцали в свете ламп.

— В том-то и дело, — сказал он тихо. — Невозможно двигаться дальше. Я не могу так.

Все мое тело напряглось, но никакие усилия не могли смягчить воздействие его слов.

— Ты не пробовал.

— Хочешь, чтобы я попробовал?

Да. Может быть. В конце концов.

Я прогнала образ Доминика, присутствовавшего на каком-то модном гала-концерте под руку с гламурной блондинкой или, что еще хуже, прижимающегося к ней рядом на диване. Это были интимные моменты, которых я жаждала и завидовала кусочкам жизни, которыми он в итоге поделится с кем-то еще.

Не зацикливайся на этом. Это то, чего ты хотела. Помнишь?

— Ты подписал бумаги, — я высвободилась из его хватки. Отпечаток его прикосновения обжигал, и мне потребовалась вся сила воли, чтобы не коснуться запястья.

— Я подписал бумаги, потому что ты меня просила, а не потому, что я этого хотел.

— И все же ты здесь вопреки моему желанию.

Легкая улыбка тронула его губы, а глаза оставались серьезными.

— Ты никогда не говорила, что не хочешь, чтобы я был здесь, так что технически я не иду против твоего желания.

Я вздохнула, усталость взяла вверх над адреналином.

— Чего ты хочешь, Доминик?

— Я хочу вернуть тебя.

Мой пульс участился. Слава богу, он больше не держал меня, иначе он бы почувствовал именно тот момент, когда его слова дошли до меня.

— Ты это не удастся. — Возможно, если бы я сказала это достаточное количество раз, он бы поверил, и я бы не чувствовала этой тупой боли за грудной клеткой.

— Я знаю.

— Тогда что...

— В частности, я хочу начать все сначала, — Доминик не сводил с меня глаз. — Ты сказала, что мы больше не знаем друг друга, и была права. Ты сказала, что я пренебрегал тобой и принимал тебя как должное во время нашего брака, и ты была права. Я потерял представление о том, что было самым важным. Я не могу изменить то, что делал в прошлом, но я могу поступить по-другому в будущем. Дай мне шанс доказать тебе это.

— Как? — вопрос прозвучал шепотом. Я ничего не могла с этим поделать. Я была слишком любопытна, слишком очарована интимной честностью, отразившейся на его лице. Это была честность, которой не хватало в наших отношениях в течение многих лет, и в тот момент он не был Домиником Дэвенпортом, королем Уолл-стрит. Он был просто Домиником — красивым, умным, измученным парнем, в которого я влюбилась много лет назад.

— Не отталкивай меня, — его горло сжалось. — Это все, что я прошу. Это шанс для нас поговорить и узнать друг друга такими, какие мы есть сейчас. Я хочу знать, что заставляет тебя смеяться, а что заставляет плакать, как выглядят твои сны, когда ты спишь, и что не дает тебе уснуть. Я потрачу столько жизней, сколько мне понадобится, чтобы заново открыть эти части тебя, потому что ты для меня — все. В каждой версии каждой жизни. Возможно, с тех пор, как мы поженились, все изменилось, но ты и я? Мы всегда были предназначены друг для друга.

ГЛАВА 20

Видеть Алессандру и не иметь возможности ее обнять было особой пыткой. Прошло два дня, тринадцать часов и тридцать три минуты с момента нашего совместного ужина, и с тех пор я провел каждую минуту бодрствования, переигрывая его. Она была совсем рядом, но я боялся, что, если не сохранию ее в своем сознании достаточно глубоко, она ускользнет, как песчинки сквозь пальцы.

К счастью, Бузиос был маленький, и мы повсюду сталкивались друг с другом.

На пляже. На набережной. В супермаркете, покупая фрукты и овощи. К сожалению наше взаимодействие в этих местах было в лучшем случае ограниченным.

Алессандра все еще опасалась меня. Ее ответом на мою просьбу в понедельник вечером было просто: — Мне нужно идти, — и она смотрела на меня так, словно я был коброй, ожидающей нападения каждый раз, когда она меня видела. Это заставляло меня чувствовать себя дерьмово, потому что я знал, что она имеет полное право не верить мне, но в то же время мне нравилось наблюдать за ней в те мгновения, прежде чем она понимала, что я рядом. Вспышка ее улыбки, сияние ее глаз, нечто неприкосновенное, неуловимое, что напоминало девушку, которая взяла меня под свое крыло в Тайере и не отпускала, пока я не научился летать самостоятельно.

— Вот твой кофе. Черный, без сахара и сливок. Именно так, как тебе нравится, по какой бы то ни было причине. — Алессандра была первым человеком, которого я увидел, выйдя из класса профессора Рут. Она протянула мне картонный стаканчик, на ее лице была смесь предвкушения и трепета. — Итак, как все прошло?

— Отлично, — я сделал глоток, наслаждаясь горечью, от которой она всегда морщила нос. — Профессор Рут не посадил нас до тех пор, пока мы не смогли прочитать наизусть все произведения Шекспира, что я считаю победой.

— Ха-ха. Очень смешно, — она пригвоздила меня забавным взглядом, хотя ее рот дернулся. — Я говорю о твоём выпускном экзамене, умник. Ты... ты прошел?

Алессандра выглядела такой нервной, что я отказался от своего первоначального плана затянуть это и поиздеваться над ней еще немного.

— Семьдесят восемь, — я не мог скрыть улыбку. — Я прошел.

Это была не лучшая оценка в классе, но, черт возьми, она была намного лучше, чем та, которую я получил в последний раз, когда сдавал экзамен по английскому языку. Благодаря Алессандре я неплохо справился на промежуточных тестах, а на финальном экзамене мне нужно было набрать как минимум семьдесят пять баллов, чтобы сдать экзамен.

— Ты сдал? Боже мой, ты сдал! — Алессандра вскрикнула и обняла меня, чуть не сбив с ног. Я поспешно выбросил кофе в ближайший мусорный бак, прежде чем пролить его на нас обоих. — Ты сделал это! Я ни на секунду не сомневалась в тебе.

— Вот почему ты выглядела так, будто тебя вот-вот стошнит, когда ты спросила, как у меня дела, верно?

— Ну, моя репутация как наставника была на кону. Знаешь, я не могла испортить свой стопроцентный успех. — Она отстранилась, ее глаза сверкали гордостью. Мой желудок сжался. Алессандра была единственным человеком, которого когда-либо заботили мои

достижения. Черт, она, вероятно, заботилась больше, чем я сам, и я понятия не имел, как справиться с такими вещами. — А если серьезно, я знала, что ты сможешь это сделать. Ты один из самых умных людей, которых я знаю, Доминик. Просто показываешь это по-другому.

Жар обжигает мои щеки и шею.

— Спасибо, — я прочистил горло и освободился от нее. Было тревожно хорошо держать Алессандру в своих объятиях, и я боялся, что если не вырвусь на свободу сейчас, то уже никогда не отпущу ее. — Я рад, что ты не отказалась от меня, даже когда я был засранцем, потому что без тебя я бы не справился.

Это прозвучало легче, чем ожидалось. Мне всегда было трудно сказать «спасибо», но, возможно, это произошло потому, что до сих пор никто по-настоящему этого не заслужил.

Лицо Алессандры смягчилось.

— Это сделал ты, а не я. Я просто вела тебя по пути.

— Верно, — я провел рукой по затылку, чувствуя, как усиливается жар. — Ну, думаю, это все. Еще раз спасибо за все. Может быть, увидимся на выпускном.

У нас не было причин видеться снова. Мои занятия в следующем семестре были полностью посвящены финансам и экономике, которые я мог сдать с закрытыми глазами, и, несмотря на наши многочисленные ночные занятия, я не был настолько наивен, чтобы думать, что мы друзья.

Алессандра моргнула, видимо, застигнутая врасплох моим резким прощанием.

— Ой. Я имею в виду, не за что, — она заправила прядь волос за ухо и оглядела поток проходящих мимо нас студентов. — Эм, думаю, тогда увидимся на выпускном.

Если бы не знал ее лучше, я бы подумал, что она разочарована.

— Верно. Увидимся.

Я звучал как заевшая пластинка. Почему я не мог придумать больше слов?

Она колебалась, словно ждала, что я скажу что-нибудь еще. Когда я этого не сделал, она неловко помахала мне рукой и повернулась, чтобы уйти.

Мое сердце билось о грудную клетку. Она была в конце коридора.

Вскоре Алессандра потеряется в толпе, и кто знает, увидимся ли мы снова? Конечно, кампус Тайера был небольшим, и у меня был ее номер, но инстинкт подсказывал, что я позволю чему-то особенному ускользнуть от меня, если не остановлю ее прямо сейчас.

Она почти скрылась из виду.

Паника подтолкнула меня к действию. Я бросился бежать и догнал ее, когда она завернула за угол.

— Подожди! Алессандра.

Она остановилась, ее брови нахмурились от замешательства, глядя на мое покрасневшее лицо.

— В чем дело?

— Ничего. Я имею в виду... — просто скажи это. — Когда ты собираешься домой на каникулы?

Официально занятия не заканчивались только на следующей недели, но многие студенты уезжали домой раньше, если у них не было обязательных очных экзаменов.

Ее замешательство заметно возросло.

— Во вторник. А что?

— Мне было интересно... то есть... — Черт. Я говорил как неопытный школьник, впервые приглашающий свою когто-то на свидание. Что со мной не так? — Хочешь поужинать в субботу? Только мы вдвоем.

Замешательство Алессандры растаяло, сменившись знакомой дразнящей улыбкой, которая заставила мое сердцебиение забиться сильнее.

— Доминик Дэвенпорт, ты приглашаешь меня на свидание?

Черт, если бы я собирался это сделать, я бы с таким же успехом пошел ва-банк. Никаких «если» и «но».

— Да.

Ее улыбка стала шире.

— В таком случае, я бы с удовольствием поужинала с тобой.

Воспоминание о нашем первом официальном начале отношений отвлекло меня настолько, что я почти прошел мимо дайвинг-центра. Я отступил назад, пытаюсь избавиться от боли в животе.

Хотя я был в Бузиосе ради Алессандры, мне действительно нужен был отпуск. Я не мог все время хандрить в городе; это было слишком жалко даже для моих нынешних обстоятельств. Я проводил онлайн встречи и работал рано утром, но я доверял своей команде поддерживать все в рабочем состоянии, пока меня не было.

Конечно, я дал им выходной на День благодарения, но должен был подготовить их к моему длительному отсутствию на следующий день. Это была единственная причина, по которой я не улетел в Бразилию в то же утро, что и Алессандра.

Проблема была в том, что я никогда раньше не ездил в отпуск в одиночку. Теперь, когда я был здесь, я не знал, что делать, поэтому забронировал все мероприятия, которые выглядели интересными. Сегодня дайвинг, завтра прогулка на лодке.

И если я вдруг случайно записался на тот же курс подводного плавания, что и Алессандра, после того, как Марсело оступился и рассказал мне об этом во время вчерашней встречи в нашем продуктовом магазине... ну, это был маленький городок. Возможности были ограничены.

Я зарегистрировался у стойки администратора и присоединился к небольшой группе начинающих дайверов на заднем дворе. Мой взгляд скользнул по седовласому мужчине, паре хихикающих студенток и паре, яростно перешептывающейся друг с другом вполголоса. И тут мой взгляд упал на длинный каштановый хвост в самом дальнем краю группы... и остался там.

Когда Алессандра в последний раз собирала волосы в хвост? Я не мог вспомнить. Это была такая маленькая деталь, но она была еще одним признаком того, насколько сильно мы отдалились друг от друга за эти годы. Раньше мы вместе играли в теннис; именно она познакомила меня с этим видом спорта, и каждый раз она делала один и тот же хвост и надевала белый наряд.

Она что-то проверяла на своем телефоне, но, должно быть, почувствовала жар моего взгляда, потому что подняла глаза и замерла. Она не произнесла ни слова, но в этом и не было необходимости; выражение ее лица говорило само за себя.

— Мир тесен, — я остановился напротив нее. — Доброе утро, Алессандра.

— Доброе утро, — она не ответила на мою улыбку. — Какое совпадение, что мы записались на занятия дайвинг в одно и то же время.

— Как я уже сказал, мир тесен, — протянул я, игнорируя ее резкий тон.

Мой взгляд скользнул по изгибу ее плеча, вверх по шее к лицу.

— Ты выглядишь прекрасно.

Ее волосы посветлели и приобрели золотисто-каштановый оттенок, а от солнца на пляже появился загар. Крошечное созвездие веснушек рассыпалось по ее носу и щекам, такие слабые, что они были бы незаметны, если бы я не был так хорошо знаком с ее чертами, что даже малейшее изменение бросалось в глаза. Но самое главное, скованность, которая окутывала ее в Нью-Йорке, растаяла, открыв непринужденную легкость, которая делала больше, чем мог бы любой макияж или вычурный наряд.

Алессандра всегда была ошеломляющей, но здесь она сияла так, что у меня защемило в груди — отчасти потому, что она была так красива, что я не мог поверить, что она настоящая, а отчасти потому, что ей потребовалось покинуть город, оставить *меня*, чтобы снова обрести счастье. Это было самое болезненное из всего.

Чувство сожаления образовало зазубренный камень в моем животе, и эмоции промелькнули на лице Алессандры, прежде чем она отвела взгляд.

Только тогда я понял, что остальная часть группы замолчала.

Седой мужчина разговаривал по телефону, но студентки и пара наблюдали за нами с жадным интересом.

— *Вот dia! (прим. Доброе утро!)* — Наш инструктор по дайвингу прервал неловкое напряжение и подошел к нам с зубастой ухмылкой. Он выглядел как один из тех двадцатилетних, которые проводят дни под кайфом или занимаются серфингом, что меня уже раздражало. Затем его взгляд на секунду задержался на Алессандре, и раздражение переросло во внезапное яростное собственничество. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы не дать ему по морде.

— Я Игнасио, ваш сегодняшний инструктор по дайвингу. Это наш курс для начинающих, так что будет легко и приятно, — сначала он говорил по-португальски, а затем перевел на английский. Он стоял чертовски близко к Алессандре, бормоча о нашем маршруте и протоколах безопасности. Потом он пошутил про китов, что вызвало у нее смех, и моя фантазия превратилась из того, что я хочу его ударить, в то, чтобы вырвать ему язык.

Спустя вечность мы сели на лодку и направились к месту для погружения. Может быть, мне повезет, и Игнасио упадет с борта и будет съеден акулой. Случались и более странные вещи.

— Ты в порядке? Выглядишь так, будто хочешь убить нашего инструктора, — пошутил Джош, парень из нашей группы. — Если да, то подожди, пока мы не вернемся на берег. Джулс боится акул.

Мы представились ранее. Джош и Джулс, пара, были врачом и юристом из Вашингтона, округ Колумбия. Мужчина постарше был бизнесменом, приехавшим из Аргентины, а студентки — из университета Сан-Паулу, приехавшими на длинные выходные.

— Я их не боюсь, — Джулс вздернула подбородок. — Мне просто не хочется с ними встречаться.

— Это не то, что ты сказала, когда мы смотрели «Неделю акул».

— Прости, что не люблю существ с таким количеством зубов. По крайней мере, я не плачу над диснеевскими фильмами...

Я отвлекся от их игривых ссор и снова сосредоточился на Алессандре, которая с задумчивым выражением лица смотрела на океан.

— Нервничаешь? — тихо спросил я. Ее вполне устраивали занятия на поверхности,

такие как плавание и серфинг, но она боялась погружаться под воду.

Она отказалась нырять с аквалангом во время нашего медового месяца, вот почему я был удивлен, когда Марсело рассказал мне о ее планах на день.

— Со мной все будет хорошо. Я и раньше занималась дайвингом, — она не отводила взгляда от воды.

Меня охватила новая волна удивления.

— Когда?

— В прошлом году, когда я поехала на Багамы.

Я смутно помнил ее поездку с девочками на Карибы. Это были те же выходные, когда я прилетел в Лондон, чтобы заключить сделку, и не припоминаю, чтобы мы когда-либо обсуждали друг с другом наши поездки после. Я не спрашивал; она не рассказывала.

Сожаление расширилось и заполнило мои легкие.

— Как все прошло? — должно быть, она была в ужасе.

Стыд пронизывал меня насквозь. Если бы я не был таким чертовски забывчивым во время нашего брака, я был бы тем, с кем Алессандра впервые отправилась нырять с аквалангом. Я бы держал ее за руку во время прогулки на лодке, отвлекал шутками и просто, блядь, был бы рядом.

Мы стояли у алтаря и поклялись вместе разделить наши все этапы нашей жизни, но сколько я пропустил с тех пор, как произнес это обещание?

Слишком много.

Алессандра пожала плечами.

— Все прошло достаточно хорошо, чтобы я сделала это снова.

— Хорошо, — я постучал пальцами по сиденью. Нервы скрутили мои кишки; я чувствовал себя первокурсником, пытающимся (но безуспешно) поговорить с самой популярной девочкой в школе. — Что заставило тебя решиться на это? Никаких шуток.

Ох, черт возьми. Фраза была настолько банальной, что мне хотелось забрать ее обратно, прежде чем она полностью слетит с моих губ, но, по крайней мере, она заставила Алессандру посмотреть на меня. Тень веселья пробежала по ее лицу, и я решил, что буду шутить сколько нужно, только если это будет означать, что она будет смотреть на меня с чем-то иным, кроме печали или настороженности.

— Мне хотелось попробовать что-то новое, — сказала она. — Как раз было время. Кроме того, я давно перестала так бояться океана. Я не планирую бить какие-либо рекорды по погружениям, но в принципе... все не так уж и плохо. Рано или поздно нам всем придется столкнуться со своими страхами, верно?

С некоторыми из них. Остальные страхи лучше оставить нетронутыми.

— Мне жаль, что меня не было рядом, дабы увидеть это, — тихо сказал я. Я должен был быть там. За эти годы мне приходилось бывать во многих местах и по многим случаям.

У меня внутри все скрутило в такт звуку двигателя позади нас.

— Все в порядке. Я к этому привыкла, — тон Алессандры был деловым, что ранило глубже, чем если бы она говорила в гневе.

С ненавистью я мог бы бороться. Но безразличие? Это был смертельный удар для любых отношений.

Лодка остановилась у места погружения. Я снова попытался заговорить с Алессандрой, но она либо не слышала меня, либо активно игнорировала, пока мы готовились погрузиться в воду.

Разочарование царапало кожу. В водах, окружающих Бузиос, обитала невероятная морская жизнь, но я был настолько сосредоточен на Алессандре, что почти не обращал внимания на подводное окружение.

Трудно было поверить, что это была та самая женщина, которая побледнела, когда я предложил заняться дайвингом во время нашего медового месяца на Ямайке. Теперь она задерживалась у кораллов, восхищалась проплывающей мимо морской черепахой и плавала рядом со стайей желтых рыб. Единственный раз, когда она испугалась, это когда угорь задел ее голень, но в целом она вела себя с таким изяществом, что я не мог не улыбнуться.

Я ненавидел то, что мы отделились друг от друга, но мне нравилось, насколько легче она стала относиться к тому, что когда-то ее пугало. Я гордился ею.

Весь процесс длился четыре часа, включая транспорт до дайв-центра и обратно. К тому времени, как мы вернулись на землю, группа была в равной степени измотана и воодушевлена.

Бизнесмен тут же ушел, а студенты столпились вокруг своих телефонов, хихикая над сделанными фотографиями. Пара, Джош и Джулс, объявила, что они выпьют напитки в ближайшем пляжном баре и что мы можем присоединиться, прежде чем разойтись.

— Ты голодна? — спросил я, идя в ногу с Алессандрой, когда мы вошли в главное здание. — На улице есть хороший ресторан, где можно пообедать.

Она покачала головой.

— Я поем дома с Марсело.

— Почему он не был на погружении?

— Он поздно проснулся.

— Как обычно.

Алессандра была жаворонком, а ее брат — совой. Однажды он посетил нас в Нью-Йорке и первые три дня не просыпался раньше полудня.

Мы погрузились в молчание, когда вошли в дайв-центр.

— Как насчет ужина? — я попробовал еще раз. — Я могу заказать нам столик в новом ресторане рядом с пляжем Тартаруга. Вместе с Марсело.

Ресторан был закрыт в разгар сезона, но я легко мог подергать за несколько ниточек.

Алессандра уставилась в пол.

— Я еще не решила. Возможно, мы с ним тоже поедим дома сегодня вечером.

— Верно, — я провел рукой по лицу. — Ну, если передумаешь, дай мне знать. У тебя есть мой номер, или ты можешь... Я имею в виду, я прямо по соседству.

Знакомый жар унижения пробрался под мою кожу.

Я не путался в словах с тех пор, как мой школьный учитель английского языка заставлял класс по очереди читать вслух «Гамлета». Мне потребовалась целая вечность, чтобы произнести одно предложение, пока все остальные хихикали, прикрываясь руками.

— Знаю, — голос Алессандры немного смягчился. Это было не так много, но я был готов принять все, что угодно. — Мне нужно идти. Я, эм, еще увидимся.

Я смотрел, как она уходит, опустошенный. Не то чтобы я ожидал, что Алессандра прыгнет обратно в мои объятия просто потому, что мы были на одном занятии, но я ожидал... черт, я не знаю. *Большого*. Больше разговоров, больше прогресса.

Опять же, возможно, большего я и не заслуживал.

Вместо того чтобы остаться в городе, я вернулся на виллу и у бассейна узнал новости. Последние данные о занятости, колебания рынка и пресс-конференция нового главы Sunfolk

Bank, чей предыдущий генеральный директор умер от рака пару месяцев назад. Между Sunfolk и Orion в последнее время произошло много смертей генеральных директоров банков, но ни одна из новостей не была достаточно интересной, чтобы привлечь мое внимание или отвлечь меня от женщины по соседству, пока я не заметил имя, которое поразило меня, как удар под дых.

Регенты университета Тайера одобрили присвоение названия крылу Картер-холла в честь бывшего профессора Дэвида Эрлиха, который умер в 2017 году. В крыле Дэвида Эрлиха находится экономический факультет Тайера, который более двадцати лет служил учебным заведением Эрлиха.

Я перечитал этот абзац дважды, отчасти для того, чтобы убедиться, что я правильно его понял, а отчасти потому, что не мог поверить, что имя Эрлиха снова всплыло на поверхность спустя столько времени.

Это было чертовски вовремя. Он был одним из лучших профессоров в Тайере и единственным преподавателем, который относился ко мне как к обычному студенту, а не как к назойливому студенту, которого (с трудом) терпели. Мы поддерживали связь после окончания учебы, и его смерть опустошила меня.

— Тебе надо поесть, — Алессандра подошла ко мне сзади, ее голос был нежным. — Ты не можешь существовать только за счет алкоголя.

— Я не голоден, — я смотрел в окно, где дождь лил с неба беспощадной рекой горя. Был поздний вечер. С утра шел непрерывный дождь, и казалось уместным, что похороны Эрлиха состоялись в самый несчастный день в году.

Процессия, гроб, надгробная речь. Они были как в тумане. Все, что я помнил, это непрерывный, жалящий холод в моих костях.

— Два кусочка, — Алессандра протянула мне сэндвич. — Вот и все. Ты почти не ел с тех пор...

С тех пор как я узнал, что Эрлих умер от инсульта две недели назад. Если бы не она, я бы уже утонул на дне бутылки.

Некоторые люди, возможно, задавались вопросом, почему я так расстроен смертью бывшего профессора, но я мог бы пересчитать по пальцам одной руки количество людей, которые были мне небезразличны и которые также заботились обо мне.

Если бы Эрлих не подтолкнул меня к репетиторству, я бы никогда не встретил Алессандру, и если бы он не использовал свои связи, чтобы помочь мне в последние несколько лет, я бы не открыл свою собственную компанию в следующем месяце.

Он был другом, наставником и самым близким мне человеком, который был у меня в качестве отца. Он так усердно работал со мной над Davenport Capital, и никогда не увидит, как это осуществится.

Такое ощущение, что камень лег мне на грудь и перекрыл поступление кислорода в легкие.

— Один кусочек, — Алессандра провела пальцами по моим волосам. — Последнее предложение.

У меня не было аппетита, но я откусил ради нее. Последние две недели я был настолько угрюмым и раздражительным, что удивился, что Алессандра не ушла, но она оставалась рядом со мной, несмотря на перепады настроения, поздние ночи и беспокойное утро.

Я не знал, что сделал такого в прошлой жизни, дабы заслужить ее. Хотел бы я повторить это снова и снова и убедиться, что мы найдем свой путь друг к другу в каждой

жизни.

— Видишь? Это было не так уж и плохо, — поддразнила она, забирая у меня из рук пустую обертку и бросая ее в мусорное ведро.

Я взглянул вниз и удивился, увидев, что съел весь сэндвич.

— Ты обманула меня.

— Не вини меня. Я сказала один укус. Ты тот, кто продолжал есть. — Алессандра рассмеялась. Выражение ее лица смягчилось, когда она скользнула ко мне на колени и обвила руки вокруг моей шеи. Моя рука легла на ее бедро, наслаждаясь теплом.

— Мы справимся с этим, — сказала она. — Я обещаю.

— Знаю, — горе то отступало, то приливало. Я не буду тонуть вечно, но смерть Эрлиха всегда будет отзываться эхом.

— Вообще-то у меня есть кое-что для тебя, — она полезла в карман и достала небольшой серебряный предмет. Она вложила его в мою свободную руку, ее глаза были такими нежными, что у меня сжалось сердце. — Напоминание. Неважно, насколько там темно, ты всегда найдешь свет.

Солнце село, окутав город тенью. В доме Алессандры и Марсело было темно и тихо; в конце концов они пошли ужинать.

Щелчок зажигалки был единственным звуком, нарушавшим тишину. Я смотрел на пламя, танцующее в ночи и освещающее слова.

Дому

Всегда с любовью, А́ле.

ГЛАВА 21

Алессандра

Независимо от того, насколько тверд камень, волны в конечном итоге разрушили ее благодаря своей настойчивости. Это был закон природы, неудержимый и неизбежный.

Я боялась, что то же самое происходит со мной и Домиником.

Каждая встреча разрушала мою защиту; каждый разговор, каким бы коротким он ни был, подрывает мою силу воли.

Я была далека от того, чтобы простить его, но и не бежала в противоположном направлении, когда увидела его. Я не могла решить, означает ли это, что я смирилась с нашим разводом, или мне грозит опасность снова соскользнуть на его орбиту.

В любом случае, мне нужно было собраться с мыслями и придумать, как справиться с его продолжающимся присутствием. Даже если бы я покинула Бузиос, он бы остался в Нью-Йорке. У нас были общие друзья, и шансы столкнуться друг с другом были высоки. Я не могла отмахиваться от него вечно. Это было слишком напряженно.

— Напиток за твои мысли, — пошутил Марсело, протягивая мне маленькую кокосовую скорлупу.

— Это опасно. Я уже три выпила, — тем не менее я приняла его предложение. Batidas de coso, приготовленный из кокосового молока, сгущенного молока с сахаром, кокосовой воды и кашасы, был слишком хорош, чтобы устоять.

К тому же, это был последний день Марсело на острове перед тем, как он должен был вернуться на работу, так что мы решили напоследок повеселиться в нашем любимом баре на пляже. Мне было грустно, что он так скоро уезжает, но я не могла рассчитывать на то, что мой брат навсегда останется рядом со мной. Одной из причин, по которой я оставила Доминика и город, было желание снова обрести самостоятельность, а это означало независимость от всех, не только от моего мужа.

Бывшего мужа, — поправил голос, подозрительно похожий на голос Слоан.

Я допила свой напиток.

— Ты уверена, что с тобой здесь все будет в порядке? — спросил Марсело. — Мамина квартира в Рио пуста, если хочешь вместо этого отправиться туда. Она в Тулуме. Или на Гавайях. Или в Лос-Анджелесе, — он покачал головой. — Честно говоря, я не знаю, где она, черт возьми.

— Эй, а кто здесь старшая сестра? — я толкнула его ногой в лодыжку. — Все будет хорошо. Я пока не готова отказаться от пляжной жизни, — если не считать неопределенности, вызванной прибытием Доминика, Бузиос был раем. Я была загорелой и подтянутой после нескольких часов серфинга, плавания и парусного спорта. Мои руки были увешаны браслетами из бисера, которые я создала в ювелирной мастерской, а мое физическое напряжение постепенно спало благодаря ежедневной пляжной йоге.

Последние две недели я провела, выбирая новые хобби, в которых не всегда была хороша, но которые мне нравились (привет, рисование), и вновь подтверждая то, что мне не нравилось, например, пытаться не отставать от двадцатилетних в баре.

Впервые я жила для себя, в своем собственном темпе, и мне это нравилось.

— Мм-хм. Похоже, кто-то еще не готов к тому, чтобы ты от него отказалась, — Марсело кивнул кому-то позади меня. — Идет.

Я повернулась, и мое сердце замерло, прежде чем я увидела каштановые волосы и профессионально отбеленные зубы.

— Привет. Алессандра, верно? — Игнасио, мой инструктор по дайвингу, подошел с широкой улыбкой. — Tudo bom (прим. Все хорошо)? Как дела?

— Хорошо. Как вы? — ответила я по-португальски. Я списала стеснение в груди на алкоголь, а не на разочарование.

— Не могу жаловаться, — он бросил любопытный взгляд на Марсело, который

протянул ему руку.

— Марсело. Я брат Алессандры.

Мы провели необходимую светскую беседу, прежде чем Марсело извинился и пошел в туалет. Проходя мимо, он проигнорировал мой свирепый взгляд.

— Он неплохо выглядит, — прошептал он. — Развлекайся.

Замечательно. Теперь мой родной брат пытался свести меня с полужнакомым человеком.

— Итак, как долго ты останешься в Бузиосе? — спросил Игнасио.

— Наверное, еще на неделю. Пока не решила, — я убрала прядь волос с глаз.

Он кивнул и бросил взгляд на мою левую руку. Я ожидала, что он отступит, когда увидит мое кольцо, пока не вспомнила, что у меня его больше нет.

Мою грудь снова сдавило.

— Если тебе нужен кто-то, кто покажет лучшие скрытые сокровища города, я к твоим услугам, — Игнасио наклонился ближе и понизил голос до заговорщического шепота. — Я прихожу сюда с детства. У меня все распланировано.

Я не упомянула, что с детства посещала Бузиос почти раз в два года.

— Да? Что за места? — поддразнила я.

Он был слишком молод для меня, но немного безобидного флирта еще никому не повредило. Кроме того, мне нужно было напоминание о том, что помимо Доминика существуют и другие мужчины. Конечно, он не был моим идеалом. Отнюдь.

Улыбка Игнасио стала шире.

— Ну, есть этот секретный пляж...

Некоторое время мы флиртовали, не упоминая о длительном отсутствии Марсело. Это было легко, без давления и именно тем, что мне было нужно. Мы не были заинтересованы в завязывании отношений или даже в переспать, хотя я сильно подозревала, что Игнасио не откажется от секса. Мы просто веселились.

Музыка сменилась с мягкой поп-музыки на жизнерадостную песню самбы. Остальные посетители бара разразились аплодисментами. Стулья и столы были отодвинуты в сторону, чтобы освободить место для танцпола, и послеобеденное ленивое веселье превратилось в шумный разврат.

Когда Игнасио протянул руку, я покачала головой.

— Я слишком пьяна, чтобы танцевать. Буду выглядеть глупо.

— Ну давай же! Пьяные танцы — самые лучшие, — он обвел рукой бар. — Посмотри на всех здесь. Думаешь, они тебя осудят?

Ох, какого черта. Если бы мне пришлось выставить себя посмешищем почему бы не сделать это в отпуске?

Я рассмеялась, когда Игнасио вытащил меня на танцпол и раскрутил до головокружения. Мы не совсем танцевали самбу, но меня это не волновало. Я получала огромное удовольствие.

— Уф! — я врезалась в него на последнем вращении.

— Осторожнее, — Игнасио поддержал меня, его смех сливался с музыкой. — Больше никаких напитков для тебя на сегодня.

— Я не... — мое предложение резко оборвалось, когда я увидела мелькнувшие на нем светлые волосы.

В тот момент, когда мое сердце останавливалось и снова запускалось, Доминик встал

между мной и Игнасио и пригвоздил другого мужчину таким холодным взглядом, что у меня по спине пробежала дрожь.

К его чести, Игнасио не отступил.

— Эй, чувак, в чем дело? — его тон был дружелюбным, но выражение лица было настороженным. — Мы танцевали.

— А теперь нет, — сказал Доминик убийственно спокойным тоном.

Глаза Игнасио сузились.

— У нас есть проблема?

— Нет, — я ответила за бывшего мужа. — Доминик как раз собирался уходить. Не так ли?

Он не сдвинулся с места.

Гнев смыл остатки моего кайфа.

— Если ты не оставишь нас в покое прямо сейчас, — тихо сказала я, — я никогда больше не буду с тобой разговаривать.

Это был первый ультиматум, который я когда-либо выдвигала, и я имела в виду каждое слово. Обычно я не была такой драматичной, но отказывалась позволять Доминику врываться, как ревнивый носорог, каждый раз, когда он видел меня с другим мужчиной. Он потерял право на любое мнение о моей личной жизни несколько недель назад.

Его глаза встретились с моими. Их пронзил шок, за которым последовала быстрая вспышка предательства, а затем боль.

Я бы солгала, если бы сказала, что его реакция не затронула ни одну струну сердца. Несмотря на все, что произошло между нами, я не хотела активно причинять ему боль, но и позволить наступать мне на пятки я тоже не могла.

Моя убежденность, должно быть, была написана у меня на лице, потому что, спустя, казалось, вечность, Доминик развернулся и ушел, не сказав ни слова.

Однако момент уже был испорчен. Как бы я ни старалась смеяться, танцевать и снова сосредоточиться на Игнасио, мои мысли были сосредоточены на человеке, который занимал больше моего внимания, чем следовало бы. Он ушел, но все еще был здесь, его взгляд теплой тяжестью касался моей кожи, его присутствие было черной дырой, которая притягивала к нему каждый дюйм моего сознания.

Так больше продолжаться не может. Я продержалась еще одну песню, прежде чем извиниться и сказать, что хочу еще выпить, и оставила Игнасио на танцполе.

Затем я ворвалась в бар, где Доминик сидел, как король, обзореая свою империю. Я остановилась в нескольких дюймах от него и ткнула пальцем ему в грудь.

— Достаточно.

Его брови поднялись.

— Я ничего не делал.

— Ты здесь.

— Это общественное место, *amor*. Я имею такое же право быть здесь, как и ты.

— Ты знаешь, что я имею в виду. И перестань называть меня *amor*, — мое сердце грозило выпрыгнуть из груди. — Это не... я не...

— Ты не что? — голос Доминика понизился на децибел.

— Я больше не твоя жена, — мне не следовало так много пить.

Голова кружилась, ладони были липкими от пота.

— Нет, — он не сводил с меня глаз, — но ты все еще моя любовь. Это не изменилось.

Будь он проклят. Пусть катится к черту.

Доминик говорил правильные слова каждый раз... когда ему было достаточно важно это сказать. Его признание после ужина в понедельник постоянно крутилось в моей голове всю последнюю неделю.

Это все, что я прошу. Это шанс для нас поговорить и узнать друг друга такими, какие мы есть.

Я знала, что лучше не поддаваться на это, но иногда сопротивление ему было похоже на попытку падающего камня противостоять силе гравитации.

Телефон завибрировал у моего бедра. Я отвела от него взгляд, стремясь отвлечься, в то время как мой пульс забился с тройной скоростью. Когда я увидела, кто звонит, оно усилилось еще больше, но я все равно нажала «Принять». Всё было лучше, чем оставаться наедине с Домиником. Возможно, нас окружали люди, но когда он был там, никого больше не существовало.

Я отвернулась от него и крепко прижала телефон к уху.

— Мама? Все в порядке?

В последний раз, когда моя мать так неожиданно позвонила мне, она потеряла паспорт и опоздала на рейс в Нью-Йорк после слишком бурной вечеринки в замке какого-то миллиардера в Европе. На следующий день она была почетным гостем на главном модном мероприятии в городе, и я приложила все усилия, чтобы достать ей временный паспорт и билет на новый рейс, чтобы она могла присутствовать на мероприятии. Если бы не фамилия Дэвенпорт, я бы, возможно, не добилась успеха.

— Все чудесно, — пропела она. — На самом деле, у меня потрясающие новости, дорогая. Ты готова?

Неверие охватило меня, когда она произнесла свою бомбу. Я не должна была удивляться, но время было выбрано абсурдно, даже для нее.

— В этот вторник? Ты шутишь?

— Зачем мне шутить по поводу чего-то подобного? Это очень важно! Конечно, вы с Марсело *должны* быть там. Вы — семья, а семья не обсуждается.

— Да, но...

— Ой, мне нужно идти. Бернارد ждет меня в гидромассажной ванне, — она хихикнула, и это был крайне сбивающий с толку звук, исходящий от пятидесятилетней матери — До скорой встречи! Не забывай увлажнять кожу. Ты должна хорошо выглядеть в этот важный день.

— Мам, ты не можешь...

Мертвая тишина прервала мой протест. Она повесила трубку.

— Что такое? — спросил Доминик, когда я снова столкнулась с ним. Он нахмурился; моего окончания разговора было достаточно, чтобы понять: что-то не так.

Я была слишком ошеломлена, чтобы сдержать свой прежний гнев или сделать что-нибудь, кроме как сказать правду.

— Моя мама снова выходит замуж, — я подняла голову и увидела в его глазах отражение своего оцепенения. — Свадьба через три дня.

Алессандра

В период своего расцвета Фабиана Феррейра была известна своими формами, пляжными волнами и маленькой очаровательной родинкой над верхней губой. В день она зарабатывала почти столько же денег, сколько Наоми Кэмпбелл, Линда Евангелиста и Кристи Терлингтон, так называемая Святая троица супермоделей девяностых, и украшала обложки всех крупных изданий от *Vogue* до *Mode de Vie* в Космополитен.

Однако, помимо своих модельных достижений, она была еще *более* известна своей чередой неудачных отношений, включая три брака (и развода) к тому времени, когда ей исполнилось сорок.

Сейчас ей было почти шестьдесят, но она могла сойти за кого-то на двадцать лет моложе, когда визажист наносил ей последние штрихи на лицо. Прошло семьдесят два часа с момента ее звонка, и вот я помогаю ей подготовиться к ее четвертой свадьбе в Рио.

— Спасибо, дорогая, — сказала мама, когда я вручила ей бутылку кокосовой воды. — Я так рада, что платье тебе подходит. Лорена — гений, — Лорена была ее давним стилистом и лучшей подругой.

— Я тоже, — сухо сказала я. Учитывая сжатые сроки, мне пришлось бы довольствоваться, даже если бы платье не подошло.

После звонка моей матери мы с Марсело бросились собирать вещи и готовиться к свадьбе. Я была так измотана, что забыла о билетах на самолет, пока не вмешался Доминик и не предложил нанять нам частный рейс. Его самолет стоял в Рио, и добраться из Бузиоса в город по дороге было легче, чем по воздуху. При любых других обстоятельствах я бы сказала «нет», но у меня и так было достаточно забот, чтобы переживать из-за билетов и возможных задержек. Я согласилась, а это означало, что он сегодня присутствовал, поскольку было бы грубо *не* пригласить его после того, как он оказал нам услугу, но я разберусь с этим позже.

В данный момент меня больше беспокоило предстоящее замужество моей матери с человеком, которого я не знала и о котором не слышала еще три дня назад.

— Как вы с Бернардом познакомились? — между примерками, фотосессиями и дегустациями тортов в последнюю минуту у нас до сих пор не было возможности обсудить

ее отношения.

Судя по всему, Бернард был важной фигурой в сфере телекоммуникаций, что объясняло, почему у него были деньги и ресурсы, чтобы организовать роскошную свадьбу менее чем за неделю. По словам мамы, он сделал предложение за день до ее звонка.

— В бутике на Монтень авеню. Разве это не идеально? — моя мама вздохнула. — Я покупала новую пару обуви, а он покупал украшения на день рождения своей матери. Это была любовь с первого взгляда. В тот вечер он пригласил меня на ужин — мы пошли в ресторан с *потрясающей* фуа-гра — а остальное, как говорится, уже история.

Покупал украшения для своей матери? Вероятная история. Могу поспорить, что в то время украшения предназначались его девушке, но я промолчала. Я давно усвоила, что бесполезно спорить с матерью, когда дело касается ее личной жизни.

— И когда произошла эта идеальная милая встреча? — спросила я.

— Во время Недели моды в Париже, — моя мать критически рассмотрела свое отражение. — Мне нужно больше пудры здесь, здесь и здесь, — она указала на несколько безупречных пятен на своем лице. — Не хочу выглядеть на фотографиях как тающий рожок мороженого.

Визажист подчинился, хотя основа и так была идеальной.

Я зависла на *Неделе моды в Париже*.

— Той, что была в сентябре? — я уставилась на нее. — Ты не думаешь, что это... — *Глупо. Идиотси. Безумие.* — ...неблагоразумно выходить замуж за человека, которого встретила два месяца назад?

— Просто ты поймешь, когда почувствуешь. Любовь не может быть ограничена сроками, — она распустила волосы. — Посмотри на себя и Доминика. Вы поженились через год после знакомства.

Моя грудь сжалась от этого напоминания.

— Есть разница между двумя месяцами и годом. Кроме того, мы больше не женаты.

У большинства людей хватило бы такта не заговаривать о чьем-то браке так скоро после развода, но моя мать и такт были в лучшем случае случайными знакомыми. Она не была злонамеренной, просто не обращала на это внимания, что было даже хуже.

— Думаю, нет. Какой позор. Не так уж много мужчин так богаты и красивы, как он. — Моя мать поджала губы. Она скептически относилась к Доминику, пока он не заработал свой первый миллион. Потом она смягчилась после его первых ста миллионов и была полностью согласна с ним, когда он заработал свой первый миллиард в двадцать шесть лет. — Разве он не твой сегодняшний кавалер? Все может быть не так уж плохо, если ты привезла его с собой.

— Мама, мы развелись. Хуже этого быть не может.

— Тогда почему он здесь?

— Потому что он привез меня и Марсело сюда в *последнюю минуту*, — я пристально посмотрела на нее.

Она проигнорировала это и бросила в мою сторону нехарактерно понимающий взгляд.

— Алессандра, дорогая, от Бузиоса до Рио всего три часа полета. Хороший подарок был бы вполне приемлемой благодарностью. Тебе не нужно было приглашать его на свадьбу.

Я уставилась на множество кремов и помад на столе.

На этот раз она была права. Пригласить Доминика на интимное семейное мероприятие было одной из худших идей в истории, но мне была невыносима мысль о том, чтобы

присутствовать на свадьбе в одиночку. У меня был Марсело, но он был занят ролью шафера и поисками помощи нашему будущему отчиму.

Он не смирился с ужасным выбором нашей матери в отношении мужчин так, как я.

Перспектива пережить еще одну свадьбу Фабианы Феррейры в одиночестве погасила мое раздражение по поводу ревности и упрямой настойчивости Доминика. Он был одним из немногих, кто понимал мои сложные отношения с матерью, и, несмотря на то, что произошло между нами, моим первым инстинктом было обратиться к нему за утешением.

Церемония началась через час. Спорить с моей матерью было все равно, что спорить с малышом: мне пришлось конфисковать ее спрятанную флягу с алкоголем, успокоить ее истерику, когда бедная визажистка наконец твердо решила изменить ее контур, и осыпать комплиментами и заверениями, пока я оттаскивала ее от ее отражения, но в конце концов я доставила ее к алтарю целой и невредимой.

К счастью, в отличие от ее первых двух роскошных свадеб (третья была пьяной в часовне Элвиса в Вегасе), эта была относительно короткой и сдержанной. На мероприятии присутствовало около двух дюжин гостей, что было прилично, учитывая уведомление, сделанное в последнюю минуту. Помимо Лорены, я узнала Аяну, протеже моей матери-супермодели, Лайлу Амири, известного модельера, и нескольких редакторов журналов.

Доминик сидел со стороны невесты в изысканном черном костюме и с торжественным выражением лица. Жар его взгляда согрел мою кожу, когда я проходила мимо него с букетом лилий.

На этот раз я была единственной подружкой невесты у моей матери, но прогулка, цветы и музыка процессии вызвали воспоминания о другой свадьбе, состоявшейся давным-давно.

Двери часовни открылись. «Свадебный хор» Вагнера взлетел вверх, и бабочки зацепились за истертые нервы в моем животе.

Сегодня я выходила замуж.

Я, Алессандра Феррейра. Выхожу замуж.

Я никак не могла уложить в голове эту концепцию. В детстве я фантазировала о своем Прекрасном Принце здесь и там, и задерживалась на фотографиях красивых свадебных платьев на Pinterest, когда натыкалась на них, когда стала старше, но я никогда не думала, что выйду замуж в таком молодом возрасте. Мне было всего двадцать три, я только что закончила колледж и пыталась ориентироваться в мире. Что я знала о браке?

Юбка моего белого атласного платья шуршала при каждом шаге. Это была простая церемония, на которой присутствовало не более пятидесяти гостей, к большому огорчению моей матери, но ни Доминик, ни я не хотели никаких излишних них фанфар.

Доминик. Он стоял у алтаря, сложив руки перед собой и выпрямив спину, как шомпол.

Белый пиджак. Черные брюки. Бутоньерка в виде розы была прикреплена к лацкану.

Разрушительный.

И когда его взгляд поймал мой, удерживая его в плену, мои нервы развеялись, как осенние листья на ветру. Его мышцы были заметно напряжены, но лицо излучало столько любви, что я чувствовала, как теплые щупальца обвивают меня с другого конца комнаты.

Люди смотрели на него и видели только резкие края и холодную внешность.

Они размышляли о том, почему дочь известной супермодели встречается с «ником» и шептались о том, что мы поженились слишком молодыми, слишком рано и слишком быстро.

Мне было все равно. Они могли сплетничать все, что хотели; Мне не нужно было их

одобрение или дополнительное время, чтобы понять, что он тот самый.

— Прекрасна, — прошептал Доминик, когда я подошла к алтарю.

Я застенчиво улыбнулась ему, моя грудь была полна до предела. В жизни было мало определенности, но в тот момент я была уверена, что я самая счастливая девушка на свете.

Остановившись у нынешнего алтаря, я не могла дышать из-за слез, застрявших у меня в горле, и потребовалась вся сила воли, чтобы загнать мои воспоминания обратно в коробку с висячим замком, где им самое место.

Не смотри на него.

Если бы я посмотрела на Доминика, я бы сломалась, и последнее, что мне нужно было, это опозориться на маминой свадьбе.

Я была настолько сосредоточена на том, чтобы не плакать, что уделила церемонии лишь половину внимания. Боже, это была плохая идея. Что заставило меня подумать, что я смогу сделать это так скоро после развода?

Не смотри на него. Не смотри на него. Не. Смотри. На него.

Я была бы ужасной дочерью, если бы вообще пропустила это мероприятие, но мне следовало настоять на том, чтобы присутствовать на свадьбе в качестве простого гостя. До этого я уже достаточно раз играла роль подружки невесты, и свадьба была настолько скромной, что моей матери не нужен был кто-то, кто стоял бы там с букетом лилий, пока она произносила свои клятвы на английском и португальском языках.

Знакомая интонация слов сломала замок. Воспоминания снова вырвались на поверхность, наполняя мой мозг отголосками собственных клятв, данных Доминику.

— *Я обещаю поддерживать тебя, вдохновлять и, прежде всего, всегда любить — в горе или в радости, в болезни или здравии, в богатстве или бедности. Ты мой единственный, сегодня, завтра и навсегда.*

Я никогда не нарушала свою последнюю клятву. Ни когда я съехала, ни когда вручила документы о разводе, ни тогда, когда я его оттолкнула. Я обещала всегда любить Доминика и любила, даже когда не должна была.

По моей щеке скатилась слеза. Я вытерла ее, но в спешке совершила самую большую ошибку за день.

Посмотрела на него.

И как только я это сделала, я не могла отвести взгляд.

ГЛАВА 23

Доминик

Я был в Бразилии в окружении действующих и бывших моделей, но лишь от одной я не мог оторвать глаз.

Алессандра стояла у алтаря, великолепная в бледно-оранжевом платье, которое заставляло ее сиять, несмотря на пасмурное небо. Пряди волос обрамляли ее лицо, а вокруг шеи сиял нежный блеск золота.

На месте невесты, я бы никогда не пустил ее на свою свадьбу, потому что она затмевала всех вокруг. Каждый миг, в миллион раз больше.

Оранжевый вместо белого. Рио вместо Вашингтона. Подружка невесты вместо невесты.

Это была не наша свадьба, но видеть ее там, такой чертовски красивой, что я не мог поверить, что она настоящая... это было мучительным напоминанием о том, что у меня было.

И что я потерял.

— *Я обещаю быть твоим лучшим другом, твоим доверенным лицом и твоим партнером во всех больших и малых делах. Ты никогда не встретишься с миром в одиночестве, потому что я буду рядом с тобой, всегда и навеки.*

Я действительно имел это в виду, когда произносил клятву. И до сих пор так и есть. Но намерения не могли заменить действия, и где-то по пути я принял первое за второе.

Любить кого-то было недостаточно, если я этого не показывал. Ценить кого-то недостаточно, если бы я этого не показывал.

Я настолько привык к беспрекословной поддержке Алессандры, что даже не осознавал, какую цену пришлось ей заплатить, будучи эмоциональным якорем наших отношений. Она была сильной, но даже самым сильным нужен был кто-то, на кого можно было бы опереться. Я обещал, что этим кем-то буду я, и нарушал это обещание больше раз, чем мог сосчитать.

Давление превратило мое сердце в кашу.

Алессандра смотрела прямо перед собой, пока ее мать шла по проходу, и началась настоящая церемония. По напряженному выражению ее лица и мертвой хватке на цветах я мог сказать, что она сдерживает слезы.

Сейчас я не знал каждую ее частичку, но те части, которые были известны мне, я знал

досконально. Ее слезы были не из-за матери; они были из-за нас.

Давление стало сильнее. Даже если бы она возненавидела меня пламенем тысячи солнц, это не сравнилось бы с тем, как сильно я ненавидел себя в тот момент.

Хрустальная капля скатилась по ее щеке. Она быстро вытерла ее, но наши взгляды встретились, когда Алессандра снова подняла глаза. Ее глаза светились болью, и если бы я не сидел, удар сбил бы меня с ног на задницу.

Я всю жизнь строил империю, но в тот момент я бы с радостью разобрал всю эту чертову штуку, если бы это означало заставить ее улыбнуться, а не плакать.

Прошное и настоящее слились воедино, когда мы смотрели друг на друга, пойманные в паутину тысяч воспоминаний и сожалений. Шум вернулся в мои уши, заглушив остальную часть церемонии. Только когда другие гости встали и прошли в зал для торжества, я понял, что настоящая свадьба окончена.

Глаза Алессандры задержались на мне на мгновение, прежде чем она отвела взгляд. Это было небольшое движение, но мне казалось, что я теряю ее снова.

Я сглотнул застрявшие в горле зазубренные осколки.

К счастью, свадьба была небольшой, поэтому ее было легко найти в толпе после того, как она выполнила свои обязанности подружки невесты. Я уже был на полпути к ней, прежде чем Марсело остановил меня.

— Привет. Мы можем поговорить?

Настороженность пронзила мою грудь. В Бузиосе он был достаточно дружелюбен, несмотря на развод, но казался необычно осторожным, когда вел меня в самый тихий угол комнаты.

— Что бы ты ни думал сделать, не делай этого, — Марсело сразу перешел к делу. — Не сегодня.

Мои брови взлетели вверх.

— Что именно, по-твоему, я планирую сделать?

— Понятия не имею, но знаю, что это связано с Алессандрой, — он кивнул своей сестре, которая разговаривала с моделью, которую я смутно узнал по рекламным щитам на Таймс-сквер. — Сейчас не время, Дом. Ты знаешь, как сильно ее напрягает наша мать. Ей не нужно, чтобы и ты к этому добавился.

— Я просто хочу поговорить с ней. Я не собираюсь причинять ей вреда.

— Ты имеешь в виду больше, чем уже сделал?

Я вздрогнул. Это не должно было так ранить, учитывая, что это была правда, но именно поэтому его слова ранили. У меня не было никакой защиты.

Марсело вздохнул и провел рукой по лицу.

— Послушай, ты мне нравишься. Ты был хорошим зятем и много сделал для меня за эти годы. Но Але — моя сестра. И я всегда буду выбирать ее среди всех остальных.

Я подавил еще одну дрожь при слове «был», я никогда не думал, что наступит день, когда простое прошедшее время будет жалить, но последние два месяца открыли мне глаза во многих отношениях.

— Мне следовало держать дистанцию в Бузиосе. Я тоже... — Марсело покачал головой. — Блядь, я не знаю. Мы были братьями десять лет, и трудно забыть об этом. Я хочу, чтобы вы оба были счастливы, и думаю, что если вы решите свои проблемы, все выиграют.

— Это все еще возможно, — моя рука согнулась, вместо того чтобы потянуться за зажигалкой. Это была единственная вещь, оставшаяся от Алессандры, которую я мог

удержать, и желание каждую минуту проверять, находится ли она у меня в кармане, становилось невыносимым.

— Нет, — тихо сказал Марсело. — Я видел ее лицо во время церемонии, когда она посмотрела на тебя. Ты разбил ей сердце, Доминик. Чтобы исправить это, потребуется гораздо больше, чем просто поездка в Бразилию.

Слова Марсело эхом звучали в моей голове на протяжении всего приема.

Он был прав. Взять отпуск на работе и приехать в Бразилию было каплей в море того, что мне было нужно, чтобы наладить отношения с Алессандрой, но было трудно добиться прогресса, когда она продолжала убегать.

После того, как Марсело ушел, чтобы позаботиться о чем-то с поставщиками провизии, я нашел Алессандру возле бара, где она наблюдала, как ее мать и новый отчим танцуют с равным изнеможением и весельем.

— Четвертый раз — это прелесть, да? — я подошел к ней, и мои чувства оживились от запаха лилий и дождя.

— Боже, я надеюсь на это. Не думаю, что смогу пережить еще одну свадьбу моей матери, чтобы меня не трясло, — Алессандра уставилась на кремовую поверхность своего соуса из маракуйи. — У меня не было возможности сказать это раньше. Еще раз спасибо, что привез нас сюда. Я ценю это.

— В любой момент.

Мы погрузились в молчание. Обычно я избегал вечеринок, если они не были полезны для налаживания связей. Слишком много людей, слишком много шума, слишком мало запретов. Это был ад перевозбуждения, но всегда были более терпимыми, когда Алессандра была рядом со мной. Она была единственной причиной, по которой я прошел через столько светских мероприятий, сколько у меня было за эти годы.

— Я должна...

— Ты хочешь, чтобы...

Мы снова говорили одновременно. Я жестом предложил ей начать первой.

— Мне нужно проверить еду, — сказала Алессандра. — Торт, хм, хрупкий.

— Твой брат сейчас этим занимается.

— Тогда мне следует уточнить у диджея сет-лист. Трудно сбалансировать смесь бразильской и американской музыки. Я не хочу, чтобы кто-нибудь чувствовал...

— Але, — сказал я тихим голосом. — Если ты хочешь, чтобы я ушел, я это сделаю. Тебе не нужно придумывать оправдания, чтобы избегать меня.

Ей всегда было нелегко с матерью, которая уделяла больше внимания своим бойфрендам и мужьям, чем детям. Фабиана должна была заботиться об Алессандре, но всякий раз, когда они были вместе, Алессандра снова возвращалась к своей роли опекуна. Даже сейчас я видел, как она мысленно подсчитывает, сколько времени пройдет, прежде чем ей придется отрезать Фабиану от алкоголя, чтобы она не опозорилась на собственной свадьбе.

У нее было достаточно поводов для беспокойства и без меня.

Алессандра возилась со своим бокалом, не глядя на меня.

Я остановился, крошечное зернышко надежды зажглось у меня в животе.

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

Прошла вечность, прежде чем она слегка покачала головой.

Я не был настолько наивен, чтобы думать, что она хотела, чтобы я был здесь, потому что она была готова к примирению. Помимо Марсело, я был единственным присутствующим человеком, который понимал ее настороженность, когда дело касалось ее матери, и который был здесь ради нее, а не Фабианы.

Это не имело значения. Алессандра могла бы попросить меня остаться и вымыть чертов пол, и я бы это сделал.

— Давай, — я протянул руку. — Прием скоро закончится. Ты не можешь уйти, не станцевав хотя бы один танец.

К моему удивлению, Алессандра не стала спорить. Она поставила свой бокал на стойку и вложила свою ладонь в мою.

Я повел ее на танцпол, где положил свободную руку ей на талию, пока мы покачивались в такт музыке. Мой пульс нервно колотился.

Не облажайся.

— Ты помнишь, что произошло во время нашего приема? — пробормотал я. — Кто-то взломал будку диджея...

— И начала играть рэп девяностых во время нашего первого танца, — закончила Алессандра. Она издала небольшой смешок. — Я никогда не видела, чтобы ты выглядел таким испуганным.

— Я талантлив во многих вещах, но, боюсь, фристайл не входит в их число.

Наш диджей довольно быстро вернул себе контроль, и мы так и не выяснили, кто несет ответственность за неожиданную музыкальную диверсию. Тем не менее, из этого получилась хорошая история, и я никогда не забуду, с каким желанием Алессандра ее приняла. Если бы я уже не любил ее больше, чем мог себе представить, я бы влюбился по уши прямо тогда и на том месте.

— Если бы я мог перемотать время и вернуться на десять лет назад, я бы многое сделал по-другому, — сказал я. — Включая усиление безопасности диджея. — *И любить тебя так, как ты заслуживаешь.*

Заявление диджея было шуткой, но все остальное — нет. Несмотря на миллиарды на моих банковских счетах, я не мог купить единственное, что хотел.

Второй шанс с ней.

— Если только, — Алессандра грустно улыбнулась мне. — Но нет смысла жить прошлым.

— Нет. Это не так, — от этих слов мое горло сжалось. Барабан моего сердцебиения усилился за грудной клеткой. — Сходи со мной на свидание.

Она вздохнула.

— Дом...

— У нас никогда не было настоящего свидания в Бразилии. Каждый раз, когда мы приезжали, мы проводили его с твоей семьей

— Это недостаточно веская причина.

— Мне не нужен повод, чтобы быть с тобой, *amor*. Но я дам тебе десять тысяч таких причин, если это означает, что ты скажешь «да».

Она заметно сглотнула.

— Ты всегда знаешь, что сказать.

— Не всегда, — хотел бы я знать. Мне бы хотелось сказать тысячу вещей и задать тысячу вопросов, а не замалчивать их. — Я не жду, что ты снова начнешь со мной отношения или даже пойдешь на второе свидание, — сказал я, — Просто хочу провести с тобой время столько, сколько ты мне позволишь.

Алессандра молчала.

— Это не компенсирует потерянные ночи или свидания, которые я пропустил, но я... — смесь разочарования и страдания испортила мои слова. — Мне чертовски жаль. За все.

Красноречие покинуло меня, но если отбросить все лишнее, то это будут единственные слова, которые останутся. Каждая унция сожаления, стыда и вины вылилась в два слова.

Мне жаль.

Песня закончилась. Мы давно перестали танцевать, но оставались как вкопанные, а мое сердце болезненно колотилось.

— Одно свидание, — наконец сказала Алессандра. Мой шок от облегчения прервался через секунду, когда она добавила: — Но это все. Это не значит, что мы встречаемся, и я могу свободно встречаться с другими людьми. Если я это сделаю, ты не сможешь следовать за мной, угрожать мужчинам или делать что-нибудь еще, что испортит свидания.

Каждый мускул напрягся при мысли о том, что она встречается с кем-то другим, но я подавил свою инстинктивную реакцию. Я был достаточно умен, чтобы распознать испытание и наказание, когда видел их, и был достаточно отчаянным, чтобы принять их такими, какими они были даны.

Я опустил голову в знак согласия, прежде чем она смогла отказаться от своей уступки. *Одно свидание.* Я мог бы с этим работать.

— Договорились.

ГЛАВА 24

Алессандра

— Ты *что*? — лицо Слоан наполнило мой экран неодобрением. — Почему ты согласилась пойти на свидание со своим бывшим мужем? Ты под кайфом? Нужно ли мне лететь для вмешательства?

— Все не так плохо, как кажется. Я сказала ему об *одном* свидании, и это не значит, что мы встречаемся, а значит, что мы можем видеться с другими людьми.

— Ты действительно встречаешься с другими людьми?

— Пока нет, — призналась я. — Но сделаю это, когда вернусь в Нью-Йорк.

Прошло два дня со свадьбы моей матери, и я рассказывала друзьям обо всем, что произошло за последнюю неделю. Моя мать вчера уехала в медовый месяц, а Марсело вернулся в Сан-Паулу тем утром, потому что он не мог больше пропускать работу — ему предоставили только дополнительный выходной из-за свадьбы — а это означало, что я была одна в квартире моей семьи в Рио.

Я еще не решила, когда вернусь в город. Была уже середина декабря, так что я вполне могла остаться здесь до Нового года. По словам Изабеллы, с физическим магазином все шло гладко, а мой интернет-магазин все еще находился в перерыве. Мне *не нужно* было быть в Нью-Йорке.

— Ты встречаешься с человеком, с которым развелась два месяца назад, — мягко сказала Вивиан. — Мы просто беспокоимся, что ты...

— Уступишь, — подсказала Изабелла. — Богатый, горячий мужчина летит в Бразилию, чтобы вернуть тебя? Мы не виним тебя за то, что ты уступаешь, но это не решает твоих основных проблем. Верно?

— Нет, и я не сдаюсь, — мой ответ содержал в себе полуправду. — Я знаю Доминика. Он не сдастся, пока не получит то, что хочет. Таким образом, я смогу пойти с ним на свидание и поставить точку.

Я постаралась, чтобы это прозвучало намного проще, чем было на самом деле, но у Доминика было слишком много гордости, чтобы стоять в стороне и просить внимания, пока я встречалась с другими мужчинами. Я дала ему максимум месяц, прежде чем он бросит меня.

— Может быть, — Изабелла не выглядела убежденной. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, детка. Мы не хотим, чтобы ты снова пострадала.

— Я не буду. Обещаю.

Наш звонок прервал стук. В холодильнике не было продуктов, поэтому я заказала завтрак.

Я пообещала своим друзьям, что сообщу им о ситуации с Домиником, и повесила трубку. Я пересекла гостиную и открыла входную дверь, ожидая увидеть курьера с моей миской асаи.

Вместо этого дверной проем заполнили широкие плечи и крепкие мышцы. Мой взгляд скользнул по белому хлопку и загорелой шее, и встретился с парой темно-синих глаз.

— Ты уже поела? — спросил Доминик, прежде чем я успела спросить, какого черта он делал в квартире моей мамы в девять утра.

— Моя еда уже в пути.

— Позволь угадать. Асаи от Мими Сукос?

Я скрестила руки.

— Может быть, — я не была *такой* предсказуемой. Или была?

— Отмени заказ, — сказал он с такой самоуверенностью, что я чуть не запустила приложение доставки прямо тут же. — Мы едем в место получше.

— Куда? — у Мими Сукос были лучшие асаи в городе.

Намек на озорство пробежал по его щекам, и мое сердце затрепетало от неохотного ожидания.

— Увидишь.

Я ожидала, что Доминик отвезет меня в модное место для бранча или на красивый пляж для частного пикника... и он это сделал.

Во Флорианополисе.

Расположенная в полутора часах полета на самолете к югу от Рио, Флорипа (как ее называли местные жители) была Меккой скрытых бухт, потрясающих пляжей и пышных пешеходных троп. Половина его располагалась на материке, другая половина — на острове Санта-Катарина, и это было мое любимое место в Бразилии наряду с Баией.

Самолет Доминика приземлился во Флорипе через два часа после того, как он появился у моей двери. Частный автомобиль встретил нас на взлетной полосе и доставил на самый роскошный курорт города.

— Намного лучше, чем у Мими, не так ли? — сказал он, когда два официанта устроили на столе настоящий пир.

Мы сидели на балконе президентского номера с видом на пляж.

Загорающие усеивали белый песок, как муравьи, а ветер доносил до нас слабый шум волн и смех.

— Ты невероятен, — я покачала головой, хотя желудок заурчал от запаха свежей яичницы и только что приготовленной выпечки.

В самолете я перекусила, но ничто так не соблазнит девушку на переизбыток углеводов, как корзинка с маслянистым пао де кейхо.

— Это уже слишком. Простого бранча в Рио было бы достаточно.

— Не для нашего первого свидания, — легкий ветерок пронесся мимо, ероша волосы Доминика. Он загорел с тех пор, как приехал в Бразилию, и в белой футболке и шортах выглядел расслабленно и непринужденно. — Ты заслуживаешь лучшего, — просто сказал он.

Искушение боролось с самосохранением. Мне следует сохранять бдительность, но это было тяжело, когда меня окружали вещи, которые я любила.

Еда. Море. Солнце. *Доминик.*

— Это был либо Флорианополис, либо Баия, но с тех пор, как ты была во Флорипе, прошло уже много времени, — Доминик кивнул официантам в знак благодарности, которые отступили и с тихой осмотрительностью закрыли балконные двери. — Итак, мы здесь. Можно устроить из этого долгие выходные.

Я заглушила роящихся бабочек глотком апельсинового сока и сменила тему.

— Разве тебе не нужно вернуться в Нью-Йорк? Тебя долго не было.

За исключением встреч с клиентами, он мог выполнять свою работу удаленно, но Доминику нравилось точно знать, что происходит в его офисе. Davenport Capital был его

королевством, и он правил им железной рукой. Я ни на секунду не поверила, что он оставит это в чужих руках так надолго.

— Пока я здесь, я всегда в курсе событий, — сказал он, подтверждая мою веру.

— Верно.

Некоторое время мы ели молча. Это была неуверенная тишина, которая прорастала скорее из-за неуверенности, чем из-за дискомфорта. Как вы вели себя на первом свидании с человеком, с которым были женаты десять лет?

Разговоры о погоде были слишком обыденными; говорить о чем-либо еще было слишком опасно. Каждый раз, когда я открывала рот, чтобы завязать разговор, что-то в этой теме напоминало мне о нас.

Пешеходные тропы во Флорианополисе напомнили мне о том времени, когда мы путешествовали пешком по северной части штата Нью-Йорк.

Последний боевик напомнил мне наши марафоны «Форсажа» с попкорном в первые дни наших отношений.

Истории моей матери в Instagram о ее медовом месяце на Фиджи напомнили мне о нашем медовом месяце на Ямайке. Ничего особенного мы тогда себе позволить не могли, поэтому сняли уютный полуразрушенный коттедж на берегу океана и провели плавая, ужиная и занимаясь сексом. Это была одна из лучших недель в моей жизни.

Щемящая ностальгия пронзила мои сердечные струны. Я сказала Доминику, что бесполезно жить прошлым, но я бы все отдала, чтобы повернуть время вспять и наслаждаться каждой секундой наших счастливых дней.

В этом была ирония жизни. Люди всегда помнят прошлое, но никогда его не ценят, пока не потеряют.

— Недавно я встретил своего брата, — сказал Доминик тихим голосом. Моя голова дернулась от его резкого и неожиданного изменения тона.

У него было много приемных братьев и сестер, но только одного он называл своим братом.

— Романа?

Доминик редко говорил о своей семье. Я знала, что его отец умер, мать бросила его, когда он был ребенком, и он ненавидел каждый приемный дом, в который его помещали. Он упомянул, что они с Романом были близки до того, как последний попал в колонию для несовершеннолетних за поджог, но на этом все.

— Да. Я столкнулся с ним в баре после того, как ты вышла из ванной... — мои щеки вспыхнули при воспоминании о том, что мы делали в указанной ванной. — И он был на открытии Le Boudoir.

Мое сердце замерло от неожиданности. Я была знакома практически со всеми в Le Boudoir. Единственным человеком, которого я не узнала, был...

Перед моим мысленным взором всплыл образ холодных зеленых глаз и бледной кожи.

— Человек, который на меня наткнулся, — от осознания этого у меня по коже пробежал холодок. Я выбросила его из головы, но мало кто приводил меня в замешательство так быстро и основательно, как он. — Это был Роман?

Основываясь на предыдущих описаниях Доминика, я представляла себе долговязого мальчика с короткой стрижкой и угрюмым выражением лица, а не того, кто выглядел так, будто подрабатывал убийцей. Опять же, он не видел своего брата с тех пор, как они были подростками. Конечно, Роман теперь был другим.

Доминик коротко кивнул. Он вкратце рассказал мне об их взаимодействии с тех пор, как они столкнулись друг с другом, а это было не так уж много.

— Я не видел его и ничего о нем не слышал после ужина. У меня есть кое-кто, кто пытается его отследить, но пока безрезультатно.

— Может быть, он закончил работу в городе и уехал, — предположила я.

— Он не покинул город, — категорически сказал Доминик. — Если бы он это сделал, его не было бы так сложно выследить.

Действительно. Если кто-то с деньгами и ресурсами Доминика не сможет его найти... У меня в животе пробежало беспокойство.

— Хотя он бы не причинил тебе вреда, не так ли? Вы двое были близки.

— *Были* — ключевое слово. Не думаю, что он когда-либо простил меня за то, что я не предоставил алиби, когда его арестовали, — тень скользнула по лицу Доминика. — Я искал его несколько раз за эти годы, но он был призраком. Я думал, он умер.

В его голосе я услышала малейшее зерно вины.

У Доминика было не так уж много близких друзей, но он был верен тем, кто отвечал ему тем же. Как-то он упомянул, что Роман несколько раз отдувался за него, когда они были молоды. Однажды Доминик украл у своей приемной матери деньги на билет на автобус до ближайшей экскурсии в колледж. Роман его прикрыл и сказал, что взял деньги на свидание. В отместку приемная мама так сильно ударила его ремнем, что он несколько дней не мог спать на спине.

Доминик никогда этого не говорил, но я знала, что он сожалеет о том, как закончились отношения с Романом.

— Ты хочешь снова наладить с ним связь? — мягко спросила я. — Прошло много времени с тех пор, как вы были братьями. Вы уже не те люди.

— Я ему не доверяю, — он уклонился от прямого ответа. — Я хочу знать, какого черта он делает в Нью-Йорке и чем занимается с тех пор, как вышел из колонии. Вот и все.

У меня было чувство, что Доминик рассказывает мне не все. У него было много нерешенных проблем с братом, но даже если бы мы все еще были женаты, в мои обязанности не входило помогать ему исцелять эту часть его прошлого. Некоторые путешествия предназначались для совершения в одиночку.

Громкий взрыв смеха донесся с другого балкона и рассеял мрачные последствия заявления Доминика.

Он провел рукой по лицу с печальным смехом.

— Мне жаль. Это был не тот разговор, который я планировал на наше первое свидание, но ты спросила о Нью-Йорке и... — его кадык скользил вверх и вниз по его горлу. — Ты единственный человек, с которым я когда-либо мог говорить об этих вещах.

— Знаю, — сказала я тихо. — Тебе не обязательно извиняться.

Это был тот Доминик, по которому я скучала. Тот, кто открылся и заговорил со мной, вместо того, чтобы прятаться за масками и деньгами. Он боялся, что люди уйдут, если заглянут внутрь, но именно скрытые там части и сделали его человеком. Кому-то нужен был миф и легенда о Доминике, а мне нужен был этот мужчина.

Раньше хотел. Прошедшее время, — напомнил мне строгий голос. — Не забывай, что это не настоящее свидание.

Я не забыла. Но также не было совпадением, что в день, наполненный частными самолетами, роскошными обедами и люксовыми номерами, моей любимой частью был

простой разговор о семье Доминика.

Богатство не затронуло мою защиту, но уязвимость расколола мои стены, пока крошечная их часть не рухнула.

ГЛАВА 25

Ассандра

Мы с Домиником провели наш первый день во Флориде, бездельничая на курорте.

Он попросил кого-то принести мне чемодан, полный новой одежды и косметики, поскольку я не была готова к поездке с ночевкой, и он забронировал второй номер на случай, если я не захочу остаться в одном с ним, но я согласилась на отдельные спальни. Президентский люкс был таким большим, что я все равно не увижу его, если не захочу.

Я ожидала, что во время нашего пребывания будет полный маршрут мероприятий, но Доминик на удивление не вмешивался в то, что мы здесь делали. За исключением времени приема пищи, которое мы делили, он держал почтительную дистанцию — даже слишком. На следующее утро я чувствовала себя так, словно была не на свидании, а в рабочей поездке с коллегой.

— Разве это плохо? — спросила Изабелла. Я позвонила ей, чтобы узнать, как обстоят дела в магазине, поскольку во вчерашнем групповом чате мы не смогли это сделать. — Ты можешь нежиться у бассейна, идти домой и закончить на этом день. Ты же сама этого хотела.

— Может быть. На него не похоже быть таким пассивным, — зачем Доминику лететь в другой город только для того, чтобы оставить меня на произвол судьбы?

— Я не знаю. Люди меняются. В любом случае, наслаждайся жизнью и не думай слишком много о работе, ладно? — сказала Изабелла. — У Слоан все под контролем, а я наслаждаюсь шумом стройки, пока пишу.

Она была единственной из всех моих друзей, кто мог сказать что-то подобное и иметь это в виду. Изабелла процветала в хаосе.

— Я не хочу слышать от тебя ни звука в эти выходные. Если будет что-то срочное, я тебе позвоню.

Ее слова заставили меня рассмеяться.

— Звучит отлично. Еще раз спасибо, Иза.

Мне повезло, когда я встретила Вивиан, которая затем познакомила меня со Слоан и Изабеллой. Я потеряла связь со своими друзьями с колледжа много лет назад, и хотя у меня были случайные друзья в Нью-Йорке, я никогда не чувствовала себя частью группы, пока Вивиан не взяла меня под свое крыло.

Счастливые часы, походы по магазинам, девичники... наша дружба заставила меня осознать, как много я потеряла за время брака, не только в плане близких друзей, но и в мелочах, составляющих нормальную, здоровую жизнь.

Отказываться от своих целей в пользу чужих было вредно для здоровья.

Заменять мои хобби общественными обязанностями, потому что последние были лучше для бизнеса моего мужа, было вредно для меня. Брать на себя вспомогательную роль вместо главной в том, что должно было быть равноправным партнерством, было нездорово.

У Доминика были свои недостатки, но и я не была безупречна. Мне следовало отстоять себя и свои желания, гораздо раньше, чем я это сделала. В юности я думала, что любви достаточно, чтобы решить любую проблему, но взросление означало признание важности любить себя так же сильно, как и кого-то другого.

Повесив трубку, я переделалась в сарафан, и вышла в гостиную номера. Солнечный свет проникал сквозь стеклянную стену и заливал светлые дубовые полы золотистыми оттенками. В животе заурчало от голода, но я не могла решить, заказывать ли еду в номер или ждать Доминика.

Я повернула налево в сторону его комнаты и поднял руку, чтобы постучать, но его голос просочился сквозь дверь прежде, чем я успела дотронуться до нее.

— ...не смогу вернуться в Нью-Йорк на этих выходных, — его глубокий тембр вызвал у меня дрожь удовольствия. — Мне все равно. Скажите Гроссману, что ему придется подождать, — короткая пауза. Я не могла видеть его, но могу представить раздражение, отразившееся на его лице. — Это то, за что я вам плачу. Позаботься о проблеме, Кэролайн, потому что я не уеду из Бразилии, пока не уедет Алессандра.

Упоминание моего имени погрузило мой желудок в свободное падение. Я знала, что Доминик отказался от многих деловых возможностей, чтобы быть здесь, но была разница между пониманием чего-то в теории и слышать это на практике.

Я все еще пыталась удержать равновесие, когда дверь открылась, и Доминик чуть не влетел прямо в меня. Удивление стерло морщины раздражения с его бровей.

— Алессандра? Что случилось?

Неожиданный оттенок печали пронзил мое сердце, когда он предположил, что я ищу его только потому, что что-то не так.

— Ничего, — я поправила свои браслеты. — Ты планировал что-то для нас на сегодня, кроме еды?

— Я арендовал каноэ на сегодня, — осторожно сказал Доминик. — Почему?

— Значит, утром ничего? — я проигнорировала его вопрос и он покачал головой.

— Хорошо, — я тут же приняла решение. — Потому что мы идем на рынок.

Доминик

Центральный рынок Флорианополиса занимал старое колониальное здание прямо в его сердце. Пройдя по любому из его проходов, можно было увидеть десятки продавцов, торгующих одеждой, едой, керамикой и местными изделиями ручной работы. Воздух был полон звуков английского и португальского языков, гиды вели свои группы по лабиринту, а местные жители торговались на своих родных языках.

Мы с Алессандрой быстро позавтракали коксиньями (куриными крокетами) и ели их, разглядывая прилавки.

— Какой из них тебе больше нравится? — она держала в руках два шарфа. — Я не могу решить.

Я просто уставился на них. Они выглядели совершенно одинаково.

— Вон тот, — я указал на тот, что справа.

— Идеальный. Спасибо, — она купила тот, что слева. — Почему ты смеешься?

— Просто так, — я знал, что она выберет левый. Когда дело доходило до покупок, она всегда выбирала тот вариант, от которого я отказался. Я подозревал, что она не доверяет моему вкусу в женской моде, и я бы обиделся, если бы не согласился с ней.

Я украдкой взглянул на нее, пока мы шли к следующему прилавку. Во Флорианополисе я намеренно оставил наш график свободным. Мне не хотелось перегружать Алессандру или заставлять проводить со мной каждую минуту, пока мы были здесь. Мы провели здесь несколько дней; я решил, что мы не будем торопиться и посмотрим, чем она хочет заняться, поэтому я был приятно удивлен, когда она предложила посетить рынок.

Я предпочитал шеф-поваров, отмеченных звездами Мишлен, и рестораны высокой кухни, но Алессандра обожала уличную еду.

— Ты работал сегодня утром? — спросила она. — Я слышала... хм, мне показалось, что слышала, как ты разговаривал с Кэролайн.

— Это был короткий разговор, — Кэролайн была моими глазами и ушами, пока меня не было, и каждую неделю она предоставляла подробные отчеты по телефону. Один из моих клиентов был в Нью-Йорке на этих выходных, но я не собирался лететь, чтобы тешить его эго, мне больше нравится быть в Бразилии с Алессандрой.

— Кстати о работе, как дела с магазином? — спросил я. — Слышал, Изабелла будет

главной, пока ты здесь. — Кай был очень аккуратен в том, что говорил.

— Да, она и Монти, — Алессандра рассмеялась. — На днях ее змея чуть не довела одного из подрядчиков до сердечного приступа, но, судя по всему, она отличный руководитель.

Шаровидные питоны были одними из самых дружелюбных видов змей, но я предполагал, что обычный человек видит только *змеиную* часть.

— Я не очень разбираюсь в цветах, но если тебе понадобится помощь в бизнесе и финансах, дай мне знать.

Я должен был предложить помощь, когда она открыла свой интернет-магазин два года назад, но моя голова так застряла в песке, что я осознал, что она создала целый чертов бизнес, только через несколько недель после его запуска. Алессандра не сказала ни слова, возможно, потому, что думала, что я слишком занят, чтобы беспокоиться. Кай был единственным, кто упомянул об этом.

Алессандра опустила подбородок.

— Спасибо.

— Я должен был присутствовать на первом запуске, — стыд взял меня в заложники. — Создание бизнеса — это большое дело.

— Все нормально. В то время это был просто магазин на Etsy. Я не входила в список Fortune 500.

Мне не понравилась ее шутка. Это было не нормально, иначе наши отношения не были бы такими, какими они были сейчас.

— Я серьезно. Если тебе вообще что-нибудь понадобится, позвони мне. Если я буду на совещании, в офисе знают, что тебя нужно соединить со мной, — учитывая, насколько хорошо дела у Floria Designs, моя помощь ей не понадобилась, но жест был сделан.

В душе вспыхнул огонек гордости. Я ненавидел пропускать такой важный момент, как запуск ее первого бизнеса, но я чертовски гордился тем, что она создала.

— Почему именно цветы? — спросил я, отчаянно пытаюсь поддержать разговор. Если мы остановимся, она снова отстраниться, а мне хотелось продлить этот момент как можно дольше.

— Честно говоря, мне было скучно, и я нуждалась в хобби, — щеки Алесандры покраснели. — Я всегда любила цветы и наткнулась на учебник как можно прессовать цветы. Я попробовала, и это было весело, и, в общем... — Алессандру пожала плечами. — Остальное уже история.

— Почему ты решила превратить это хобби в бизнес?

— Я не знаю, — лицо ее приняло отстраненное выражение. — Думаю, мне хотелось чего-то, что я могла бы назвать своим. Все, что у нас было, принадлежало тебе. Наш дом, наши машины, наша одежда. Даже если я их купила, ты заплатил за все. Дошло до того, что я... — она сглотнула. — У меня появилось ощущение что я больше не принадлежу себе. Мне нужно было что-то, что напоминало бы мне, что я важна. Как личность, а не как жена, дочь или сестра.

Мы приостановились. Не знаю, когда мы остановились и как долго просто стояли там, но я не мог бы пошевелиться, даже если бы захотел.

Я знал, что Алессандра была недовольна нашим браком. В конце концов, мы развелись. Но я не осознавал, насколько глубоко было ее недовольство, не только нашими отношениями, но и собой.

Мне казалось, что покрытие всех наших расходов и обеспечение того, чтобы она никогда ни в чем не нуждалась, сделали бы нас счастливее. В первое время нам было чертовски трудно и я никогда не хотел, чтобы мы снова оказались в этой ситуации. Но я не учел, что нам нужны были не только материальные вещи.

Время. Внимание. Разговоры.

Их нельзя было купить, и, стремясь похоронить любую возможную проблему с деньгами, я совершенно упустил этот факт из виду.

— Ты имеешь значение, — сказал я. — Всегда.

Она была *единственным* человеком, который когда-либо действительно имел значение. Даже если она меня больше не любит, даже если все мои попытки вернуть ее провалятся, она всегда будет солнцем, освещающим мою вселенную.

Глаза Алессандры блестели. Она быстро отвела взгляд, но явная заминка прервала ее яркий голос.

— Что ж, на сегодня хватит тяжелых разговоров. Еще даже не полдень, а нам еще надо обойти много прилавок, прежде чем уплыть отсюда.

До конца дня мы говорили на безопасные темы — о спорте, еде, погоде. Но я никогда не забуду выражение лица Алессандры, когда она рассказала, почему открыла Floria Design.

После того, как обошли рынок, мы пообедали в ближайшем устричном баре (поскольку она выбрала завтрак, я выбрал обед) и направились к пункту проката каноэ. Во время нашего медового месяца мы с Алессандрой катались на каноэ, и я подумал, что это будет хорошим возвращением в более счастливые дни.

Раньше у нас все было хорошо. И мы могли бы снова вернуть наши отношения.

К сожалению, никто из нас уже много лет не занимался греблей на каноэ, и наши навыки были... мягко говоря, заржавевшими.

— Может быть, это была не лучшая идея, — сказала Алессандра, когда лодка покачнулась. Она с трепетом оглядела нас. Ближайшие лодки были лишь точечными пятнышками в дали. — Надо было попросить проводника.

— Нам не нужен никакой проводник, — я подвинулся, каноэ раскачивалось от моего движения. — Мы вполне можем управлять маленькой деревянной лодочкой.

Она оглянулась на меня.

— Это еще одна из тех мужских вещей? Например, вы отказываетесь спрашивать дорогу, когда заблудились, но теперь вы отказываетесь просить о помощи, когда вам грозит опасность.

— Мы находимся посреди океана, — уточнил я. — Время гида давно прошло, — кроме того, я хотел, чтобы Алессандра была только моя; я не хотел, чтобы третий лишний испортил наше свидание. — Доверься мне. Все будет хорошо.

— Как скажешь, — в ее голосе прозвучало сомнение.

Несмотря на ее опасения, наше каноэ продолжало двигаться дальше. Мое напряжение спало, и я расслабился, наслаждаясь окрестностями. Я понял, почему Алессандра так любила Флорианополис. Это было..

— Боже мой! — она ахнула. — Это дельфин?

— Я не думаю, что они есть... Але, нет! — было слишком поздно. Она повернула тело вправо, и каноэ опрокинулось, сбросив нас в холодную воду.

Ее крик и мое проклятие исказили безмятежный покой вокруг. Затем вода накрыла нас с головой, и все затихло, пока мы не вынырнули на поверхность кашля и смеясь. К счастью,

во время падения, мы сместились и не попали под лодку, но быть в воде посреди долбаного океана не входило в мои планы.

Я снова выругался, но уже более красочно.

Затем я посмотрел на Алессандру, чьи плечи затряслись, когда она закрыла лицо.

Тревога заглушила мое раздражение.

— Что с тобой? Ты ранена?

Может она ударилась головой, когда падала? Потребуется время, чтобы привести каноэ в нужное положение, а мы по крайней мере..

Знакомый звук просочился между ее пальцами. Она... *смеялась?*

Алессандра убрала руки от лица. Нет, она не смеялась. Она так сильно завывала, что смех прекратился.

— Со мной все в порядке, — выдохнула она, и слезы веселья наполнили ее глаза. — Я просто... ты выглядишь как...

Я прищурился, хотя мой рот дернулся. Мне наша ситуация не показалась особенно смешной, но невозможно было видеть ее улыбку и не хотеть тоже улыбаться.

— Как что? Дельфин? — многозначительно спросил я.

— Нет, — сказала она без каких-либо извинений. — Ты похож на утонувшую крысу.

Шок погрузил меня глубже, чем вода, когда мы перевернулись.

— Я, черт возьми, уверен, что нет.

— Мне очень жаль, но так и есть, — смех Алессандры наконец утих, но на ее лице задержалось веселье. — Ты не можешь видеть себя. А я могу, поэтому мои наблюдения дают больше... — она вскрикнула, когда брызги воды ударили ей в лицо, вытерла капли с глаз и уставилась на меня. — Ты только что *обрызгал* меня?

Я пожал плечами.

— Это был несчастный случай.

Не успели эти слова слететь с моих уст, как она ответила, и между нами нами началась война брызг. Смех и крики наполнили воздух.

Мы вели себя как дети, выпущенные на пляж, и я едва мог дышать под ее водными атаками, но было что-то воодушевляющее в том, чтобы не обращать на это внимание. Неважно, что мы вели себя глупо и незрело, зато это было весело.

К тому времени, когда мы заключили перемирие, мы были настолько мокрыми, что выглядели так, словно принимали душ в одежде. Дважды.

Тушь Алессандры образовала две черные дорожки на ее щеках. Волосы ее были спутаны, и от помады не осталось ни следа.

— Я знаю, — сказала она, поймав мой взгляд. — Ты не единственный, кто похож на утонувшую крысу.

— Это не то, о чем я думал.

— Тогда что? — ее голос затих, когда я сократил расстояние между нами.

Я смахнул случайную каплю воды с ее лба, прежде чем она достигла ее глаза.

— Я думал... — моя рука опустилась и задержалась у ее щеки, — ...что ты самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел.

Наше дыхание поднималось и опускалось на мягкие волны воды. Последние отголоски нашего смеха исчезли, уступив место теплоте, тяжелому предвкушению.

Губы Алессандры приоткрылись. Она не отстранилась, когда я нежно собрал ее волосы в кулак и мучительно опускал голову, дюйм за дюймом, пока наши губы не соприкоснулись.

Некоторые поцелуи были результатом страсти. Другие представляли собой выражение эмоций. Но этот? Этот был гребаным откровением.

Потому что, когда Алессандра подняла подбородок и ответила на поцелуй, я наконец понял, хотя бы на мгновение, что такое счастье.

Никакой тоски, никакой погони, никаких забот. Только она и мы. Это все, что мне было нужно.

ГЛАВА 26

Алессандра

Я поцеловала своего бывшего мужа.

Я поцеловала своего бывшего мужа, и мне это *понравилось*. Что, черт возьми, со мной не так?

Я со стоном уткнулась лицом в подушку. Мой будильник прозвенел уже три раза, но я не могу заставить себя встать с кровати. Встать с постели означало столкнуться с последствиями вчерашнего выбора, а мне хотелось остаться в своем пузыре иллюзий.

К сожалению, Вселенная с этим не согласна. Меньше чем через минуту после того, как я приняла решение просидеть все утро под одеялом, у меня зазвонил телефон. Я проигнорировала это и он зазвонил снова.

Еще один стон пронесся по моему горлу. Мне почти хотелось, чтобы я не хранила его в одном из шкафчиков проката каноэ, перед тем как мы отплыли. В противном случае он был бы на дне лагуны, и мне не пришлось бы ни с кем разговаривать в... — я взглянул на цифровой будильник — ...в восемь пятнадцать утра.

Я нажала кнопку «Ответить» и включила громкую связь, не поднимая головы и не проверяя кто это.

— Привет?

— Доброе утро! — щебетала Изабелла. — И тааак, как дела? Надеюсь, ты отлично проводишь время.

— Все сложно, — подушка заглушила мой ответ.

Мой поцелуй с Домиником был одновременно и слишком долгим, и недостаточно продолжительным. На самом деле, мы не могли обниматься больше нескольких минут, но его тепло и вкус так сильно отпечатались в моих чувствах, что я все еще могла чувствовать его день спустя.

Мягкое и твердое давление его рта. Опытное движение его языка по моему. Восхитительные покалывания пробежали по моей спине, когда он потянул меня за волосы.

По моей коже побежали мурашки.

— Да-да, — Изабелла казалась растерянной. — Эм, из любопытства, ты сейчас в отеле?

— Да. Я спала, — многозначительно ответила я, что было наполовину правдой. Честно говоря, я была удивлена, что она позвонила так рано. Изабелла не была жаворонком.

Минуточку. Почему она позвонила так рано?

Я вскочила, мой адреналин резко подскочил от внезапной тревоги.

— Что? Что-то не так?

— Ну... — она громко вздохнула. — Ночью прорвало трубу. Весь магазин, хм, затопило.

Шок пробился сквозь клочья моей сонливости. *Затопило.* Это слово пульсировало под моей кожей, как бешеное сердцебиение.

— Насколько все плохо? — мой голос оставался на удивление спокойным, несмотря на панику, охватившую мой мозг.

Были и другие вопросы, которые мне следовало задать, и что следует делать, но страх лишил меня возможности двигаться, пока я ждала ответа Изабеллы.

— Все очень плохо. Вода повредила большую часть инвентаря, а часть электроники сгорела. Это произошло ночью, поэтому мы до сих пор оцениваем полный масштаб ущерба. Кай вызвал человека, который сейчас оценивает ситуацию, — чувство вины просочилось через трубку. — Мне *очень* жаль. Если бы я приехала раньше...

— Это не твоя вина. Ты ничего не могла сделать. — Изабелла итак оказала мне огромную услугу, присматривая за магазином, пока меня не было и она не была профессиональным сантехником. Даже я не знала, что делать в случае прорыва трубы.

— Не волнуйся. Мы обо всем позаботимся, — сказала Изабелла. Ее вина все еще была ощутима. — Кай занимается этим, и трубу починят в течение следующих двух часов, но я подумала, что тебе нужно знать.

— Спасибо, — мое собственное чувство вины завязало узлы между моими плечами. Торжественное открытие магазина должно состояться менее чем через два месяца. Слоан надрывалась, готовя вечеринку и уже разослала приглашения десяткам высокопоставленных гостей — тем, от кого я зависела в распространении информации и поддержании бизнеса на плаву. Управление физическим магазином требовало больше стратегии и рекламы, чем онлайн-магазин; я не могу облажаться.

Я знала это, но все же последние две недели пряталась в Бразилии.

Да, мне нужно было отдохнуть от города, но в тот момент я активно избегала возвращения. Бразилия была фантазией; Нью-Йорк был реальностью, и пришло время мне перестать убегать от своих проблем. Было несправедливо и неправильно заставлять моих друзей брать на себя бремя управления *моим* бизнесом. Изабелле нужно было написать книгу, а Каю нужно было управлять многомиллиардной корпорацией. Они не должны решать мои проблемы с сантехникой.

— Скажи Каю, что я с этим разберусь, — сказала я. Я взглянула на свой чемодан,

который лежал открытым на багажной полке в другом конце комнаты. — Вылетаю обратно в Нью-Йорк.

Я попросила Доминика о помощи из-за необходимости. Мне не удалось найти прямой рейс в Нью-Йорк в последнюю минуту, и когда я объяснила ситуацию, он выписал нас из отеля и поднял в воздух в течение двух часов без лишних вопросов.

Преимущества владения частным самолетом.

— Мы будем там к вечеру, — сказал он. — Не волнуйся. Все будет хорошо.

Естественно, он был прав. Прорыв трубы не был концом света, но это было грубое пробуждение от моего идеального мыльного пузыря в Бразилии, и суеверная часть меня придала этому инциденту слишком большое значение.

Однако я держала свои опасения при себе. Доминик не верил в суеверия, и я чувствовала себя виноватой в том, что заставила его бросить все и отвезти меня обратно в город.

У нас самих было много незаконченных дел, но мы не обсуждали наш поцелуй во время полета. Когда мы не ели и не спали, мы работали. Я изучала, как действовать в случае прорыва трубы, заказала дополнительный инвентарь и отправила электронное письма своим нынешним подрядчикам, поскольку они не могли возобновить свою работу, пока беспорядок не будет устранен. Доминик делал то же, что и руководители финансовых конгломератов.

Он пытался мне помочь, но я отказалась. Мне было достаточно полета, и я ненавидела просить его об одолжении.

К тому времени, когда мы приземлились в Нью-Йорке, я почувствовала себя немного лучше... пока не увидела магазин.

— Боже мой, — я ошеломленно смотрела на ожидавшую катастрофу, в то время как Доминик подошел ко мне.

Помещение было насквозь пропитано водой. Одна из гипсокартонных панелей была настолько мокрой, что рухнула, а несколько кусочков прессованных цветов превратились в кашу под действием воды. К счастью, оборудование для кафе еще не было доставлено, но мой рабочий компьютер, принтер и другие устройства вышли из строя.

Все мои проекты и работы в галерее разрушены. Все мои планы были разрушены. Потребуется тысячи долларов и Бог знает сколько часов, чтобы подготовить помещение к торжественному открытию. Непролитые слезы наполнили мое горло. В прорыве трубы никто не виноват. Это было просто невезение, но это также было похоже на предзнаменование. Способ Вселенной сказать мне, что я не создана для этого, что я лучше приспособлена для того, чтобы строить мечты других, а не свои собственные.

Я устала на залитый водой пол, на котором блеснули осколки стекла, словно разбитые частицы моей жизни.

Мой развод. Мой бизнес. Мои отношения с мамой. Каждый страх, сомнение и неуверенность, которые я подавляла в течении многих потерянных лет своей жизни, когда просто существовала. Я больше не могла сдерживаться, и слезы полились, застилая кровавую картину поражения.

Я настолько погрузилась в свои переживания, что не сопротивлялась, когда руки Доминика сомкнулись вокруг меня и притянули к своей груди. Он настоял на том, чтобы проводить меня в магазин, поскольку было уже очень поздно, и я не стала спорить. У меня не было сил.

Я прижалась лицом к его груди, мои тихие рыдания наполняли тишину.

Наверное, я испортила ему рубашку своими слезами, но он не жаловался. Фактически, он не сказал ни слова с тех пор, как мы приехали; ему это было не нужно.

Действия говорили громче слов, и в тот момент меня не волновало, что он сделал или не сделал во время нашего брака.

Я просто прильнула к нему, вдохнула знакомый знакомый запах и позволила ему держать меня.

ГЛАВА 27

Александра

Я позволила себе на одну ночь жалости к себе.

Осмотрев ущерб, нанесенный магазину, я пошла домой, приняла душ и уснула, жалея себя. Однако где-то между субботним вечером и воскресным утром жалость к себе переросла в решимость.

Долгие *годы* я просто жила в стороне. Теперь, когда наконец-то вышла из своей зоны комфорта, действительно ли я собиралась позволить первому препятствию, с которым я столкнулась, сбить меня с ног?

Это был физический ущерб, а не смерть или финансовая катастрофа. Моя проблема была полностью решаемая. В худшем случае я бы отложила торжественное открытие и взяла бы на себя расходы, которые не подлежат возврату, например, как кейтеринг.

Учитывая это, я провела остаток выходных, формулируя план действий и выясняя затраты на замену мебели и инвентаря. От большинства из них у меня свело желудок. Мне нужны были срочные поставки, чтобы успеть отремонтировать магазин к торжественному

открытию, а срочная доставка (особенно во время праздников) стоила дорого. Действительно дорого. Страховка арендатора покрыла часть расходов, но мне все равно придется заплатить приличную часть из своего кармана.

С другой стороны, я не несла ответственности за материальный ущерб. Эйден был там, и он все равно зашел в следующий понедельник, чтобы оценить ситуацию.

— Хорошая новость в том, что могло быть и хуже, — сказал он после осмотра. Он был неожиданно спокоен, но, видимо, как арендодатель он часто имел дело с прорывами труб. — Система электроснабжения в основном не повреждена, полоток не обвалился.

Слабый смех пронзил мое горло. Было время обеда. Я убирала мусор с шести утра и, вероятно, выглядела так, словно согрелась смертью, но я была слишком измотана, чтобы обращать на это внимание.

— Спасибо Богу за мелочи. Какие плохие новости?

Я могла бы также столкнуться со всем этим одновременно. Один гигантский удар был лучше, чем тысяча мелких порезов.

— Плохая новость в том, что твои пальцы будут кровоточить из-за того, сколько цветов нужно спрессовать перед торжественным открытием, — Эйден осторожно постучал костяшкой пальца по столу, куда я бросила испорченные проекты. — Какой ущерб?

— Две дюжины, — я сглотнула. У меня ушло не меньше недели, чтобы сделать каждую из них именно такой, как я хотела. Воссоздать две дюжины за следующие два месяца было невозможно, если бы я не посвящала этому проекту каждый час своего времени. У меня не было такой роскоши. Даже с помощью моих виртуальных помощников административные задачи составляли половину рабочей нагрузки.

— Как насчет этого? Я разберусь...

Звон колокольчиков над входной дверью прервал Эйдена на полуслове.

Острая челюсть. Щетина золотистого цвета. Крепкие мускулы и безжалостная властность, облаченные в сшитый на заказ темно-серый костюм. *Доминик*.

Холодный прилив шока захлестнул меня. Это была середина его первого дня возвращения на работу. Какого *черта* он здесь делал?

Его взгляд нашел мой, теплый от беспокойства, прежде чем он направился к Эйдену. Это было похоже на то, как будто щелкнул переключатель. Беспокойство исчезло под слоем инея, и чан напряженной тишины залил и без того влажный пол.

— Привет, — легко сказал Эйден. Его тон был радушным, но в глазах мелькнул вызов. — Ты бывший муж Алессандры, верно?

Я вздрогнула от того, как он сделал акцент на слове «*бывший*». Мне не нравилась перспектива убирать кровь вместе со всем остальным, потому именно к этому все шло, если Эйден продолжит провоцировать Доминика.

Улыбка появилась на губах Доминика, темная и холодная, как полуночный лед.

— Мы встречались?

— Да. Я ужинал с Алессандрой, и ты нас прервал, — Эйден улыбнулся так же. — Примерно так же, как ты сейчас нам мешаешь.

— *Хорошо*, — я быстро встала между ними, прежде чем их тестостерон взял верх над их здравым смыслом. — Как бы мне ни нравился этот разговор, мне еще многое предстоит сделать. Эйден, спасибо, что пришел в такой короткий срок. Я позвоню тебе, если у меня возникнут вопросы. Доминик, что я могу для тебя сделать? — спросила я.

— Я здесь, чтобы помочь с уборкой, — он не спускал глаз с Эйдена, который не

сдвинулся с места рядом со мной и я подавила вздох. *Мужчины.* — Приближается твое торжественное открытие. Любая помощь не помешает.

Мысль о том, что Доминик будет заниматься физическим трудом, была настолько абсурдной, что я чуть не рассмеялась вслух.

— У тебя есть работа, — могу только представить, сколько всего накопилось за время его пребывания в Бразилии. — Все будет хорошо. Это утомительно, но я справлюсь.

— Тебе также нужно воссоздать свою коллекцию, — сказал мне Эйден. — Это лучшее использование времени, чем подметание и вынос мусора. Доминик прав. Любая помощь не помешает, — он прислонился к стойке и скрестил руки на груди. — Я тоже с удовольствием могу помочь. В любом случае я предпочитаю физическую работу, а не офисную.

Это была еще одна непрямая издевка в адрес Доминика, чье леденящее спокойствие напомнило мне океан перед штормом.

— Я немного перестроил свой график, — Доминик вел себя так, будто Эйден ничего не говорил. — В первой половине дня я буду работать и проводить встречи, а вторая половина дня будет полностью посвящена тебе.

Его взгляд снова нашел мой. Мое сердце дрогнуло, когда его слова проникли в те пустые места, которые скрывались под моей защитой.

Но Эйден был прав в том, что мне нужно воссоздать свою коллекцию. Я не могу открыть магазин прессованных цветов не демонстрируя их на витрине, а остальные строительные работы были остановлены, пока я не устраню повреждения от прорыва трубы. Я была бы идиоткой, если бы отказалась от добровольной помощи.

— Отлично, — я искренне надеялась, что не создаю себе еще больше проблем, но сейчас восстановление магазина превзошло все остальное. — Если кто-то из вас хочет помочь, не стесняйтесь заходить, когда сможете. *Но...* — я подняла руку, когда они одновременно открыли рты. — Я не хочу никаких споров, оскорблений и пассивной агрессии. Пожалуйста, будьте вежливы.

— Конечно, — сказал Эйден. — У нас нет причин для разногласий. Верно, Доминик?

В улыбке Доминика не было юмора.

— Абсолютно.

Мой взгляд метался между упрямым выступом подбородка Эйдена и опасным блеском в глазах Доминика.

Я вздохнула.

Это будет долгая неделя.

ГЛАВА 28

Доминик

— Ты встал у меня на пути, — я протолкнулся мимо Эйдена с большей силой, чем было необходимо. Алессандра предостерегала нас от пассивной агрессии, но я не виноват, что столкнулся с ее домовладельцем, пока выносил мусор. Этот засранец стоял прямо у меня на пути.

Он споткнулся, прежде чем восстановить равновесие и прижал меня к себе с жесткой улыбкой.

— Возможно, тебе следует найти альтернативный маршрут. Вокруг меня много места.

— Он завален мусором, — я бросил охапку испорченных цветов в огромный мешок.

— Тогда подожди, — парень продолжил сметать кучу осколков стекла в совок. — Ты не единственный, кто работает.

Мой глаз дернулся. Я пробыл здесь меньше трех часов, а мне уже хотелось врезать Эйдену в его самодовольное бородатое лицо. Алессандра сказала, что их отношения были платоническими, но ни один домовладелец не проявлял *такой* заботы о своем съемщике, если только тот чего-то не хотел.

Слава богу, я был здесь, чтобы убедиться, что он не сделал ничего подлого. Я бы в любом случае помог Алессандре с уборкой, но присутствие Эйдена гарантировало, что я не выйду за пределы магазина до тех пор, пока он не уйдет оттуда.

— Но я единственный в этом помещении, кто работает эффективно, — спокойно ответил я. — Как долго ты убираешь одно и то же стекло?

— Дело не всегда в скорости. Хорошая работа требует времени и внимания, — сказал Эйден. — Ты мог бы чему-то научиться уже.

Красный цвет промелькнул в моих глазах. Было бы так легко схватить один из больших осколков стекла и...

— Как идут дела? — Алессандра вышла из кладовой, выглядя усталой, но более оптимистичной, чем когда мы впервые увидели повреждения.

— Отлично, — хором проголосовали мы с Эйденом. Он улыбнулся мне. Я улыбнулся ему. Мы вместе улыбнулись Алессандре.

— Мы добились большого прогресса, — сказал я, и это было правдой. За последние два

дня мы убрали большую часть мусора и завтра сможем приступить к расстановке мебели на прежнее место.

Ее брови взлетели вверх, но она не усомнилась в нашей чрезмерной жизнерадостности. Думаю, она была просто счастлива, что не стала свидетелем драки или, будь моя воля, кровавого убийства.

Алессандра осталась на первом этаже, поэтому мы с Эйденом до конца дня держали язык за зубами.

Пропитанная потом рубашка прилипала к коже, а мышцы болели от необходимости каждый час таскать огромные набитые мешки для мусора в мусорный контейнер. Я занимался спортом, но не занимался элементарным физическим трудом с тех пор, как основал Davenport Capital. Бессмысленные задачи были изнурительными, но странно успокаивающими.

Из-за моего временного нового графика мне приходилось втиснуть дневную работу по общению с клиентами и финансовым оценкам в шесть или семь часов каждое утро. Было приятно прийти в Floria Designs днем и не думать о том, что я делаю.

Моя команда не была довольна изменениями, но они пошли на пользу мне, а не наоборот. Пока наши проекты работали хорошо, а оно так и было, у них не было веских причин жаловаться.

— Вот, — в конце дня Алессандра подала мне стакан воды. Эйден ушел двадцать минут назад, чтобы заказать ужин, а я замедлился, чтобы провести с ней немного больше времени. — Выглядишь так, будто тебе это не помешает.

— Спасибо, — мои пальцы коснулись ее, когда я взял стакан. По моей коже пронесся разряд электричества, и Алессандра отступила так быстро, что чуть не споткнулась о расплюснутую картонную коробку.

Я был не единственным, кто почувствовал напряжение между нами.

— Все налаживается, — хрипло сказал я. — Думаю, к выходным мы закончим.

— Надеюсь на это, — розовый румянец украсил ее лицо и грудь. Алессандра выглядела такой чертовски очаровательной, что я чуть не схватил ее и не поцеловал снова, но мы еще даже не обсуждали наш поцелуй в океане. Меньше всего мне хотелось подтолкнуть ее слишком далеко и слишком быстро. — Еще раз спасибо, что помогаешь мне с этим, — она обвела рукой магазин. — Тебе не обязательно.

— Нет, но я хочу, — просто сказал я.

Алессандра неизменно поддерживала меня на протяжении многих лет, а я не делал того же для нее. Не так много, как следовало бы. Я мог бы мыть каждый дюйм магазина каждый день в течение следующих десяти лет, и это даже близко не приблизилось бы к тому, чего она заслуживала. Именно поэтому я помог ей сам, вместо того, чтобы нанимать для этого команду. Она требовала внимания, а не делегирования.

Наше дыхание затрепетало в воздухе, прежде чем раствориться в тишине.

Стрижка газонов, мытье посуды, работа официантом. Первую половину своей жизни я провел, служа другим за символические гроши. После того, как заработал свой первый миллион, я поклялся, что никогда больше не буду убирать за другими людьми, но я бы с радостью провел остаток своей жизни, занимаясь именно этим, только если бы это означало, что Алессандра будет смотреть на меня так, как сейчас.

Возможно, только возможно, крохотный огонек надежды, который я носил в себе после нашего развода, вовсе не был напрасным.

Как и предполагалось, мы завершили уборку в субботу. К тому времени у меня были мозоли, как у бейсбольной команды, но оно того стоило.

— Ты это сделала, — сказал я, когда Алессандра с видимым облегчением рухнула в кресло. — Магазин официально снова работает.

— Вроде того. Мне осталось высушить около тысячи цветов перед торжественным открытием, но... — ее вздох сменился легкой улыбкой, — ...*Боже*, как приятно прийти в понедельник и не увидеть кучу мусора.

— Чтобы не было мусора, — я поднял банку колы.

Она засмеялась и чокнулась своей.

— Аминь.

Мы сидели по разные стороны ее стола, который ломился под тяжестью нашей китайской еды на вынос. Нам никак не удалось решить, что есть, поэтому мы заказали всего понемногу: говядину с брокколи, блинчики с начинкой, курицу с кунжутом, крабового рангуна, кисло-сладкую свинину. Курьер не смог скрыть своего шока, когда увидел, что нас было всего двое.

Этот ублюдок Эйден тоже пытался остаться на ужин, но быстрый звонок решил эту проблему — в настоящее время он решал проблему вандализма в другом своем здании. Было поразительно, какой ущерб может нанести стеклу один камень.

Я исчерпал свое терпение по отношению к нему несколько дней назад. Ему повезло, что я не предпринял ничего более разрушительного, чем чертов камень.

— Держу пари, что это не твое представление об идеальном субботнем вечере.

Алессандра вонзила нож в кусок брокколи.

— Скажи честно. Где ты сейчас должен быть?

Я получил приглашения на два благотворительных гала-концерта, выставку в частном музее и званый обед в таунхаусе Сингхов. От всех отказался.

— Нигде, — сказал я. — Сейчас я нахожусь именно там, где хочу быть.

Взгляд Алессандры дрогнул. Она опустила еду, не доедая ее, и тишина затянулась настолько напряженно, что я боялся, что она сломается и разрушит хрупкое дружеское общение, которое у нас сложилось со времен Бразилии.

Иногда единственным способом пересечь самую высокую гору было подняться на нее.

— Нам следует поговорить о том, что произошло в океане, — недосказанность слишком долго сидела между нами. — Наш поцелуй...

— Это был просто поцелуй, — Алессандра крутила брокколи, не поднимая глаз. — Мы были на свидании. Поцелуи случаются на свиданиях.

— Але...

— Нет. Не делай из этого что-то большее, чем это есть на самом деле, — под ее словами пробежала дрожь. — Ты просил об одном свидании, и я дала его тебе. Вот и все.

— Если бы это ничего не значило, ты бы могла посмотреть на меня. — Еда так и осталась на тарелке, но это было неважно. У меня пропал аппетит. — Никакого вранья друг другу и самим себе. Мы заслуживаем этого.

— Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказала, — Алессандра вскинула руки вверх и на лице ее появилось разочарование. — Хочешь, чтобы я сказала, что мне понравился поцелуй и я не жалею о нем, хотя должна была бы? Прекрасно. Мне понравилось и я не жалею. Но физическое влечение никогда не было проблемой. Когда я смотрю на тебя, я... — голос Алессандры запнулся, — ...я думаю, что никогда не смогу полюбить никого больше, чем тебя. Что ты взял все, что я могу дать, а я отдала все без остатка, потому что не могла представить мир, в котором мы не были бы вместе.

Ее лицо расплывалось под болью, разрывающей мои внутренности.

— Но сейчас я живу в этом мире, и мне страшно, — подбородок Алессандры дрожал. — Я не знаю, как прожить жизнь без тебя, Дом. Более десяти лет я ни с кем не встречалась, и я просто... я не могу... — ее голос понизился до шепота, — я не могу обещать тебе ничего большего, чем уже есть.

Я пытался говорить, но каждый раз, когда хватался за ответ, он рассыпался в прах. Мне оставалось только сидеть и слушать, как она методично, кусочек за кусочком, разрывала мое сердце.

— Я знаю, что ты стараешься. Знаю, от чего отказался чтобы приехать в Бразилию, чтобы быть здесь, и я очень ценю это. Но я не готова к чему-то большему, чем то, что у нас есть. И я не уверена, что когда-нибудь буду, — слеза потекла по ее лицу. — Ты разбил мне сердце, и даже не заметил этого.

Если я когда-либо думал, что раньше было больно, я ошибался. Сломанные кости и порка моей приемной матери меркли по сравнению с раскаленным добела копьем слов Алессандры.

Я никогда не собирался причинять ей вред, но воздействие превзошло намерение, и никакие словесные извинения не могли компенсировать то, что я сделал.

— Понимаю, — голос незнакомца донесся до меня. Он был слишком грубым, слишком резким, чтобы быть моим, но это был мой единственный голос, поэтому я воспользовался им. — Если тебе нужно время, бери его. Если ты хочешь встречаться с другими людьми, сделай это. Я не буду вмешиваться. Я не ценил тебя, когда ты была у меня, и это мой крест, который я должен нести. Но ты всегда будешь любовью всей моей жизни, и я всегда буду здесь, будь то месяц, год или целая жизнь, — звук ее рыдания промочил мою щеку чем-то горячим и влажным. — Наверное, сотни мужчин выстроятся в очередь, чтобы получить шанс быть с тобой. Я только прошу, чтобы ты позволила мне быть одним из них.

Я пошел на самую большую авантюру в своей жизни. Алессандра сказала, что мы можем встречаться с другими людьми в Бразилии, но то было гипотетически; сейчас это было реально. От одной мысли о том, что я буду стоять и смотреть, как другой мужчина прикасается к ней, ничего не предпринимая, становилось почти невозможно дышать.

Однажды я разбил Алессандре сердце, и готов позволить разбивать мое тысячу раз в ответ, только если это будет означать, что она вновь вернется ко мне.

ГЛАВА 29

Алессандра

— Он действительно сказал, что не против если ты будешь встречаться с другими мужчинами? — Изабелла сморщила нос. — Это не похоже на Доминика.

— Он явно лжет, — Слоан постучала ручкой по блокноту. — Могу поспорить, он думает, что Алессандра пойдет на несколько свиданий, не похожих ни на одно из них, и побежит обратно к нему.

Рядом с ней Рыба смотрела на нас из своего аквариума с выпученными глазами, лишенными мыслей. Впервые в жизни я позавидовала чертовой золотой рыбке. Если бы я только могла отбросить свои земные заботы и вместо этого провести свою жизнь, плавая и питаясь специальными гранулами. *Она даже не представляет, как ей хорошо.*

— Я единственная, кому его жаль? — Вивиан закусил нижнюю губу. — Прошли месяцы, и он явно старается. Может быть, Доминик изменился.

Не удивительно, что она была первой из моих подруг, которая смягчилась по отношению к Доминику. Учитывая ее историю с Данте, она точно знала, каково это, когда человек, которого ты любишь, ошибается, и что его можно простить. В их случае это сработало. Мое дело все еще было на рассмотрении.

Однако Вивиан была не единственной, кто чувствовал себя плохо. Мое сердце болезненно сжималось каждый раз, когда я думала о Доминике, но этого было недостаточно, чтобы снова броситься в его объятия.

— Можем ли мы поговорить о чем-нибудь другом? — я погладила пальцем висок. Мы с подругами столько раз вспоминали время, проведенное в Бразилии, и мой разговор с ним вчера вечером, что мне хотелось кричать. — Вив, как прошла твоя встреча с Баффи Дарлингтон?

Мы вчетвером свернулись калачиком в квартире Слоан. Технически это был вечер кино, но мы были слишком заняты сплетнями, чтобы посмотреть выбранный фильм (за исключением Слоан, которой удалось совместить наш разговор с написанием своего, несомненно, злобного отзыва на последнюю ром-комедию).

— Ужасно, как всегда, — к счастью, Вивиан без возражений приняла мою смену темы.

Баффи была одной из знатных дам нью-йоркского общества и была известна своей разборчивостью, когда дело касалось ее мероприятий. Она наняла Вивиан, чтобы та спланировала свой ежегодный праздничный вечер, из-за которого Вивиан переживала последние три месяца. — Но все уже одобрено и готово к завтрашнему дню.

— Завтра вечеринка Баффи, во вторник рождественский гала-концерт в Вальгалле. — Изабелла зевнула. — Нет ничего лучше праздников в Нью-Йорке.

— Это ужасное время года, — сказала Слоан. — Рождественская музыка. Банальные фильмы. Свитера с оленями. *Боже*, эти свитера. От них хочется умереть.

— Ты посмотрела все эти банальные фильмы, — заметила я. — Наверное, не так уж сильно их ненавидишь.

— Иногда приходится пережить ужасное, чтобы оценить посредственность, которой является большинство современных фильмов.

Изабелла, Вивиан и я обменялись удивленными взглядами. Между нами была не такая уж секретная шутка о том, что Слоан в одиночку поддерживает жизнь индустрии романтических комедий. Для девушки, которая якобы презирает ром-комы, она была готова смотреть новинки в день их выхода.

— Кто хочет выпить? — Изабелла закинула в рот горсть попкорна и потянулась к полупустой бутылке рома на журнальном столике. — Я сейчас редактирую свою вторую книгу, чтобы использовать весь ром и кока-колу, которые смогу получить, — сказала она приглушенным голосом.

Я покачала головой.

— Нет, спасибо, — я уже выпила три. Еще немного, и я сделаю что-нибудь глупое, например, отправлю кому-нибудь сообщение в приложении для знакомств, которое импульсивно скачала утром. Я пролистала дюжину профилей, прежде чем нашла один. Это меня так напугало, что я тут же закрыла приложение и сделал вид, что его не существует.

Очевидно, мои навыки знакомств заржавели.

— Выпью после того, как закончу это, — ручка Слоан пролетела над страницей, и она пробормотала себе под нос. Я не смогла уловить всего этого, но мне показалось, что я слышала *тошнотворные фразы, невыносимо длинные и настолько нереальные, что обмен телами матери и дочери кажется правдоподобным*.

— Вив? — Изабелла повернулась к последнему члену нашей группы. — Ты пила воду всю ночь. Поживи немного! — она потрясла ром с эффектным размахом.

— Я бы с удовольствием, но не могу, — Вивиан заправила прядь волос за ухо. — Только через семь месяцев.

Голова Слоан оторвалась от блокнота. Челюсть Изабеллы отвисла, от чего на пол посыпался попкорн.

Я заговорила первой.

— Ты...

— Я беременна, — подтвердила Вивиан. Ее улыбка превратилась в широкую ухмылку, когда мы разразились криками и смехом. Мы схватили ее в групповых объятиях, наши вопросы перекрывали друг друга в потоке эйфории.

— Ты уже знаешь пол?

— Какие имена для детей вы уже придумали?

— Могу ли я быть крестной матерью?

— Черт возьми, ты *беременна*!

Вивриан и Данте были женаты уже три года, так что рождение детей было лишь вопросом времени. Я искренне радовалась за нее, но не могла остановить волну грусти, которая омрачила мое настроение, когда я думала о своей жизни по сравнению с ее.

Мы с Домиником оба хотели детей. В начале наших отношений мы договорились, что подождем, пока наши финансы и карьера не стабилизируются, прежде чем пытаться завести ребенка. К сожалению, к тому времени, когда это произошло, он был настолько одержим работой, что мы даже не пытались.

Однако я рада, что мы этого не сделали. Как бы мне ни хотелось иметь сына или дочь, я бы, по сути, воспитывала их одна, а я не хотела, чтобы кто-то из моих детей чувствовал себя обделенным вниманием.

Прозвенел дверной звонок.

— Я открою, — я встала и пошла к двери, а Слоан и Изабелла продолжали засыпать Вивриан вопросами.

Меня приветствовал парень лет двадцати с чем-то в белой рубашке-поло.

— Алессандра Феррейра? — в руках он нес небольшую коробочку в подарочной упаковке.

— Это я, — между моими бровями появилась линия недоумения. Я ничего не заказывала.

— Подпишите здесь, пожалуйста, — он протянул мне планшет.

Я поставила свою подпись и, не желая ждать, сразу после его ухода разорвала оберточную бумагу. В белой коробке внизу не было ни малейшего намека на то, что было внутри, но когда я открыла ее, мое сердце остановилось.

— Ты принес мне подарок на наше первое свидание? Должно быть, я тебе действительно нравлюсь, — подразнила я, забирая подарочный пакет из рук Доминика.

На его скулах появился румянец.

— Это не для свидания, а для учебы.

— Что... — мое предложение оборвалось, когда я достала предмет. На белой круглой чашке с золотой ручкой было изображено красное яблоко, на котором жирным черным шрифтом было написано «Лучшая в мире учительница».

Эмоции застряли у меня в горле.

Ни один ученик никогда не покупал мне ничего, кроме подарочной карты Starbucks. Это было настолько непохоже на Доминика, как по настроению, так и по подарку, что я потеряла дар речи.

Должно быть, он принял мое молчание за недовольство, отчего его лицо покраснело.

— Я знаю, что это глупо, и ты репетитор, а не учитель, — сухо сказал Доминик. — Но ты говорила, что твоя любимая кружка разбилась несколько недель назад и... черт. Неважно, — он потянулся к ней. — Я верну ее. Ты не...

— Нет! — я прижала кружку к груди. — Мне она нравится. Не смей пытаться забрать ее обратно, Доминик Дэвенпорт, потому что я оставляю ее у себя навсегда.

Это оказалось ложью. Оригинальная чашка сломалась во время нашего переезда в Нью-Йорк. Я была очень расстроена, но та, что я держала в руках, была точной копией, которую он подарил мне на нашем первом свидании, вплоть до яблока и надписи «Лучшая в мире учительница».

Наше первое свидание. 21 декабря, то есть сегодня. Это была наша первая годовщина, о которой я забыла. Меня слишком отвлекли беспорядок в магазине и сложности наших

нынешних отношений.

Дрожащей рукой я взяла записку, спрятанную под кружкой.

Я всегда буду думать о тебе в этот день.

Подписи не было, но она и не требовалась. Неаккуратные, беспорядочные каракули безошибочно принадлежали Доминику.

У меня перед глазами все поплыло.

— Что это такое? — спросила Изабелла. Мои друзья замолчали и с любопытством смотрели на меня.

Я положила записку обратно в коробку и закрыла ее.

— Ничего, — ответила я. Затем я моргнула, пропуская помутнение в глазах, и заставила себя улыбнуться. — Совсем ничего.

ГЛАВА 30

Александра

После того как Изабелла и Вивиан ушли, а Слоан пошла спать, я закрылась в гардеробной, достала телефон и отправила сообщение парню, с которым познакомилась в приложении для знакомств. Он сразу же ответил, и на следующий день у меня было назначено свидание на вечер вторника.

Это произошло так быстро, что у меня голова кружилась, а это именно то, чего я хотела. Если бы я слишком много думала, я то утонула бы в луже вины, которая скопилась у меня в животе. Я ясно дала понять, что хочу встречаться с другими людьми, и Доминик согласился. Поэтому у меня не было причин чувствовать себя виноватой, но было трудно отказаться от старого образа мышления.

Он больше не твой. Ты свободна.

Однажды мои чувства догонят мою логику. А пока я заставила себя дать предстоящему свиданию шанс.

Далтон был обаятельным, хорошо образованным и красивым, как модель Ральфа

Лорена. Он только что переехал в Нью-Йорк из Австралии и работал в сфере «бизнеса» — расплывчатое описание, намекающее на возможное происхождение трастового фонда, но в остальном наши переписки были просто прекрасны.

— Ты выглядишь великолепно, — сказала Слоан во вторник. — Перестань волноваться и получай удовольствие.

— Это мое первое настоящее свидание за одиннадцать лет, — мой ужин с Эйденом не считался, поскольку он находился в серой зоне между *платоническими* и *романтическими* отношениями. — А что если я опозорюсь? Или нам не о чем будет поговорить? Целуются ли люди на первом свидании в наше время, или я должна ждать следующего?

Я возилась со своим ожерельем. Далтон пригласил меня на гала-концерт в центре города: гораздо приятнее, чем пить напитки в баре, — заверил он меня, — и я оделась по этому случаю в шелковое платье цвета полуночи и золотые украшения. Для нашего первого свидания это казалось излишним, но я полагаю, что это лучше, чем кричать, чтобы меня услышали под музыку в рождественском баре.

Слоан положила руки мне на плечи.

— Остановись. *Дыши*, — приказала она.

Я так и сделала, просто потому, что никто никогда не говорил «нет» Слоан Кенсингтон. Из нее получился бы отличный военный генерал, если бы она захотела.

— Все будет хорошо. Первые свидания *должны быть* немного неловкими. Просто иди, веселись, а если что-то пойдет не так, позвони мне.

— Верно. Хорошо, — я глубоко вздохнул. *У меня все получится*. Я уже взрослая и не собираюсь бежать к подруге при первых признаках неприятностей. — Подожди, куда ты собираешься сегодня вечером? Я думала, у тебя есть работа.

Большинство людей взяли рождественские выходные, но Слоан была не такой как все.

Она бы физически приклеила свой телефон к руке, если бы это не было так сложно с точки зрения логистики.

— Да, — она убрала руки с моих плеч и скрестила их на груди, слабый румянец окрасил ее щеки. Вместо своих обычных костюмов, юбок-карандаш и деловых платьев она одела блестящее золотое платье и туфли на каблуках, которые увеличили ее рост с пяти до шести футов. — Я встречаюсь с клиентом на... частной вечеринке.

Подозрения по поводу нехарактерного для Слоан поведения отпали, когда одновременно зазвонили ее телефон и дверной звонок. Мы быстро попрощались и поспешили ответить на свои звонки.

— Ух ты, живую еще красивее, — темные глаза Далтона сверкнули одобрением, когда он внимательно осмотрел меня в лифте. — Я так рад, что ты написала мне.

Я улыбнулась, преодолев приступ дискомфорта.

— Я тоже рада.

Внизу нас ждала частная машина. Пока мы с Далтоном беседовали о его впечатлениях от Нью-Йорка и о различиях между жизнью в США и Австралии, наш автомобиль доставил нас в центр города.

— По крайней мере, здесь нет животных, готовых убить тебя за каждым углом, — поддразнила я, когда он пожаловался на американскую культуру чаевых.

— Правда, — он ухмыльнулся. — Но не каждая змея, которую ты видишь, ядовита...

Мне понравился наш разговор, но, как и в случае с Эйденом, с Далтоном я не чувствовала той *искры*. Тем не менее, ночь только начиналась и у нас было достаточно

времени для общения.

— Тебе здесь понравится, — сказал он, когда машина подъехала к охраняемым воротам. — Я думаю, что отделение в Сиднее было хорошим, но отделение в Нью-Йорке его переплюнуло. Наверное, поэтому он и является главным, — он посмеялся. Я не присоединилась к нему.

Я узнала эти ворота, узнала длинную извилистую дорогу к главному зданию и величественный белый мрамор, возвышавшийся над нами. За последние пять лет я посещала здесь мероприятия много-много раз.

Ужас сжимался в моей груди, когда мы поднимались по лестнице, устланной красным ковром.

Может, его здесь не будет. Доминик ненавидел вечеринки и терпел их только ради налаживания связей. До Рождества оставалось два дня, и он мог быть в более подходящем месте.

Но все мои надежды избежать встречи с бывшим мужем, пока я была на свидании с другим мужчиной, исчезли, когда мы с Далтоном переступили порог бального зала клуба Вальгалла.

Я подняла глаза, и вот он. Широкие плечи, опустошенное лицо и горящие глаза, устремленные прямо на меня — и на прикосновение руки Далтона к моей талии.

— Никаких убийств перед Рождеством, — предупредил меня Данте. — Вивиан говорит, что это к несчастью.

— Я никого не буду убивать, — я не хотел испачкать кровью свой костюм. Но калечить? Это была большая вероятность — если бы я не пообещал Алессандре, что не буду мешать ей ходить на свидания.

Когда я смотрел, как она танцует с Далтоном Кэмпбеллом, у меня под кожей бурлило чувство собственничества. Ее платье облегал каждый изгиб, а волосы она уложила в высокую прическу, открывающую гладкую, обнаженную спину. Глаза, волосы, улыбка, *всё*. Она была так чертовски красива, что это противоречило реальности.

Я щелкнул зажигалкой, когда Далтон сказал что-то, что рассмешило ее. Ревность горела

зеленым и горячим.

Видеть Алессандру на свидании с другим мужчиной и не иметь возможности ничего поделать для меня было адом. Я мало что знал о Далтоне, кроме того факта, что Кэмпбеллы заработали состояние на горнодобывающей промышленности и что он недавно перевелся из сиднейского отделения Вальгаллы, но я уже ненавидел его до глубины души.

— Хорошо, — Кай вернул половину моего внимания к нашему разговору. Другая половина застряла на руке Далтона на талии Алессандры. Он прикасался к ней слишком интимно для публичного выступления, и мне хотелось отрубить эту чертову штуку. — Мы здесь, чтобы праздновать, так что перестань смотреть на беднягу так, будто хочешь его убить.

Вчера вечером Данте объявил о беременности Вивиан. Я был рад за него — по большей части. Руссо были женаты три года и создавали семью. Я был женат на Алессандре десять лет, и от этого у меня не осталось ничего, кроме бриллианта в кармане и осколков, пронзающих мое сердце.

Возможно, я был мазохистом, потому что носил ее обручальное кольцо, когда оно напоминало мне о многих наших неудачах, но, как и зажигалка, это также было единственное воспоминание о нас, которое я мог держать.

— Мы еще не решили, хотим ли мы, чтобы пол ребенка стал сюрпризом, — сказал Данте в ответ на вопрос Кая, который я пропустил. Он ухмыльнулся, его глаза сверкали смесью гордости, радости и нервозности. Данте выглядел так непохоже на своего обычного ворчливого себя, что я бы никогда не догадался, что это тот самый мужчина, который ненавидел свою жену, когда они впервые встретились. — Я хочу удивиться, но Вив хочет подготовиться. Ты знаешь, она любит все планировать...

Я пытался сосредоточиться, но не мог оторвать глаз от Алессандры и Далтона. Вивиан и Изабелла были здесь с Данте и Каем, но они исчезли бог знает куда в начале гала-концерта. Они еще даже не видели Алессандру.

У меня свело челюсть, когда Алессандра снова засмеялась над словами Далтона. Я больше не мог этого выносить, мне нужно было покинуть ту же комнату, что и они, прежде чем я кого-нибудь задущу.

— Скоро вернусь, — я покинул Данте и Кая, не дождавшись ответа.

Зеленые пары душили мои легкие, когда я вышел из бального зала и направился в сад. Я оставил свое пальто внутри, и зимний воздух пронизывал мягкую шерсть моего костюма. Но это ничуть не помогло избавиться от страданий, бурлящих в моих венах.

Открыть. Закрыть. Пламя зажигалки было единственным источником тепла.

В детстве я подвергался множеству наказаний — от физических избиений до словесных оскорблений, но ни одно из не резало сильнее, чем последний час. Сегодня вечером я был призраком, вынужденным смотреть, но неспособным действовать.

Я оставался снаружи, пока мое лицо не онемело, а боль от холода не пронзила кости. И я бы вообще покинул Вальгаллу, если бы болезненное любопытство не затащило меня обратно на вечеринку.

Мне нужно было знать, здесь ли еще Алессандра и Далтон. Как бы ни было больно видеть их вместе, вопрос что будет, если они уедут вместе, еще больше разъедал меня.

Сначала я остановился в ванной. Я только закончил мыть руки, когда из одной из кабинок послышался смех.

— Ты видел фото, которое я прислал? — в голосе был сильный австралийский

акцент. — Да, знаю. Она *горячая*. Ходят слухи, что она тоже недавно развелась, так что ты знаешь, что она жаждет хорошего секса.

Я застыл в смертельной тишине.

В ванной раздался еще один смех. Там было пусто, если не считать меня и этого ублюдка в кабинке, и я слышал каждую каплю самодовольства в его тоне.

— Неа. Ни в коем случае я так скоро не привяжу себя к какой-нибудь девчонке, какой бы горячей она ни была. Могу поспорить, что ее киска чертовски тугая... да, она первой написала мне. Представь, сколько времени прошло с тех пор, как ее бывший прикасался к ней, если она так отчаянно хочет пойти на свидание с кем-то, с кем только начала разговаривать, — слышался смыв воды. — Да, скрытая камера все еще у меня дома. Я покажу тебе, какая она.

Дверь кабинки открылась, и вышел Далтон. Вспышка удивления промелькнула на его лице, когда он увидел меня у раковины, но не выказал никакого понимания того, во что только что вляпался.

— Эй, чувак, ты не против подвинуться? — он кивнул на раковину. — Мне нужно вернуться на свидание, — его подмигивание дало мне понять, что он думал, что мы были членами одного и того же гребаного мужского клуба.

— Конечно, — я спокойно вытер руку бумажным полотенцем и выбросила его в мусор.

— Спасибо. Я... — его фраза прервалась воем, когда я ударил его кулаком по лицу. Кровь хлынула из его носа, и приятный хруст костей прогнал уродливые остатки его смеха. — *Какого черта?* — он схватился за нос, его лицо исказилось маской боли. — Я собираюсь засудить тебя, черт возьми, ты...

Далтон снова взвыл, когда я поднял его за воротник.

— Что ты собираешься сделать, — спокойно сказал я, — так это вернуться в бальный зал и извиниться перед своей спутницей за то, что зря потратил ее время, и больше никогда не будешь к ней прикасаться или связываться с ней. Затем ты пойдешь домой и уничтожишь камеру, пока ФБР не получило анонимное сообщение о твоей тайной деятельности. Если я узнаю, что ты нарушил *хоть одно* из этих правил, я выслежу тебя, отрублю твой маленький жалкий член и заставлю подавиться им.

— Ты сумасшедший, — выплюнул Далтон. — Ты знаешь, кто мой отец...

Я крепче держал его, пока его лицо не приобрело уродливый фиолетовый оттенок, а его слова не превратились в беспомощное бульканье.

— Понял? — Он отчаянно кивнул, его глаза вылезли из орбит от нехватки кислорода. — Хорошо.

Я вышел и оставил его кровоточащим и плачущим месивом на полу. Ярость искажала мое зрение с каждым шагом, но как бы мне ни хотелось избить его до потери сознания за то, как он говорил об Алессандре, я уже перешел черту. Я ни капельки об этом не сожалел, но у меня было ощущение, что она не почувствует того же.

Мои подозрения подтвердились позже, когда она, нахмурившись, взглянула на свой телефон и выскользнула из бального зала. Данте и Кай исчезли, поэтому я остался один в баре, когда через несколько минут Алессандра вернулась излучая ярость.

— Ты. Наружу. *Немедленно*.

Я последовал за ней в тихий холл наверху, не обращая внимания на любопытные взгляды и шепот других гостей. Наше расставание произвело фурор в светских газетах, и я уже мог видеть заголовки, которые появятся в результате сегодняшних событий.

Наследник Кэмпбелла подвергся нападению на гала-концерте в Вальгалле!

Доминик и Алессандра Дэвенпорт были замечены в ссоре. Неужели у этой разведенной пары намечаются новые неприятности на горизонте?

— Ты ударил Далтона по лицу? — Алессандра подождала, пока мы остались одни, и набросилась на меня. — Да что *не так* с тобой? Это нападение!

— Позволь мне объяснить..

— Нет, — она ткнула пальцем мне в грудь. — Ты сказал, что не собираешься мешать моим свиданиям.

— Знаю. Я...

— Это было три дня назад, и первое, что ты делаешь, когда видишь меня с кем-то еще, — это нападаешь на него в ванной?

— Але, он...

— Именно поэтому я не могу тебе доверять. Ты продолжаешь говорить одно, а..

— Он собирался снять тебя на видео, — мои слова взорвались разочарованием.

Алессандра замолчала. Она уставилась на меня, ее глаза округлились от шока.

— Я слышал, как он разговаривал с другом в ванной, — я пропустил наиболее грубые элементы разговора Далтона. Ей не нужно было ничего из этого слышать. — Он планировал отвезти тебя домой и тайно записать как вы занимаетесь сексом. — Свежий всплеск ярости пронзил мое нутро. — Скажи, что мне было делать?

— Ты мог бы сказать мне.

— А ты бы мне поверила?

Алессандра не ответила.

— Я сказал, что буду стоять в стороне и смотреть, как ты встречаешься с кем захочешь, и так и сделаю, — сказал я. — Это не мое дело говорить тебе, что ты можешь и чего не можешь делать. Но *я не потерплю*, чтобы тебя не уважали, — эмоции сделали слоги грубыми. — Я сделаю для тебя все что угодно, *а то*, но я не могу сделать невозможного.

Алессандра сглотнула. Ее гнев заметно утих, и она внезапно показалась маленькой и усталой на фоне нашего богато украшенного окружения.

Мой кулак сжался от необходимости прикоснуться к ней.

— Пойдём, ты возвращаешься на вечеринку, — сказал я, когда она промолчала. — Мне жаль, что испортил тебе вечер, но ты заслуживаешь лучшего, чем кто-то вроде Далтона.

Она так же заслуживала лучшего, чем я, но, по крайней мере, я это знал. В мире не было ни одного человека, который был достоин ее.

Не успел сделать и двух шагов по коридору, она остановила меня.

— Доминик.

Мое сердце забилося от ее низкого тона. Я повернулся, но не успел среагировать, как Алессандра закрыла пространство между нами, схватила мою рубашку...

И поцеловала меня.

ГЛАВА 31

Александра

Я не знаю, как это произошло и что заставило меня это сделать. В одну секунду я смотрела, как Доминик уходит. А в следующую мои руки уже сжимали его рубашку, мой язык переплетался с его, и мой мир растворился в дымке жара и ощущений.

Алкоголь и американские горки эмоций вывели мои запреты за точку невозврата. За полчаса я испытала весь спектр человеческих эмоций — ярость, шок, желание и тысячу оттенков между ними — и *устала*.

Устала чувствовать себя некомфортно в собственном теле. Устала вести светскую беседу и задаваться вопросом, нравлюсь ли я другому человеку. Устала бороться с течением, когда мне просто хотелось кануть в Лету.

Так я и сделала, на одну ночь.

Мучительный стон Доминика вспыхнул глубоко в моей душе и распространился наружу, разжигая крошечные огни, пока меня не охватила ослабляющая колени и отупляющая разум похоть.

У меня не было секса с той ночи, когда он подписал наш документ о разводе. Прошло почти три месяца, но его предыдущее признание о том, что Далтон планировал отвезти меня домой и переспать со мной, заставило меня осознать, что я не готова быть ни с кем, кроме Доминика. По крайней мере, не так.

Я попятилась назад, увлекая его за собой. Руки искали и путались, прежде чем мы наконец нашли дверь в коридоре и, ошеломленные, вошли внутрь, чтобы уединиться.

Он крепко держал меня за талию, пока мы двигались по комнате. Когда я поднялась подышать, то увидела кожаные книги и витражи: должно быть, мы в библиотеке.

Причина. Слова. Все это исчезло, оставив лишь потребность и желание.

Между нами ничего не было настоящего, но это была вся правда, которая у нас была. Наша связь тянула меня, хотя осколки моего сердца пытались разорвать меня на части.

Мои колени ударились о спинку кожаного кресла. Доминик оттолкнул меня назад, его тело накрыло мое, и он поцеловал меня с неистовой силой. Я уже была мокрой от первого вкуса его губ, и потребность большего пульсировала между моих ног от его мучительного

стола.

— Ты даже не представляешь, что делаешь со мной, Але, — теплые, сильные пальцы обхватили мои бедра. — Я бы разрушил весь мир, только если это доставит тебе удовольствие. Я бы уничтожил каждого мужчину, который думает, что сможет заполучить тебя. — Его щетина царапала мягкую кожу; его дыхание скользило по моей щеке, вызывая дрожь по спине.

В тот момент я была в отчаянии и очень нуждающейся в нем.

— Трахни меня так, словно ты действительно это имеешь в виду, Дом, — это была слабая насмешка. Стрела, которая была слишком тупой, чтобы попасть в центр, но этого было достаточно, чтобы получить то, что я хочу.

— С чего ты взяла что я так не думаю? — огонь и ярость зажгли его глаза.

— Наши документы о разводе, — слова прозвучали с горечью на моем языке. Уродство, отравившее колодец нашей любви, всегда присутствовало. Пренебрежение. Равнодушие. *Апатия*. Но сегодня вечером я не чувствовала той пустоты, которую ощущала много ночей назад.

Его голос упал до смертельного шепота.

— Думаешь, я не смог бы разорвать эти бумаги? Что чернила на странице что-нибудь для меня значат?

— Все, что тебя когда-либо волновало — это подписание как можно больше контрактов. Почему наш должен быть другим?

Доминик стиснул челюсти, и сквозь него прорвалось рычание. Больше нечего было сказать. Сегодняшний вечер был о нужде. Моя потребность в нем. Моя потребность забыть будущее, от которого он меня спас, и прошлое, которым он меня уничтожил.

Он схватил мои руки и прижал их к подлокотникам кресла.

— Не отпускай, — *или что-то похожее на это*. От этих подразумеваемых слов у меня вспыхнула пульсирующая боль в нижней части живота.

Мои ладони схватили гладкую кожаную поверхность, когда он провел руками по моим бедрам, поднимая мое платье и перехватывая дыхание с каждым медленным дюймом, который он продвигал по моей обнаженной коже.

На мгновение я увидела его таким, каким он был в день нашей свадьбы, в тот неосторожный момент, когда он думал, что я не обращаю на него внимания. И он выглядел именно так — голодный, жаждущий и в восторге от выигранного приза.

— Посмотри на эту сладкую киску, — пробормотал он. — Она такая чертовски мокрая для меня, *amor*.

Его дыхание было грубыми на моей сверхчувствительной коже. Мне отчаянно хотелось прикоснуться к нему, вернуть его ко мне. Вместо этого я была обнажена перед ним ниже пояса. Прохладный воздух обволакивал мое самое чувствительное место, вызывая мурашки по коже.

Руки Доминика нашли верх моего платья.

Моё дыхание стало прерывистым. Я была слишком взволнована, чтобы беспокоиться о том, насколько потеряла контроль в этой ситуации и насколько ее контролировал мой бывший муж.

Дрожь пробежала по моему телу, и я впилась ногтями в кожаные подлокотники, желая прикоснуться именно к нему.

Я ненавидела то, что в этот момент его контроль был тем, что мне было нужно.

Ничто не могло отвлечь меня так, как его присутствие, и я не могла сожалеть о своем выборе переспать с ним.

— Дом, — мои легкие напряглись от предвкушения.

Два быстрых движения его запястья и мое платье оказалось на полу. Доминик опустил голову и потянул мой сосок зубами.

Я вскрикнул от раскаленного добела копыя ощущений.

Его язык ласкал меня, зажигая мои нервы, пока я пропитывала кожу подо мной. Грубые руки гладили и сжимали мои бедра, не давая мне того, чего я хотела больше всего.

— Думаешь, я смогу жить без твоего вкуса на моем языке? Без звука твоего хныканья в моем ухе, когда ты берешь мой член? — его слова окрасили мою кожу грязными желаниями.

— Не сможешь? — я прошептала. Это была честность, а не вызов.

Этот вопрос озвучил все мои мысли.

Его ответ был призрачным звуком, которому я не поверила. Я знала, что это должно было быть не более чем чувство безопасности с мужчиной, который лучше всех знал мое тело, поэтому я воздержалась от того, чтобы сказать что-нибудь еще.

Мне хотелось спросить, где он был все эти ночи. Я хотела узнать, почему он до сих пор носит обручальное кольцо. Мне хотелось знать, насколько пустыми были эти слова по сравнению с обещаниями, которые он нарушал раз за разом. Но мое сердце не выдержало еще одного пореза сегодня вечером.

Доминик отстранился, прежде чем переместиться к моей другой груди. Покусывая и дразня. Одной рукой он ущипнул меня за сосок, заставив меня вскрикнуть. Это было так приятно. Другой сдвинул мои стринги в сторону и начал потирать мой клитор, делая меня ужасно мокрой, но не позволяя мне кончить.

— Пожалуйста, — умоляла я, извиваясь в его руках. — Дом... — я снова задохнулась, когда он предупреждающе укусил меня за кожу.

— Нет, я хочу чувствовать, как ты сжимаешь меня, *amor*, — похоть сделала его голос грубее. — Я хочу почувствовать, как ты растягиваешься и стискиваешь меня. Я хочу почувствовать, как ты кончаешь на мой член.

Боже. Его слова не должны были меня так сильно возбудить, но они это сделали.

Затем он отстранился, и я услышала только тихий шорох молнии, прежде чем увидела звезды.

Наполнена. Я была до невозможности заполнена, когда он, не дожидаясь, не дразня, вошел в меня одним резким толчком, и мое тело выгнулось от внезапного, сильного напряжения.

— *Черт,* — задыхалась я. Моя покорность была приглашением, которое, как я знала, мне не следовало давать. Я была обнажена, а он был почти полностью одет. Все притворства были сорваны, когда моя кожа коснулась его. Невозможно было скрыть то, как я кричала, или как он заставлял мое тело выгибаться.

Мои стоны и крики смешивались с его ворчанием, пока он трахал меня на диване. Я не могла видеть, слышать и ясно мыслить. Были только мы, наши потные тела, которые двигались в грубом, вневременном ритме.

— Я могу умереть в этой киске, *Але.* Я мог бы умереть прямо сейчас, зная, что ты моя, — Доминик обвил рукой мое горло, прижимая меня к коже, пока он доводил нас до экстаза.

Я почувствовала, как внутри меня нарастает импульс, когда Доминик ускорял темп.

Мое собственное освобождение нарастало, когда нервы сжимали мой позвоночник. Я испортила диван, и мои ладони были скользкими от пота, пока он держал меня на месте.

Его бедра впились в меня, как будто он пытался втиснуть в мое тело какую-то неизвестную правду. Когда он приложил свой лоб к моему, я увидела тени, скрывавшиеся на его лице. Я увидела слова, плывущие в его глазах, которым не хотела верить.

Безопасность и страх свернулись глубоко внутри меня.

Его обручальное кольцо на моей талии казалось тяжелым в чистилище, в которое я была бы рада войти, если бы это означало этот украденный момент.

Еще один толчок, и я развалилась на части, разлетаясь, как конфетти. Теплота наполнила меня, когда он вскоре кончил с дрожью и стоном.

Тишина установилась, горячая и томная. Наше дыхание замедлилось, когда туман, питаемый сексом, рассеялся.

У меня только что был секс с бывшим мужем. Ясность укусила меня, но я не была готова думать о том, что это значит. Я хотела его и позволила ему взять меня.

Сожаление нахлынуло на меня прежде, чем я успела его отогнать.

Дом поднялся и поправил свою одежду. Он излучал элегантность и силу, но я увидела мужчину, в которого влюбилась. Человек, который работал на трех работах, но все равно съедал меня под столом, пока мы учились. Человек, который давал обещания и выполнял их до тех пор, пока не перестал.

Наши взгляды поглощали друг друга, сообщая то, чего не могли передать слова.

Я только встала с дивана и поправила одежду, когда в комнате раздался третий голос.

— *Дерьмо.*

Наши головы метнулись к третьему этажу, откуда вышли Кай и Изабелла... *это была секретная комната в книжном шкафу?*

Мы уставились друг на друга, все четверо были помяты и взлохмачены так, что это могло указывать только на одно.

— Ну, — сказал Кай, его шикарный британский акцент звучал слишком серьезно для данной ситуации. — Это очень неловко.

ГЛАВА 32

Доминик

Мой кайф после секса длился ровно час и восемь минут. После нашей неловкой стычки с Каем и Изабеллой в библиотеке Алессандра с красным лицом ушла вместе с девушкой (я предполагаю, что ей и Изабелле нужно многое наверстать), а я пошел домой с разгоряченной кровью.

Я знал, что лучше не предполагать, что секс означает нечто большее, чем временное слияние желаний, но это был небольшой прогресс в наших отношениях, и это было все, о чем я мог просить в данный момент.

Пентхаус встретил меня молчанием, когда я вернулся. Я дал сотрудникам неделю отпуска на Рождество, и мои шаги эхом отдавались по мраморному полу, когда я шел через холл в гостиную. Мне следует вернуться...

Что-то шевельнулось в темноте.

Холодный кинжал страха разорвал последние щупальца моей теплой дымки, вызванной Алессандрой, и я резко остановился.

Секундой позже зажглась лампа, осветив темные волосы и прохладные зеленые глаза облегчением.

— Поздняя ночь, — протянул мой брат. — Где ты был?

Мой страх резко усилился, перегорая в гнев.

— Как, черт возьми, ты сюда попал?

— Твоя система безопасности хороша, — сказал он. — Но моя лучше, — моя челюсть напряглась.

У меня была лучшая система, которую можно было купить за деньги. Я также нанял лучшего частного детектива в городе, и он не смог раскопать ни единой информации о прошлом Романа или о том, где он был после подозрительно рассчитанной смерти Мартина Вэллгрю в Le Boudoir.

Чем ты занимался со школы, Ром?

— Не волнуйся. Я пришел с миром, — он поднял руки, его тон был полунасмешливым, полуискренним. — Сотри подозрительное выражение со своего лица. Разве я не могу нанести дружеский визит своему брату на праздники?

— Дружественный визит подразумевает стук в дверь, а не взлом и проникновение.

— Когда я зашел, никого не было дома, так что стук ничего не дал бы, не так ли?

— Не говори мне чушь, — я пересек комнату, зная и о кинжале в его руках, и о пистолете, который я спрятал в каминной полке.

— Ты исчез после Le Boudoir, и тебя бы здесь не было, если бы ты чего-нибудь не захотел.

Роман застыл, и кинжал замер в левой руке.

— Как я уже сказал, сейчас праздники. Они вызывают у меня ностальгию.

— У нас были дерьмовые праздники, — наша приемная семья не особо любила подарки и рождественское веселье. Единственным подарком, который я получил от них, была пара поношенных носков.

Роман пожал плечами.

— Верно, но у них были свои моменты. Помнишь, когда мы впервые напились и разгромили садовых гномов миссис Пельтцер? Ее крики можно было услышать на другой улице.

— Мы оказали ей услугу. Эти гномы были ужасны.

— Так и есть, — тени заплясали на его лице. — После твоего отъезда мне не с кем было праздновать Рождество. В колонии для несовершеннолетних был ад. И когда я вышел, у меня не было ни друзей, ни семьи, ни денег.

Вина давила со всех сторон. Пока я общался с однокурсниками и профессорами в Тайере, Роман страдал в одиночестве. Он сделал свой выбор и столкнулся с последствиями, но это не облегчило горькую тяжесть в моем горле.

Тем не менее, теперь он был взрослым, опасным, и я был бы дураком, если бы позволил сентиментальности ослабить самосохранение.

— Кажется, сейчас у тебя все хорошо, — я остановился возле камина, мои глаза были устремлены на Романа, а чувства были в состоянии повышенной готовности к любым неожиданностям, которые могут выскочить из тени.

— Похоже на то, — он прижал кончик лезвия к пальцу. Вытекла крошечная капля крови. — Некоторое время я скитался после колонии, пока не встретил Джона. Он был ветераном Второй мировой войны и чертовски язвительным, но он дал мне постоянную работу в своем магазине и жилье. Если бы не он, я бы не был там, где нахожусь сегодня, — тени еще больше потемнели. — Он умер в прошлом году.

— Мне жаль, — я имел в виду это.

Я не знал этого человека, но в моей жизни была похожая картина, и смерть Эрлиха расстроила меня больше, чем что-либо еще до этого момента.

— Знаешь, я рассказал ему о тебе, — тихо сказал Роман. — Как мы были близки. Как ты предал меня, и как сильно я тебя ненавидел. Эта ненависть сохранила мне жизнь, Дом, потому что я отказался умирать, пока ты получаешь все, что хочешь.

Горечь нарастала. Вокруг моей талии была привязана сотня валунов, которые тянули меня вниз, пока я не утонул под их тяжестью.

— Я бы помог тебе. Если бы ты попросил меня о чем-нибудь еще, кроме алиби, я бы это сделал.

— Ну и кто теперь врет? — Роман поднялся со своего места, и возмущение пробивалось сквозь его безразличие, пока оно не ушло. — Ты бы ничего не сделал, потому что Доминик Дэвенпорт заботится только о себе. Сколько раз я прикрывал тебя, когда мы были моложе? Десятки. Сколько раз я просил тебя о помощи? *Один*.

Пламя разочарования лизнуло мою вину.

— Есть разница между ложью о пьянстве несовершеннолетних и чертовым *поджогом*!

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что тебе не плевать на закон? — его гнев отразился от мрамора с грохотом зубов. — Не говори мне, что ты не совершал никаких теневых сделок с тех пор, как я видел тебя в последний раз. Ты делаешь это, чтобы обогатиться, но не для того, чтобы помочь кому-то еще, — в его глазах пылала враждебность. — Дело было не в алиби. Речь шла о лояльности. Ты даже не пытался остаться. Ты увидел, как моя беда поставила под угрозу твой драгоценный план разбогатеть, и отвернулся от единственной семьи, которая у тебя когда-либо была.

Гул вернулся с удвоенной силой. Это было оглушительно, смесь шума, которую я не мог заглушить, как бы ни старался.

— Похоже, это повторяющаяся картина, — выражение лица Романа смягчилось после его убийственного выстрела. — Где твоя жена, Дом? Ей надоело твое дерьмо, и она наконец ушла?

Тугой, крепкий узел, который складывался внутри меня с той ночи, когда я пришел домой и обнаружил, что Алессандра ушла, наконец взорвался.

Рычание пронзило воздух, когда я бросился вперед. Кулак встретился с костью, вызвав резкое шипение. Роман был застигнут врасплох лишь на секунду, прежде чем он швырнул кинжал в сторону и ответил на мой удар с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

Ваза разбилась о землю, когда мы напали друг на друга так, как это могли делать только братья, с враждебностью, еще более сильной из-за нашего общего прошлого. Я не пошел за своим пистолетом; он не потянулся за своим клинком. С момента нашего конфликта прошло пятнадцать лет, и мы не собирались смягчать удары оружием.

Это было чертовски личное.

Пот и ярость пропитали воздух. Кожа раскалывалась, и ручейки крови стекали по нашим лицам. В глазах у меня потемнело, и рот наполнился привкусом меди. Где-то хрустнула кость.

Это был не первый раз, когда мы с Романом дрались физически. Будучи подростками, мы быстро впадали в гнев и часто дрались до порезов и синяков. Однако годы усилили нашу способность к жестокости, и мы могли бы оба умереть той ночью, если бы не цеплялись так яростно за свои причины для жизни.

Для меня это была Алессандра, для Романа — нечто неизвестное, чем он никогда не поделится.

Наконец, в какой-то момент между ворчанием и ударами наша энергия иссякла. Мы рухнули на пол, в синяках и изнеможении, наша грудь вздымалась от последствий урагана.

— Блядь, — я выплюнул полный рот крови. Он испачкал край ковра за двадцать тысяч долларов, который я купил в Турции, но в этом и была хорошая сторона богатства. Все было заменяемо. *Почти все.* — Ты больше не тощий маленький засранец.

— И ты наконец-то научился драться, не жульничая.

— Драться умнее, а не сильнее — это не мошенничество.

Роман фыркнул. На его лице уже образовались темно-фиолетовые пятна, а засохшая кровь оставляла ржавые полосы на коже. Один глаз опух.

Могу поспорить, что я выглядел не лучше. Каждый дюйм моего тела кричал от агонии теперь, когда мой адреналин иссяк, и я был почти уверен, что сломал пару костей. Однако, несмотря на физическое избиение, болезненный шум в голове исчез. Наш бой исключил все, что было.

Наша драка изгнала из меня все то, что гноилось во мне с тех пор, как я покинул Огайо, и это стоило каждого подбитого глаза и перелома. Роман прислонился головой к стене, на его лице отсутствовал гнев.

— Ты когда-нибудь жалел об этом?

Мне не нужно было спрашивать, о чем он говорит.

— Все это чертово время.

В тишине наше дыхание замедлилось до нормального. Тишина не была комфортной, но и не разрушительной. Это просто было.

— Я пытался тебя найти, — сказал я. — После колледжа. Много раз. Ты был призраком.

— Для этого есть причина, — в его ответе были нотки предупреждения и усталости.

Давно похороненный защитный инстинкт вспыхнул. Несмотря на нашу бурную историю, он все еще был моим младшим братом. Тогда у меня не было ресурсов, чтобы защитить кого-либо из нас, но теперь они были.

— Во что ты ввязался, Ром?

— Не задавай вопросы, на которые не хочешь получить ответы. Так лучше для нас обоих.

— По крайней мере, скажи мне, что ты не имеешь никакого отношения к смерти Вэллгрю.

После его безвременной кончины в Орион-банке царил хаос. Новый глава банка был идиотом, который, казалось, *пытался* разрушить учреждение, а смерть Вэллгрю была признана несчастным случаем, несмотря на то, что люди перешептывались.

— Не беспокойся о нем, — на этот раз предупреждение Романа прозвучало громко и ясно. — Он мертв. Вот и все. Все кончено.

Я провел рукой по лицу. Моя ладонь была в крови.

Я больше не был мальчиком, изо всех сил пытающимся выжить в Огайо, но, возможно, несмотря на деньги и власть, я все еще оставался трусом. Потому что, несмотря на тревожные звончки, которые звучали с каждым словом из уст Романа, я решил их проигнорировать.

Мы достигли временного перемирия, и хотя я никогда бы в этом не признался, мне было приятно снова быть в кругу семьи — настолько, что я не осмеливался снять маску и увидеть, во что превратился мой брат.

ГЛАВА 33

Александра

— Приходят ответы, — Слоан с удовлетворенной улыбкой постучала по экрану телефона. — Кристиан и Стелла Харпер, да. Аяна, да. Баффи Дарлингтон, да. Это будет великолепное событие.

— Конечно, так и будет. Я это организовала, — пошутила Вивиан.

Это была неделя после Нового года, и Слоан, Вивиан, Изабелла и я совмещали наш еженедельный счастливый час с подготовкой к вечеринке в магазине. У меня были под рукой коктейли для Вивиан, которая находилась на одиннадцатой неделе беременности.

— А если серьезно, это место выглядит потрясающе, Але. Торжественное открытие станет хитом.

— Я надеюсь, что это так, — нервы в моем животе трепетали. — Спасибо вам за помощь. Действительно. Без вас я бы не справилась, — было приятно иметь в качестве лучших друзей суперзвезду, публициста и организатора мероприятий. Слоан и Вивиан отвечали за логистику, а я стараюсь закончить коллаж к мероприятию.

После мучительного, но столь необходимого и реалистичного взгляда на свою временную шкалу я отказалась от первоначального плана воссоздать каждый проект, который был разрушен во время наводнения, и вместо этого вложила свою энергию в один большой центральный элемент. Она будет служить витриной галереи, и я дополню ее несколькими небольшими произведениями из дома. Новая планировка была рискованной, но это было лучшее, что я могу сделать, не перенося дату открытия. Договор с поставщиком закусок и ди-джемом был невозвратным, поэтому я не могла перенести дату мероприятия, даже если бы захотела.

Я осмотрела магазин. Строительство подсобных помещений продолжалось, но всего за несколько недель главный этаж превратился в нечто, достойное для фотографий. Стойка регистрации и изящные цветочные витрины занимали правую сторону, а левую занимало кафе. У меня было место только для мраморной кофейной стойки, бархатной кабинки и двух столов, но они добавляли пространству нотку уюта. Не хватало только центральных засушенных цветов и нескольких деталей отделки.

Впервые в жизни я пропустила отпуск в Бразилию и работала круглосуточно, чтобы собрать все воедино. Это того стоило.

— Как прошло твое свидание в субботу? — спросила Изабелла. — Надеюсь, лучше, чем фиаско Далтона.

— Трудно, чтобы любое свидание прошло *хуже*, — я не слышала ни звука от Далтона с рождественского гала-концерта. Ходили слухи, что его выгнали из Вальгаллы, но подтверждения пока нет. — Отвечу на твой вопрос: все было хорошо, но второго свидания не будет.

Я не отказалась от своего вторжения в мир знакомств после... э-э, свидания с Домиником в библиотеке. Секс был невероятным, но я имела в виду именно это, когда говорила, что хочу увидеться с другими людьми. Несмотря на праздники, после Рождества я втиснулась в комедийное шоу с музыкантом, а на выходных выпила с милым школьным учителем.

Меня не волновало, что свидания ни к чему не привели. Речь шла о знакомстве с новыми людьми и о том, каково это — быть с кем-то другим. К счастью, ни музыкант, ни учитель не пытались заманить меня в свою квартиру для секретного секс-видео, так что это был плюс.

— Не могу поверить, что вы, ребята, одновременно занимались сексом в библиотеке, — сказала Вивиан. — Или что есть *секретная комната*, а ты мне не сказала.

Изабелла и я покраснели от того, что рассказали нашим друзьям о том, что произошло на гала-концерте, что, оглядываясь назад, было ошибкой, потому что Вивиан и Слоан не переставали дразнить нас по этому поводу. По крайней мере, они не поднимали этот вопрос при Марсело.

Поскольку я не смогла поехать в Бразилию на Рождество, вместо этого прилетел он. Мы провели долгие выходные, посещая бродвейские шоу и обедаясь выпечкой по завышенной цене. Моя мама позвонила нам по FaceTime из Сент-Бартса на Рождество, что было более продуманно, чем мы ожидали.

— Не мне об этом говорить, — защищаясь, сказала Изабелла. — Это семейная тайна Янг, и вы, девочки, *не можете* никому ее рассказать.

Слоан деликатно фыркнула.

— Зачем мне кому-то рассказывать о вашем с Каем сексуальном логове? Мне придется продезинфицировать его, прежде чем я войду внутрь.

Изабелла швырнула ей смятый лист коричневой бумаги, и наша подготовка быстро превратилась в смеющуюся, затаившую дыхание бумажную драку.

— Остановились! — Я взвизгнула, когда Вивиан забросала меня бумажными шариками. — Когда ты успела стать такой жестокой? Ты должна быть хорошей!

— Я постоянно устаю, у меня болит грудь, и мне приходится убеждать Данте не утеплять меня пузырчатой пленкой каждый день, — сказала она. — Мне нужно снять напряжение.

Справедливо.

Я была просто рада, что мои друзья не допрашивали меня по поводу Доминика. Они были шокированы, но не обязательно удивлены моим признанием в сексе (факт, который я решила не рассматривать слишком подробно), и они выполнили мою просьбу не говорить об этом. В любом случае я бы не знала, что сказать; я была так же озадачена статусом моих отношений, как и они.

Мы с Домиником оставили друг другу несколько голосовых записок после гала-концерта. Это были общие поздравления, такие как *С Рождеством и Новым годом*, но он также отправил рукописную записку и специальный набор для изготовления украшений к праздникам. Я была удивлена и тронута тем, что он вспомнил о случайном хобби, которое я приобрела в Бузиосе, но мы мало что могли сказать посредством текстовых сообщений и подарков. Нам давно пора было поговорить по-настоящему.

Мой телефон завибрировал, сообщая о новом сообщении, в то время как мои друзья закончили свою игру в войну.

Говоря о дьяволе.

Мое сердце подпрыгнуло в горле. Доминик редко писал сообщения, поэтому мне потребовалась минута, чтобы осознать его слова.

Доминик: Встретимся сегодня вечером в Саксонской галерее. 8 вечера. У меня есть кое-что для тебя.

Мне было слишком любопытно, чтобы не показываться.

После того, как мои друзья ушли, а я закрыла магазин, я поехала на метро до Саксонской галереи на западной стороне, где Доминик ждал в приемной.

Первое, что я заметила, это его синяки. Желтовато-фиолетовые пятна покрывали его щеку и челюсть, а над правым глазом виднелся затянувшийся порез. Он выглядел так, будто подрался с диким животным.

— Боже мой, — выдохнула я. — Что случилось?

— Мой брат снова появился, — его тон стал сухим. — Можно сказать, что мы решили наши проблемы.

Боже. Я думала, что *наши* отношения были сложными, но его связи с братом могли быть еще хуже.

Я инстинктивно потянулась к нему, прежде чем заколебалась. Мы больше не были женаты. Мне не следовало суетиться из-за него, как это делает жена, но вид его боли заставил мое сердце запутаться в узлах.

Это не должно быть так. С ним все в порядке, и раны заживут. И все же...

Я провела пальцами по самому темному синяку. Кожа под щетиной была мягкой, а узлы спутались в беспорядочный клубок.

Я скучала по прикосновениям к нему вне секса. Мне не хватало возможности обнять его без всякой причины или рассеянно поцеловать в щеку, когда он работал. Я скучала по всем мелочам, которые когда-то делали нас нами, но я также была слишком напугана, чтобы вернуться в свою зону комфорта.

Тысяча узлов была предпочтительнее второго разбитого сердца.

Доминик наблюдал за мной, не двигаясь. Его грудь поднималась и опускалась в ровном ритме, но челюсть была напряжена, как будто он боялся спугнуть меня, если сделает хоть один неверный жест.

— Почему мужчины всегда прибегают к насилию? — спросила я, пытаюсь ослабить помехи, окутывающие воздух. — Существует терапия, знаешь ли.

— Наши проблемы выходят за рамки терапии. Кроме того, я не единственный, кто в синяках. — Удовлетворение отразилось на лице Доминика, но его взгляд смягчился, когда мои пальцы пробежались по еще одному синяку на его челюсти.

Я покачала головой. *Мужчины.*

— Не могу поверить, что ты мне не сказал.

— Я не думал, что тебя это волнует.

Мои движения замерли. Между нами повисло молчание, прежде чем я опустила руку.

— Что ж, я надеюсь, что ты регулярно наносишь мазь, — сказала я, уклоняясь от его ответа. — Пурпурно-черный цвет очень хорошо сочетается с твоими костюмами.

Уголок его рта приподнялся.

— Принято к сведению.

Мы прошли глубже в галерею, где была представлена причудливая выставка стеклянных цветов Юми Хаяси. Посещение одной из ее выставок было в моем списке желаний в течение многих лет, но даты никогда не совпадали с моим графиком, и я была настолько отвлечена разводом и открытием магазина, что не знала, что этой зимой будет новая выставка.

— Я удивлена, что ты попросил меня встретиться с тобой здесь, — сказала я. — Ты не человек искусства.

Я выбрала все произведения искусства в пентхаусе. Доминик был гением в числах, но

если бы я предоставила ему декор, пентхаус сделал бы и шахматную доску красочной.

— Нет, но я думаю, что именно эта выставка послужит хорошим источником вдохновения, — сказал Доминик. — На случай, если тебе это понадобится для твоих проектов.

Тепло свернулось в моем животе. Он мог быть чертовски милым, когда хотел.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — его мягкий, интимный шепот пробежал по моей спине.

Прежнее электричество вернулось, посылая крошечные молнии по моей груди, пока я не набрала в легкие столь необходимый мне воздух.

— Я думаю, это непопулярная выставка, — сказала я, отчаянно пытаюсь не замечать, как тепло его тела проникает в мою кожу, или прикосновение его рубашки к моей руке. — Здесь больше никого нет.

— Я арендовал галерею, — Доминик сунул руку в карман. — Без толпы лучше, а мне хотелось побыть с тобой наедине.

Я не смогла найти на это адекватного ответа.

Выставка состояла из семи залов, каждый из которых был посвящен флоре разных регионов. Я больше ничего не говорила, пока мы не подошли к седьмой и последней выставке цветов, произрастающих в Азии.

— О том, что произошло на гала-концерте, — я остановилась перед гигантским фонарем-лотосом. Это был единственный источник света в комнате, но его было достаточно, чтобы осветить напряжение, охватившее плечи Доминика. — Я... — правильные слова пытались вырваться. — Я не могу обещать ничего, кроме секса.

Он был *единственным* человеком, который мог поджечь меня одним прикосновением. Отрицать наше влечение было бесполезно, а моя предрождественская засуха была мучительной. Я даже не осознавала, как сильно мне не хватало физического прикосновения, пока не получила его.

Было ли вступление в отношения только для секса с моим бывшим мужем ужасной идеей? Абсолютно. Но мы уже были в этой поездке; я могла бы также наслаждаться этим, пока это происходит.

Глаза Доминика мерцали в тусклом свете.

— Я могу с этим работать.

И это все? Я не была уверена, содержал ли мой следующий вздох облегчение или разочарование. Я ожидала, что он будет сопротивляться, но он, похоже, был готов следовать моим указаниям.

Однако от удивления у меня забилося сердцебиение, когда Доминик медленно подошел ко мне сзади. Тишина гудела и держала меня в плену, когда его теплое дыхание скользило по моему позвоночнику, а его пальцы скользили вверх по моим рукам.

Моя спина коснулась его груди, и волосы у меня на затылке встали дыбом от предвкушения. Было больно находиться так близко к нему, чувствовать близость, которую мы потеряли. Каждый подъем и опадание его груди заставляли мою сжиматься; каждый удар наших сердец напоминал о себе.

Он причинил тебе боль.

Ты оставила его.

Он все еще здесь.

Ты хочешь его.

Он не сдался.

Что если, что если, что если.

Все верно, даже если одно противоречит другому.

Когда он поцеловал меня в шею, по моей коже побежали мурашки. Воспоминание о его губах на моей коже было самой сладкой пыткой, мягкой, но твердой, нежной, но властной.

— Чего ты хочешь, *amor*? — он прошептал.

Пока он ждал, наше дыхание отдавалось эхом. Доминик никогда не ждал. Он был действием, движением и командованием. Я была тем, кто всегда ждал. Я ждала ужинов, которых мы никогда не делили, и совместных вечеров, которых так и не было.

Чего я хочу? Мне хотелось свободы воли, которой мне так часто не хватало в нашем браке. Я годами шла по канату послушной жены и желания, и мне нужен был мир, в котором я устанавливала бы для себя правила, а не просто следовала бы им.

Я могу обещать только секс.

Мое первое неявное правило. Возможно, сегодня именно тот вечер, когда можно осуществить это на моих условиях.

Моё сердцебиение участилось, когда я провела руками по его плечам и медленно спустила куртку с его груди. На его лице отразилось удивление, но он последовал моему сигналу и спустил его вниз по рукам, сложив по бокам. Осторожными, размеренными движениями он закатал рукава рубашки, не сводя с меня глаз. С каждым движением его запястья обручальное кольцо на его левой руке сверкало в тусклом свете.

Он никогда не снимал его, даже после того, как мы развелись. Это зрелище необъяснимым образом раздуло пламя, медленно прожигающее себе путь через мой желудок. Уязвимость пронзила меня, в то время как жар скапливался у меня между ног и пульсировал пустой болью.

Наши движения замерли, и мы остались смотреть друг на друга, пока в воздухе гудело электричество.

— Не останавливайся сейчас, — мягко сказал Доминик. — Покажи мне, чего ты хочешь, — это была просьба, заключенная в простую команду, но в этом не было ничего простого. Это был момент, который превзошёл всё предыдущее. Это было подчинение, частью которого я никогда не была.

Я переплела свои пальцы с его и потянула его в самый темный угол, где сквозь тени пробивалась лишь полоска света. Мягкое прикосновение моих рук поставило его на колени, и похоть замерцала в моих венах, когда он последовал моему примеру и закинул одну ногу себе на плечо. От вида моей загорелой кожи поверх его белоснежной рубашки у меня закружилась голова.

Он задрал мою юбку и сдвинул нижнее белье в сторону.

— Бля, детка, ты такая мокрая, — от его шепота у меня по спине пробежали мурашки. — Ты видишь, как ты мне нужна? Как я отчаянно хочу чувствовать тебя так, как ты мне позволишь.

Мое сердце сжималось, когда я думала о том, что каждую ночь он выбирал свою империю, пока я оставалась в тени. Каждую ночь мне хотелось, чтобы он нуждался во мне, а не в большей цифре на его банковском счете.

Я тосковала по мужчине, которого хотела не любить, но которого отчаянно желала.

Доминик медленно и продолжительно целовал мое бедро, прежде чем провести губами по моей киске. Прохлада стены пронизала мою спину, когда его язык вонзился в меня, и

прямо там, в углу галереи, положив мою ногу ему на плечо и уперев руки в бедра, он ел меня, как умирающий от голода.

Пламя переросло в лесной пожар. Каждое прикосновение его языка вызывало во мне наслаждение; каждое умелое облизывание моего клитора ослабляло мои колени, пока я не вцепилась в его волосы и не держалась изо всех сил.

Острие ножа, находящегося под моим контролем, начало разрезать меня пополам, так же, как это сделала его злоба. Я знала, что лучше не верить, что секс лечит мое разбитое сердце, но у меня было такое чувство, будто он выдергивал осколки того, кем мы были, один за другим, с каждым облизыванием и посасыванием.

— Еще, — всхлипнула я. — Пожалуйста, не останавливайтесь. Не... *ах!* — мой крик пронесся по комнате, когда он сильнее схватил меня за бедра и трахнул меня языком, превратив меня в опухшее, капающее месиво на его лице.

Мои пальцы скользили по реальности. Все расплывалось, пока не остались только я, он и неустанный марш удовольствия по моему телу.

Хотя мой контроль над сегодняшней ночью и подпитывал меня, он также втягивал меня глубже в его орбиту. Каждая дрожь моего тела ощущалась как победа моей независимости и сколом в моей защите.

Доминик провел зубами по моему клитору и вонзил в меня два пальца. Мой визг заполнил пустую галерею, когда я дернулась от внезапного вторжения. Другая его рука оставила меня, и у меня снова перехватило дыхание, когда я посмотрела вниз и увидела, как его рука сжимает его член. Он гладил себя сильными, грубыми движениями и стонал в мою киску.

— Тебя возбуждает мой вкус? — я ахнула. Я никогда не видела, чтобы он двигался с такой интенсивностью, и мне всегда нравилось наблюдать, как он трогает себя и доводит себя до конца только ради меня.

Я больше не была второстепенной мыслью, а была навязчивой идеей. Быть объектом желаний Доминика — это единственное, что я любила и оплакивала. Я не доверяла ему сердцем, но доверяла ему своим телом.

— Бля, да, — его дыхание обжигало мою кожу. — Мне никогда не будет достаточно тебя. Я бы утонул в тебе, если бы ты мне позволила. — Его слова зажгли спичку, которая медленно прожигала путь к неизбежному. Он, должно быть, почувствовал это, потому что смотрел на меня с восторженным, хищным выражением лица, пока я дрожала под его пальцами. — Я даю тебе то, что тебе нужно, *amor?*

Ложь сорвалась с моих губ:

— Нет.

Но контролировать себя было похоже на фантазию, когда он завоевывал меня руками и ртом. Я не хотела отдаваться ему, но моя решимость начала рушиться у его ног. Мои соки стекали по бедрам, а сердце билось в такт тому, как он проникал в меня. То, как он сосал и лизал, как будто он никогда не был так полон решимости выжать из меня все удовольствие.

Прошлое отхлынуло волной, и оргазм приблизился.

Именно тогда я почувствовала, как он вздрогнул и снова застонал в мою киску. Он упал на землю у моих ног, проливая свои обещания на плитку. То, что я чувствовала, когда он стоял передо мной на коленях, трахал меня рукой и трахал себя, сводило меня с ума.

Давление лопнуло, и белый свет взорвался позади моих глаз, когда я хлынула ему в рот. Я сохранила контроль, но солгала себе.

Доминик все еще владел мной.

ГЛАВА 34

Доминик

— О Боже, — звук текущей воды почти заглушил стон Алесандры. — О боже... *ох, черт. Дом!*

Она издала сдавленный крик, когда я врезался в нее, звук моего имени разорвал мою сдержанность в клочья. Ее мокрые волосы были обернуты вокруг моего кулака, а ее руки лежали на плитке, пока я безжалостно трахал ее, прислонив к стене. С каждым резким толчком вырывались прерывистые рыдания.

Иногда ей нравилось сладко и медленно; в других случаях ей нравилось быстро и грубо. Было определенное головокружение от осознания того, чего она хочет, и мое подозрение, что она жаждет второго типа, отражалось в том, как ее киска сжимала мой член.

Жар пробежал по моей спине и отбил пульс. Я хотел сказать ей, насколько она хороша, как я хотел похоронить себя внутри нее, пока не сделаю татуировку на каждом дюйме ее сердца и тела, и что она всегда будет моей.

Но я этого не сделал.

Я проглотил слова, которые грозили вырваться из меня, уткнувшись в изгиб ее плеча. Одна рука сильнее сжала ее и потянула ее голову назад; другая скользнула вверх по ее талии и легла на мягкую грудь. Ее сосок напрягся под моей ладонью, когда она отклонилась назад от моих толчков.

— Раздвинь для меня ноги шире, дорогая, — мои зубы впились в ее кожу, превратив мои мягкие слова в твердую команду. — Я хочу увидеть, как мой член растягивает эту милую маленькую пизду.

Дрожь сотрясла стройное тело Алесандры. Она без колебаний подчинилась, и мне почти хотелось, чтобы она этого не сделала, потому что одного вида, как она меня взяла, было достаточно, чтобы поставить меня на колени.

— Прекрасно, — простонал я, настолько включившись, что это было чудо, что я не

взорвался прямо здесь и сейчас.

Мы чертовски идеально подходим друг другу. Ее тело прильнуло к моему, как будто оно было создано для меня. Скольжение в нее было для меня самым близким попаданием на небеса, и, черт возьми, я никогда не хотел уходить.

Входит и выходит, быстрее и глубже. Устойчивый стук воды барабанил по моей спине, когда я погружался глубже, наша мокрая кожа шлепалась друг о друга в грязной, эротической симфонии, которую не мог очистить никакой душ.

Алессандра снова всхлипнула. Она была близко. Я почувствовал характерное напряжение ее мышц и развернул ее прямо перед тем, как она кончила.

Ручейки воды стекали по ее лицу и на грудь, когда она запрокинула голову, ее рот приоткрылся, освобождая место для пронзительного, задышающегося крика, который потряс нас обоих до глубины души.

Я больше не мог сдерживаться. Спазмы от ее оргазма все еще ощущались вокруг меня, когда я вышел из нее и облил ее своей спермой. Душ смыл его раньше, чем мне бы хотелось, а затем мы обнимали друг друга, наши сердца бились синхронно, наше прерывистое дыхание тонуло под постоянным потоком воды. Я хотел заключить этот момент в янтарный цвет, но, как всегда, он закончился слишком рано.

Алессандра высвободилась из моих рук и обошла меня. Холод пробежал по моему телу, когда я выключил душ и наблюдал, как она снимает полотенце, моя грудь уже сжималась от ее предстоящего ухода.

Я не могу обещать ничего, кроме секса.

Именно этим мы и занимались последние три недели. Она звонила мне, когда хотела меня видеть, и я появился. Она ходила на свидания, о которых я никогда не спрашивал, а я отправлял ей приглашения, которые она никогда не принимала.

Это не было чем-то вроде отношений, но если это было все, что она была готова дать, то я бы это и взял.

Я обернул полотенце вокруг талии и последовал за ней в спальню. Сегодня мы встретились в пентхаусе, а не в ее квартире или отеле, что было необычно. Обычно она избегала нашего старого дома, как чумы.

Прошла ли она через парадную дверь и вспомнила наш праздник с шампанским после того, как мы закрыли дом? Когда она подбирала с кровати платье, видела ли она сотни ночей, которые мы провели в объятиях друг друга? Неужели это место так сильно напоминало ей о нас, что простое вдыхание его воздуха казалось ей ударом в сердце?

Потому что это было именно то, что я чувствовал. Дом представлял собой мучительную неопределенность воспоминаний. Меня убило желание остаться, и меня убило желание уйти.

— Тебе пока не обязательно уходить, — сказал я. — Сегодня вечер пятницы. Мы можем заказать еду, посмотреть фильм. Вышел новый фильм Нейта Рейнольдса, — боевики-блокбастеры Нейта Рейнольдса были нашим тайным удовольствием.

Алессандра колебалась, ее взгляд скользнул по нашей кровати и помолвочной фотографии на тумбочке. Мы сделали ее перед библиотекой Тайера, где впервые встретились. Мы наполовину целовались, наполовину смеялись, выглядели такими молодыми и понятия не имели, что нас ждет в будущем, что я почти завидовал себе в прошлом за свою дерзкую уверенность. Камила попыталась спрятать фотографию после того, как Алессандра уехала, и я чуть не уволил ее на месте.

Это фото никто не трогал.

Горло Алессандры дрогнуло. Нерешительность отразилась на ее лице, и опасное семя надежды проросло у меня в животе. Она не отмахнулась от моего предложения, как обычно.

Скажи да. Пожалуйста, скажи да.

— Я не могу, — она отвела взгляд от нашей помолвочной фотографии и закончила застегивать молнию на платье. — У меня... у меня свидание позже.

Ее признание ошеломило меня жестоким ударом. Этого не должно было быть. Я знал, что она встречается с другими людьми; Данте и Кай подтвердили это, основываясь на сплетнях своих девочек. Но знать что-то и слышать это — две разные вещи.

— Ох, — я заставила себя улыбнуться сквозь разбитую оболочку надежды. — Тогда в следующий раз.

— Да, — сказала она тихо. — В следующий раз.

Дверь с тихим щелчком закрылась, и она ушла. Если бы не слабый аромат лилий, я бы сомневался, что она вообще когда-либо была здесь.

Я оделся и включил телевизор, но не смог пройти дальше первых пяти минут фильма с Нейтом Рейнольдсом. Это слишком напомнило мне Алессандру. Я пытался работать, но не мог сосредоточиться. Даже намеренно жестокая сессия в частном спортзале не смогла очистить мою голову.

С кем она была на свидании? Куда он ее взял? Они уже поцеловались? Вздыхала ли она, когда он прикасался к ней, или считала минуты до того, как сможет пойти домой?

Мое воображение мучило меня образами Алессандры и ее безликого спутника жизни, пока я не выдержал. Я схватил телефон и набрал номер единственного знакомого мне человека, не имевшего с ней никакой личной связи.

Он взял трубку с первого звонка.

— Встретимся в «Гараже» через час, — сказал я. — Мне нужно выпить.

«Гараж» был паршивым забегаловкой в Ист-Виллидж, известной своими крепкими напитками и барменами, которым было плевать, плачет ли клиент, рвет его или теряет сознание, пока он платит.

Это было идеальное место, чтобы заглушить свои печали, поэтому в пятницу вечером бар толпился конвейером несчастных на вид мужчин.

— Иисус Христос, — губы Романа скривились, когда он оглядел комнату. — У меня такое ощущение, будто я только что вошел на собрание анонимных людей с разбитым сердцем.

Я опрокинул свою третью рюмку за вечер, не ответив.

— Все так плохо? — он занял место рядом со мной, его черный свитер и брюки органично сливались с мрачной обстановкой бара.

Мы разговаривали несколько раз, но это была наша первая личная встреча после нашей затяжной драки перед Рождеством. Я по-прежнему доверял Роману, насколько мог, но за последний месяц наш бурлящий антагонизм перерос в настороженную осторожность. Он также не был связан с какими-либо более подозрительными смертями, вот и все.

— Алессандра на свидании, — слова казались кислыми на моем языке.

— Разве она не встречалась все это время? — Он сделал знак бармену.

— Бурбон. Чистый.

— Она никогда не говорила мне, что пойдет на свидание сразу после того, как мы занялись сексом.

— Ах, — Роман поморщился, когда официант с пирсингом и татуировками опустил стакан. Темная жидкость разлилась по бокам на липкий прилавок. Он сделал глоток и поморщился сильнее. Алкоголь здесь имел вкус ядерных отходов; это было частью его сомнительного очарования, по крайней мере, так говорили знающие люди.

Некоторое время мы пили молча. Ни один из нас не был человеком, готовым делиться своими чувствами и утешать других, что делало его идеальным партнером по выпивке. Я не хотел повторять свои проблемы с Алессандрой; я просто хотел чувствовать себя менее одиноким.

Если бы кто-то сказал мне три месяца назад, что я буду жалеть себя за дерьмовый виски в Ист-Виллидж, в то время как мой давно потерянный брат молча осуждает меня, я бы спросил, какие наркотики они принимают.

Как пали сильные мира сего. Слава богу, ни Данте, ни Кая не было здесь, чтобы стать свидетелями моих страданий. Они никогда не позволили бы мне услышать конец этого. Роман тоже, но мне не приходилось видеть его каждую неделю.

— Если ты когда-нибудь увидишь меня таким раздираемым из-за женщины, пристрели меня, — сказал он после моего пятого выстрела. — Это жалко.

Определенно не тот тип, который утешает других.

— Ты имеешь в виду, как в тот раз, когда ты плакал, когда Мелоди Кеттлер бросила тебя, чтобы встретиться с тем студентом по обмену из Швеции? — я был не прочь пострелять из старого оружия.

Челюсть Романа сжалась.

— Я не плакал, и она не бросила меня. Мы сделали перерыв.

— Все, что помогает тебе спать по ночам.

— Из всего, что произошло, мой *разрыв* с Мелоди Кеттлер вряд ли помешает мне уснуть, — он допил свой напиток. — Поверь мне.

Зажигалка щелкала в такт ударам моего сердца. Я вытащил ее, когда сел, но мне не хотелось видеть что-то такое красивое в таком уродливом месте.

Из всего, что произошло. Прошло пятнадцать лет. Я не мог себе представить, что видел и делал Роман.

— Насколько плохой была колония для несовершеннолетних?

— Могло быть и хуже, — он не смотрел на меня. — Сколько задниц тебе пришлось целовать, поднимаясь по лестнице?

Напряжение ушло, и злобный смех зашуршал в моем горле.

Возможно, дело было в выпивке. Возможно, дело было в небрежном воздухе, пронизывающем бар. Что бы это ни было, я честно рассказал о том, как я построил Davenport Capital — о связях, стуках в двери и, да, целовании задниц, прежде чем я нашел своих первых инвесторов. Он поделился кусочками своей жизни на протяжении многих лет — различными работами, неприятностями с законом и тренировками по боевым искусствам, которые он продемонстрировал во время нашей ссоры, ублюдоков.

Мы уже нете, кем были раньше, и наши отношения никогда не вернутся к тому, что

было. Но было приятно поговорить с кем-то, кто знал меня до того, как все изменилось, и я стал тем, кого не узнавал.

ГЛАВА 35

Ассандра

Двери лифта распахнулись на моем этаже.

Я вышла, ноги болели после предыдущей прогулки в Мидтаун, а затем в центр города на ужин и напитки. Я могла бы поехать на метро или на машине, но прогулка очистила мою голову. Если у меня не было времени на йогу, которую я продолжала после Бузиоса, я выходила на улицу и бродила по ней, пока не чувствовала себя лучше из-за того, что у меня на уме. В эти дни во время моих странствий регулярно появлялся только один человек.

Я завернула за угол. Кто-то сидел, сгорбившись, возле моей квартиры, прислонившись спиной к стене и вытянув ноги. Рядом с ним на полу лежал помятый пиджак.

— Дом?

— Привет, — он улыбнулся мне, его глаза остекленели. — Ты вернулась.

— Что ты делаешь? — Я возобновила шаги и остановилась перед ним.

В начале года я переехала из квартиры Слоан в свою собственную. Слава Богу, иначе она бы подняла шум из-за этого.

— Я скучал по тебе, — он не встал. Розовый цвет залил его высокие скулы, и он выглядел таким грустным и несчастным, что это задело немало сердечных струн.

— Мы виделись всего несколько часов назад.

— Я знаю.

Мой пульс замедлился, словно его уронили в мед. *Не поддавайся этому, Але.* Но я ничего не могла с этим поделать.

Я снова упала, совсем немного.

— Ну давай же, — я наклонилась и потянула его вверх. — Давай проведем тебя внутрь, прежде чем кто-нибудь увидит и вызовет полицию, — любопытная старушка из дома 6Б

пришла бы в упадок, если бы заметила пьяного незнакомца в своем коридоре.

Доминик ввалился в мою квартиру. Мои брови сошлись вместе, когда я заперла за нами дверь.

— Ты упал в чан с виски? — От него *воняло* алкоголем. Аромат сочился из его пор, заглушая свежие цветы, которые я держала у входа.

— Я выпил с Романом, — он провел рукой по и без того растрепанным волосам. — Я не мог спать.

— Сейчас девять часов, — заметила я. — Немного рано ложиться спать. — Я подвела его к дивану, боясь, что он упадет, если не сядет в ближайшее время. Он раскачивался при каждом шаге.

Я не видела Доминика таким пьяным с тех пор, ну, вообще, никогда. Обычно он тщательно следил за употреблением алкоголя. Он сказал, что видел, как слишком много людей в детстве скатывались к алкоголизму и наркозависимости, и ненавидел потерю контроля, возникающую из-за чрезмерного употребления алкоголя.

Он откинулся на подушки и снова посмотрел на меня.

Его горло сглотнуло.

— Как прошло твоё свидание?

Никакого свидания не было. Вместо этого я посетила курс по изготовлению ювелирных изделий (тот, который я посещала в Бузиосе, мне так понравился, что я записалась на аналогичный мастер-класс в городе), прежде чем припарковаться в баре в Сохо, где я заказала один яблочный мартини, прочитала три главы триллера, рекомендованного Изабеллой, пока люди смотрели. Это была не самая захватывающая ночь, но это было то, что мне было нужно после расставания с Домиником.

— Все было хорошо, — вина охватила меня, разрушая мои мысли. Я ненавидела ложь, но чуть не сдалась, когда в раннее он попросил меня остаться. Я никогда не обнималась и никогда не оставалась ночевать после того, как мы занимались сексом, но находиться в той комнате и видеть кровать, которую мы делили, фотографию с помолвки, которую мы сделали... Ложь о свидании была единственным, что я могла придумать, чтобы удалиться в тот момент.

— Хорошо, — Доминик снова сглотнул. — Надеюсь, он не пригласил тебя поесть тако. Ты ненавидишь тако.

Я не столько ненавидела их, сколько избегала их из-за явной травмы. В колледже я отравилась рыбным тако и с тех пор к нему не прикасалась.

— Он этого не сделал, — почему у меня так сильно болела задняя часть глаз? Должно быть, у меня гормональный фон, если я плакала из-за чертовых тако.

Тишина взяла нас в заложники. Воздух стал влажным, насыщенным ностальгией, и секунды тянулись с таким напряжением, что мои мысли и эмоции превратились в беспорядок.

Взгляд Доминика поглотил мой.

— Ты счастлива, Алессандра?

Искра ясности прожгла его опьянение и проникла в мою душу.

Хотелось бы получить конкретный ответ. Во многом я была счастлива. У меня был процветающий бизнес, замечательные друзья и бурная общественная жизнь. Я открыла для себя новые хобби и впервые в жизни жила независимо, *для себя*.

Но там, где мы были раньше, всегда была пустота.

Отсутствующая деталь, которую мог предоставить только он.

Я не нуждалась в нем, но я так отчаянно скучала по нему, что мне казалось, что он нужен.

— Отдохни немного, — сказала я, уклоняясь от его вопроса. — Поговорим утром.

Доминик не спорил. Когда я достала одеяло из бельевого шкафа и вернулась в гостиную, он уже провалился в сон.

Полоса серебра осветила его нахмуренный лоб и рот. Большинство людей находили покой во сне, но только не Доминик. Что бы ни беспокоило его в течение дня, оно последовало за ним и во сне.

Позже той же ночью я смотрела в потолок, мой ум был беспокойным. Полночь сменилась ранним утром, и воздух был напоен ароматом цветов. Ваза с золотистыми розами стояла рядом с кроватью вместе с запиской, которую я нашла в своей сумке тем днем.

№ 18 из тысячи.

С любовью, Дом

Я закрыла глаза от знакомого жжения.

Доминик был не единственным, кто не мог обрести покой сегодня вечером.

ГЛАВА 36

Я проснулся с адским похмельем.

Отбойные молотки ударили по внутренней части моего черепа с грохотом костей, и мой рот заполнился ватой. Луч солнечного света проник в щель между шторами и чуть не убил меня.

Я со стоном прижала руку к глазам. *Никакого мне больше алкоголя.* Мне нравился хороший Макаллан, но в тот момент мысль о том, чтобы выпить еще каплю виски, заставила мой желудок сжаться.

Что, черт возьми, произошло прошлой ночью? Обычно я хорошо контролировал себя, когда дело доходило до выпивки. Люди делали всякую глупость, когда были пьяны, и я

поставил перед собой задачу делать как можно меньше глупостей.

Трудно было думать о шуме стройки, разрывающем мою голову, но кусочки прошлого вечера медленно просачивались сквозь хаос.

Алессандра. Свидание. Выпивка. Роман. Еще выпивка.

Мой желудок снова свело, как при напоминании о свидании с Алессандрой, так и при воспоминании о дерьмовом дайв-баре, в котором я напился. Неудивительно, что я чувствовал себя ослом. Ничто не унижало человека больше, чем дешевый алкоголь и неверные решения.

— Держи, — смеющийся голос вывел меня из моих страданий. — Это заставит тебя почувствовать себя лучше.

Я поднял голову, и еще один отбойный молоток ударил за это движению.

Алессандра стояла на другом конце дивана, красивая и свежая в желтом сарафане. Влажные каштановые волны коснулись ее плеч, а пьянящие ароматы ее духов и шампуня заполнили мои ноздри.

Я выглядел полным дерьмом, а она выглядела так, словно вышла из сказки.

Просто фантастически. Это было не то, что я имел в виду, когда прошлой ночью принял глупое, пьяное решение ждать возле ее квартиры, как отчаянный подонок. К черту Романа за то, что он меня не остановил; ему позвонили с работы (о чем он отказался рассказать) и оставил меня на произвол судьбы.

— Если ты увидишь, что я снова подхожу к виски на расстояние пяти футов, не стесняйтесь дать мне пощечину, — я заставил себя сесть, чтобы взять предложенную воду и *pastéis* (*прим.* пирожок). Алессандра познакомила меня с жареной выпечкой во время нашей первой поездки в Бразилию, и с тех пор я стал ее фанатом. — Тот, кто изобрел дерьмовые напитки, заслуживает расстрела.

Ее глаза блестели весельем.

— Я никогда не видела тебя с таким похмельем или растрепанным. Мне следует сфотографироваться. Иначе мне никто не поверит.

— Забавно. Поделись, почему бы тебе не сделать это? — Я поднес воду к губам, но был настолько дезориентирован, что пролил немного воды на рубашку. Я произнес красочное проклятие.

Все тело Алессандры дрожало.

— Бесценно, — выдохнула она во время приступов смеха. Она подняла телефон и сделала снимок, ее щеки сморщились в широкой улыбке.

— Клянусь Богом, Але, если я увижу эту фотографию в Интернете, я выложу ту, где ты спишь с открытым ртом в поезде, — пригрозил я, но неохотный намек на веселье дернулся у меня на губах. Трудно было оставаться расстроенным, когда она улыбалась, даже если это было за мой счет.

— Возможно, это того стоит, — она вытерла уголки глаз, ее хихиканье сгладило последние остатки моего раздражения.

— Ты выглядишь счастливой, — сказал я. — Я не помню, когда в последний раз делал тебя такой счастливой.

Может быть, это было временное счастье, но все равно это было счастье. Я заставил ее плакать настолько, что вид ее смеха стоил синяков моему эго.

Юмор Алессандры исчез, растворившись в напряжении, которое внезапно и наэлектризованно вспыхнуло вокруг нас.

— Думаю, это было частью проблемы, — ее грустная улыбка просочилась в трещины моего сердца. — Не было четкой границы между тем, что было *до* и *после* нашего брака. Где-то по пути грань между счастьем и обидой стиралась, и вот мы здесь.

Комок застрял у меня в горле.

— И вот мы здесь.

Мне хотелось бы, чтобы нам не пришлось идти по этой дороге, но часть меня была рада, что мы это сделали. Как бы меня ни уничтожил уход Алессандры, я предпочел бы страдать из-за нашей разлуки, чем позволить ей жить в молчаливом страдании всю оставшуюся жизнь. Наш развод стал для меня шоком, в котором я отчаянно нуждался, чтобы вытащить голову из задницы и осознать, что действительно важно в моей жизни.

Я отложил еду и встал. Нервы замедлили мой темп, но вскоре я оказался перед ней, грудь у меня сжималась, а во рту пересохло. Отбойные молотки в моей голове отступили под охватившую меня боль. Забудьте о похмелье; ничто не ранило больше, чем осознание того, что я причинил ей боль. Это было знание, с которым мне придется жить всю оставшуюся жизнь, но я надеялся, что наше будущее сможет преодолеть ошибки нашего прошлого.

— Помнишь ночь, когда мы закончили уборку после лопнувшей трубы? Мы заказали еду на вынос, а ты спросила, где я должен был быть, вместо того, чтобы быть в магазине.

Алессандра кивнула с настороженным выражением лица.

— Я говорил тебе, что больше нигде мне не хотелось бы находиться, и я не шутил, — сказал я. По натуре я не был любителем делиться. В детстве я держал свои проблемы при себе, потому что больше никому не было до них дела, и я запер свои эмоции в коробку, потому что каждая частичка уязвимости была слабостью, которой могли воспользоваться другие люди. Но последние несколько месяцев медленно, но верно разрушали замок, пока он не развалился на куски у ее ног.

Больше не нужно прятаться. Больше никаких побегов. Либо сейчас, либо никогда.

— Я мог бы сказать, что ты мне не поверила, потому что большую часть десятилетия я провел, живя вне своего офиса, но я не был там все время, потому что мне это нравилось. Я был там, потому что боялся, что, если я уйду, все рухнет, — признание проскользнуло сквозь грохот моего пульса. Это была правда, с которой я слишком долго избегал сталкиваться. Я думал, что деньги и власть могут стереть мою неуверенность в себе, но, хотя они и решили мои старые проблемы, они также породили новые. — Все, ради чего я работал, все, чего достиг. Я посмотрел в окно на город, который, по словам людей, завоевал, и увидел только миллион способов, которыми я могу потерпеть неудачу. Думал, что если накоплю *достаточно*, то наконец буду в безопасности. Но вот в чем дело. — Я проглотил эмоции, обжигающие мое горло. — Я покинул свой офис на несколько недель, когда ездил в Бразилию, и почти не скучал по нему. Но когда я пришел домой и обнаружил, что тебя нет... та ночь, и каждая ночь с тех пор, показалась мне вечностью. *Saudades de você*. — *Я скучаю по тебе. В самом глубоком, самом истинном смысле.*

Алессандра опустила взгляд, а я продолжил.

— Может быть, я переборщил, ожидая тебя после свидания, но я был пьян и несчастен и... — Зубы агонии грызли меня. — Мне нужно было тебя увидеть.

Я приготовился к тому, что она может быть со своим спутником. Я убедил себя, что справлюсь с этим, хотя на самом деле я, вероятно, разбил бы этому ублюдку лицо и все испортил. В этом отношении удача была на моей стороне, но я не чувствовал себя особенно удачливым, стоя там с сердцем в руке и ожидая, что она сделает с ним то, что ей

заблагорассудится. В конце концов, оно принадлежало ей. Так было всегда.

— Вчера вечером у меня не было свидания, — сказала Алессандра тихим голосом.

Двойные стрелы удивления и ликования упали куда-то севернее замешательства.

— Тогда почему...

Она снова подняла взгляд, ее глаза сверкали от волнения.

— Потому что я боялась снова слишком привязаться. В пентхаусе ты попросил меня остаться, и я почти согласилась. Я не хотела... я не... — она судорожно вздохнула. — Я боюсь, что вернусь и снова потеряю себя. Я боюсь, что ты устроишься поудобнее и сотрешь достигнутый нами прогресс. Я не могу пройти через это во второй раз, Дом. *Я не могу*. — Ее фраза переросла в рыдание, и вот так мое сердце выскользнуло из ладони и снова разбилось.

Алессандра

Руки Доминика схватили меня.

— Этого не будет, — яростно сказал он. — Мы зашли слишком далеко. Я не позволю нам вернуться в это место.

Он всегда умел говорить правильные вещи. *Поступить* правильно было намного сложнее, и каждый раз, когда я делала шаг к тому, чтобы поверить ему, какое-то неопознанное существо внутри меня тянуло меня обратно в тень страха.

— Ты не можешь этого обещать. — Я отстранилась от него и вытерла слезы. Боже, сколько раз я плакала за последние несколько месяцев? Я превращалась в одного из тех плаксивых, драматических персонажей телешоу, которых ненавидела, но ничего не могла с этим поделать. Если бы я могла контролировать свои эмоции, мы бы не были там, где были. — Какая разница между тогда и сейчас, Дом? Когда мы поженились, ты стоял рядом со мной и обещал, что я никогда не буду лицом к лицу с миром в одиночестве, — осколки стекла впились мне в грудь. — Но ты сделал.

Эмоции пронеслись по комнате подобно летнему шторму, внезапному и яростному, сметая красивые слова и притяжение, чтобы раскрыть суть происходящего. Несмотря на все то, что сделал Доминик, и на истинное раскаяние, которое он выказал, я не позволила себе по-настоящему расслабиться. Теперь он сожалел, потому что сожалеть было легко. У него

была команда, которая могла справиться с делами, пока он отсутствовал в офисе, и ему повезло, что за время его отсутствия не произошло никаких чрезвычайных ситуаций. Но что произойдет в следующий раз, когда ему придется выбирать между очередным миллиардом долларов и мной? Когда возникнет конфликт между встречей с VIP-клиентом и обычным свиданием в пятницу вечером?

Боль исказила его лицо, но его реакция была тихой и устойчивой.

— Разница в том, что тогда я думал, что мне нечего терять. Теперь я понимаю, что мне есть что терять, — грусть отразилась в его улыбке. — Тебя.

Тебя. Никогда не думала, что одно слово может так ранить.

Во мне бушевала война между тем, чтобы поверить ему и уйти в безопасное место. Еще одно тихое рыдание сотрясло мои плечи, когда Доминик прижался ко мне лбом.

— Дайте нам еще один шанс, — попросил он. — Один последний шанс. Клянусь, я не облажаюсь. Я знаю, что мое слово больше не значит для тебя многого, но скажи мне, чего ты от меня хочешь, и я это сделаю, — его слезы капали в мои собственные. — Что-нибудь. Пожалуйста.

Не было ничего, что он мог бы сделать самостоятельно, чего бы он еще не сделал. Я могла ждать знака от Вселенной, какого-то неопровержимого доказательства того, что Доминик изменился и не вернется к равнодушному трудолику, с которым я жила слишком долго, но знаки были открыты для интерпретации. Они существовали по прихоти невидимой силы, и я устала позволять другим диктовать мою жизнь.

В конце концов, мне пришлось сделать то, что лучше для меня, и следовать своей интуиции, а моя интуиция подсказывала мне, что независимо от того, со сколькими людьми я встречалась или как далеко я пыталась убежать, я не смогу обогнать свое сердце.

— Один последний шанс, — тело Доминика обмякло от облегчения после моего ответа. — Пожалуйста, не разбивай мне сердце, — прошептала я. Это была единственная просьба, которая у меня была.

— Я не буду, — его прерывистое дыхание соответствовало моему собственному. Он снова поцеловал меня, его объятия были такими сладкими и отчаянными, и их поиски проникали в каждую молекулу моего тела. — Я потерял тебя однажды, и я никогда не хочу потерять тебя снова.

У меня не было ничего, кроме веры, которая привязывала меня к его обещаниям, но разве не это было основой любых отношений? Доверие, общение и вера в то, что другой человек любит нас и что мы вместе выдержим любую бурю.

У нас с Домиником не получилось с первого раза, но иногда самыми крепкими вещами оказывались те, что были сломаны и залечены.

ГЛАВА 37

Доминик

Мы с Алессандрой провели все выходные в ее квартире. Ели, разговаривали, занимались сексом. Однажды мы поднялись подышать воздухом, когда ее капризный сосед стучал в дверь и кричал на нас за то, что мы «слишком громкие и вульгарные», но в остальном дни прошли в блаженной дымке.

Мы снова были вместе. Мы больше не были женаты, но спали в одной постели, и она пригласила меня на свое торжественное открытие. Это был гигантский скачок по сравнению с нашими предыдущими маленькими шагами, и кайф продлился до понедельника, когда я приехал в офис на час позже, чем обычно, потому что готовил нам завтрак.

Я посвистывал по коридору, не обращая внимания на широко раскрытые глаза моей команды.

Кэролайн перехватила меня у лифта и последовала за мной в мой офис, где она скрестила руки на груди и посмотрела на меня, как на сбежавшего тигра.

— Вы болеете? Мне нужно вызвать врача?

— Я в порядке, — я включил компьютер и нашел последние цифры. — Почему? Я выгляжу больным?

— Нет. Вы просто... так много улыбаетесь, — она постучала пальцами по руке. — Может быть, мне стоит на всякий случай позвонить доктору Стэнли. У вас несколько важных встреч с клиентами...

— Кэролайн, — я прервал ее. — Я сказал, что я в *порядке*. Итак, у вас есть новости о моей работе, или ты предпочитаешь переключиться на медицинскую карьеру?

Она мгновенно вернулась в режим начальника штаба.

— Ходят слухи, что на этой неделе появится что-то важное в отношении банка, — сказала она. — Я пока ничего не могу подтвердить, но люди нервничают. Что бы это ни было... оно должно быть сейсмическим.

Я слышал такие же слухи. Уолл-стрит изобиловала утечками информации и слухами.

В половине случаев они ничего не значили, но я все равно держал уши востро.

— Продолжайте копать, — сказал я. — Я не хочу никаких сюрпризов.

— Поняла.

Остаток рабочего дня прошел без происшествий. Я вышел из офиса ровно в пять, что вызвало у меня новую волну отвисших челюстей и выпученных глаз. Никто в сфере финансов никогда не уходил с работы вовремя, но все бывает впервые.

— Не задерживайтесь допоздна, — сказал я одному из младших сотрудников, уходя. — Встреться со своей девушкой за ужином. Приятной ночи.

Я предположил, что у него есть девушка. С другой стороны, фотография на столе, где он обнимает улыбающуюся блондинку, была чертовски странной.

Он уставился на меня со странной смесью шока, ужаса и благоговения.

— Д-да, сэр.

По дороге в Floria Designs я зашел в свой обычный цветочный магазин и взяла золотую розу. Обычно они их не продавали, но я сделал так, чтобы они каждый день летали за свежими цветами.

— Привет. Как идут дела? — Я поцеловал Алессандру.

— Хорошо, — она выглядела немного измотанной, но улыбнулась, когда я вручил ей розу и записку: *№ 21 из тысячи*, — Я бегая, как безголовый цыпленок, но в остальном со мной все в порядке.

— Я могу чем-нибудь помочь? — Торжественное открытие Floria Designs состоится в эти выходные. Магазин выглядел великолепно, но Алессандра не успокоится, пока все не закончится. Она была перфекционисткой, когда дело касалось мероприятий.

— Ты можешь клонировать меня или добавить больше часов в день? — она сдула прядь волос с глаза.

— Я могу поручить своим людям разобраться в этом, но я не могу гарантировать тебе ответ, который понравится, до субботы, — я положил руку ей на поясницу и повел к выходу. — А пока давай поедим.

— Я не могу есть. Мне нужно ответить на тысячу писем, я еще не выбрала платье для вечеринки, и я...

— Але, — мы остановились у двери. — Дыши. Все будет сделано. Трейси приедет завтра, верно?

Трейси была одним из ее виртуальных помощников. Она прилетела, чтобы помочь с подготовкой и присутствовать на открытии. Другая помощница Алессандры только что родила, поэтому она не смогла прийти.

— Да, но...

— Все будет сделано, — повторил я. — Когда ты в последний раз ела? Если это было до полудня, ужин не подлежит обсуждению.

— Ладно, — смягчилась она. Когда мы вышли на улицу, мимо проехало такси, окутав нас автомобильными выхлопами и чуть не наехав на посыльного на велосипеде. Велосипедист-курьер выкрикнул что-то непристойное; таксист опустил окно и сбил его с ног. — Забавно, что ты говоришь мне есть, хотя ты всегда пропускаешь обед.

— Не всегда, — я держал руку на ее пояснице и осторожно перемещал ее, так что я пошел по тротуару. — Сегодня я выпил черный кофе и половину сэндвича, — в ее полувесёлом, полураздражённом взгляде мелькнула улыбка.

После ужина у нее еще были дела, поэтому я отвел ее в магазин гамбургеров для гурманов, расположенный дальше по улице от Floria Designs. Мы только что разместили заказы, когда на моем телефоне появилось новое сообщение.

— Это твой брат? — Алессандра точно прочитала, как я сдвинул бровь.

В мире был только один человек, который вызвал у меня такую реакцию.

— Да. Он хочет встретиться, чтобы выпить. — Мне не хотелось отталкивать его после его первого нормального контакта (взлом и проникновение в мою квартиру не в счет), но я, черт возьми, также не собирался покидать Алессандру.

— Скажи ему, чтобы он встретил нас здесь. Я серьезно, — сказала она, когда я бросил на нее недоверчивый взгляд. — Ты так много о нем говоришь, и нам придется в конце концов встретиться.

— Я не уверен, что он любитель гамбургеров с картошкой фри.

— Все равно спроси, — Алессандра потянулась за газировкой. — Это не повредит.

Алессандра

Я пожалела, что попросила Доминика пригласить его брата, как только он появился.

Роман был таким же красивым и тревожным, каким я его помнила. Он приветствовал меня прохладной улыбкой и был достаточно вежлив, но было в нем что-то такое, что вызывало тревогу пятого уровня. Может быть, дело в том, что он двигался, словно хищник, преследующий ночь, а может, дело в льду, сковывающий его холодный зеленый взгляд. Доминик был безжалостным, но очень человечным; в глазах его брата не было никакой человечности.

— Дом говорит, что ты приехал в город по работе, — я попыталась завязать разговор после того, как наша предыдущая дискуссия о последнем фильме Нейта Рейнольдса утихла. — Чем ты занимаешься?

Он разрезал свой бургер с хирургической точностью.

— Я в резолюциях.

— Что это значит?

— Я решаю проблемы, которые другие люди не могут решить, — Роман больше ничего не добавил.

Я взглянула на Доминика, который встретился со мной взглядом и слегка покачал головой. Он привык к сдержанности своего брата, но одна из причин, по которой я попросила его пригласить Романа, заключалась в том, чтобы мы могли лучше узнать друг

друга.

— Понимаю, — я заполнила наступившую тишину еще одной попыткой вытащить Романа из его скорлупы. Должна была быть какая-то тема, которую он мог бы развить. — Я полагаю, тогда ты много путешествовал. Где ты был до того, как приехал в Нью-Йорк?

— То тут то там, — еще один чистый кусок мяса и хлеба. — Я не могу много говорить о работе. Это конфиденциально. Вы понимаете.

— Позволь мне угадать. Если бы ты мне рассказал, тебе пришлось бы меня убить? — я пошутила.

Улыбка Романа не затронула его глаза.

— Что-то вроде того.

От холода у меня побежали мурашки. Снова наступила тишина, прерываемая случайным звоном столового серебра и болтовней за соседними столиками.

— Ты смотрел слишком много боевиков, Ром, — сказал Доминик, когда тишина стала невыносимой. — В следующий раз придумай что-нибудь более оригинальное.

Роман тихо рассмеялся. Напряжение рассеялось, сменившись спором о том, какой персонаж лучше — Джон Уик в исполнении Киану Ривза или Джейсон Рат в исполнении Нейта Рейнольдса.

Думаю, Роман был бы не против поговорить о кино, если бы его брат поднял эту тему.

Рука Доминика нашла мою под столом и сжала. Я сжала в ответ, даже когда тревога просочилась в мою кровь. Мне нравилось, что он восстанавливает связь со своим братом, но я беспокоилась, что его сохраняющаяся вина за то, что произошло в Огайо, затуманивает его рассудок.

Что он действительно знал о жизни Романа с тех пор, как они были подростками?

— А что насчет тебя, Алессандра? — Взгляд Романа снова остановился на моем лице. — Джон или Джейсон?

— Ни то, ни другое, к сожалению. Я не особо разбираюсь в фильмах об убийцах.

Еще один смешок, на этот раз содержащий намек на что-то, что я не мог точно определить.

— Очень жаль. Вы пропускаете.

— Я в этом сомневаюсь, — сказала я легко. Я не была фанатом крови и насилия.

Взрывы и автомобильные погони, да. пытки, нет

В глазах Романа мелькнуло насмешливое веселье, а по моей коже покрылись очередные мурашки. Было в нем что-то...

Я старалась не судить о людях по их прикрытию, но инстинкт подсказывал мне, что он из тех, кто любой ценой устранит любые препятствия, стоящие на его пути.

И моя интуиция редко ошибалась.

ГЛАВА 38

Доминик

Я прошел через весь кабинет и остановился перед предпоследней стойкой.

— Вот это, — я выбрал блестящее золотое платье.

— Прекрасный выбор, — Лайла Амири улыбнулась. — Это будет смотреться на ней чудесно. Могу ли я отправить его прямо в ее квартиру?

— Да. Запишите эту сумму на мой счет.

Поскольку у Алессандры не было времени искать наряд для торжественного открытия, я попросил одного из ее любимых дизайнеров принести ей подборку платьев, которые могли бы ей понравиться. Я подумал, что золотой ей больше всего подходит. В этом цвете она всегда выглядела хорошо, а фасон был простым, женственным и элегантным.

Я уже отметил начало в своем календаре, установил будильник и поручил Кэролайн и Марте напомнить мне, если я каким-то образом забуду об этом в субботу. Я учился на своих ошибках. Я больше не пропустил ни одного свидания за чашечкой кофе, ни тем более чего-то столь важного для Алессандры.

Наши возобновленные отношения все еще находились на экспериментальной стадии, но мы быстро приспособились к новой, лучшей норме. Случайные свидания, ленивые выходные, частые звонки и сообщения... они напомнили мне, когда мы впервые начали встречаться в колледже. Разница заключалась в том, что я больше ценил то, что у нас было, и то, что я почти потерял. Мне также больше не нужно было собирать центы и доллары на вкусную еду, что было приятным бонусом.

Я устроился за своим столом, когда Марта вывела Лайлу и ее ассистентку из моего кабинета. Мои сотрудники приспосабливались к моему более спокойному графику. Черт возьми, я приспосабливался к своему расписанию. После многих лет изнурительной работы в ущерб всему остальному мне казалось странным надолго отключать телефон и не наблюдать за восходом луны из окна своего офиса каждую ночь. Отдыхать в Бразилии — это одно, а отдыхать в Нью-Йорке — совсем другое.

Я не ненавидел это. Страх потерять все, что я построил, все еще был, но голоса перешли от криков к шепоту.

Я только что узнал номера своего последнего приобретения, когда у меня зазвонил

телефон. *Кай*.

Вид его имени вызвал прилив адреналина. Он никогда не звонил посреди рабочего дня, если не было важных новостей, и, будучи генеральным директором крупнейшего в мире медиа-конгломерата, он держал руку на пульсе больше, чем кто-либо из моих знакомых.

— Проверьте свою электронную почту, — ни приветствия, ни прощания, прежде чем он повесил трубку. Новости, должно быть, чертовски огромные.

Чутье подсказало мне, что это связано со слухами, бушующими на Уолл-стрит на прошлой неделе, и быстрый щелчок мышью подтвердил мою правоту.

Фондовый рынок закрылся через одну минуту. Это было лучшее время для тех, кто хотел бросить бомбу, которая могла бы перевернуть торговую сессию следующего утра, что и сделал анонимный информатор.

Кай прислал мне адаптированную для дислексиков версию официального документа, в котором утверждалось о крупном мошенничестве в DBG, крупном региональном банке. Фальшивые сделки, проблемы с платежеспособностью, сокрытия на высшем уровне руководства. Если бы обвинения были правдой, это был бы один из крупнейших случаев банковского мошенничества в истории США.

Рынки собирались превратиться в кровавую баню. Я был бы удивлен, если бы DBG сохранил хотя бы часть своей стоимости к концу недели.

Последствия и возможности наполнили мой разум потрескивающим, кружащимся гулом. Адреналин сильнее закачался в моих венах и выбил мой. Адреналин сильнее заструился по моим венам и заставил мое сердце забиться быстрее.

Это было оно. Кризис, которого я ждал.

— Сэр, — Кэролайн появилась в дверях с бледным лицом. Какофония позади нее подсказала мне, что мы были не единственными, кто читал официальный документ.

Крики и ругательства раздавались сквозь пронзительный звонок телефонов; сотрудник промчался мимо и чуть не сбил Кэролайн. Она не спросила, слышал ли я эту новость; она знала лучше.

— Что Вы хотите делать?

Всю свою карьеру я ждал, чтобы оставить свой след, и мне это удалось во многих отношениях, но моих предыдущих достижений было недостаточно. Хотя что я имел в виду? Этого было бы более чем достаточно. Это сделало бы меня легендой.

— Пригласи всех, включая юристов, финансистов и совет директоров, — я стоял, моя кровь электризовалась от возможности. — Мы покупаем банк.

Хаос начался в ту же секунду, как я проснулся в пятницу, и продолжался до поздней ночи.

Как и предсказывалось, акции DBG упали до рекордно низкого уровня, а безумие средств массовой информации спровоцировало массовое изъятие депозитов, что менее чем за сутки поставило один из крупнейших региональных банков на востоке Соединенных Штатов на грань банкротства.

Мой план был прост. Чтобы DBG оставалась платежеспособной, ей срочно требовался

капитал, а у меня было много капитала — достаточно, чтобы выкупить ее на выходных, прежде чем она полностью рухнет.

Жесткие сроки означали, что моя команда работала круглосуточно, чтобы привести все в порядок. DBG был полностью вовлечен в процесс, и мы поддерживали с ними постоянную связь в течение дня.

В полночь мы все еще находились в наспех оборудованной боевой комнате рядом с моим офисом, когда у меня зазвонил телефон.

Неизвестный абонент.

Либо это был тот человек, который издевался надо мной осенью... Роман сказал, что это не он, но я все равно был настроен скептически — или это был очередной журналист. Новости о моем предстоящем выкупе просочились со стороны DBG, и я отвечал на звонки весь гребаный день.

— Что? — рявкнул я. Я подал знак моему главному адвокату. Он подбежал и взял стопку бумаг, которую я сунул ему в руки.

— Не покупайте банк, — искаженный голос как кинжал пронзил мой рабочий туман. Я замер, ощущение холода проползло по горлу и проникло в легкие. — Если ты это сделаешь, ты умрешь.

ГЛАВА 39

Я не пошел домой в пятницу вечером. Я несколько часов поспал в комнате, которую обустроил сразу после ухода Алессандры, когда не мог спать один в нашей постели, и проснулся до восхода солнца, чтобы закончить оформление документов. Большая часть моей команды тоже разбилась в офисе.

Покупка банка была огромным событием не только для меня, но и для всей компании, и воздух был наполнен коктейлем из нервов, волнения и напряжения. До понедельника все может пойти не так; наша работа заключалась в том, чтобы убедиться, что ничего не произошло.

К вечеру субботы я уже отбросил вчерашний звонок на задворки своего сознания. Против выкупа было немало людей, в том числе руководители других региональных банков. Крах DBG принес бы им пользу в долгосрочной перспективе, и никто из них не устоял перед запугиванием. Однако я сомневался, что кто-то из них выполнит угрозу убийством.

— Мы почти закончили, — глаза Кэролайн окружали темные круги. Позади нее на столе для переговоров валялись коробки с едой, кофейные чашки и стопки документов.

— Контракты будут готовы не позднее утра.

— Хорошо, — я проверил часы. Мне придется вскоре уехать, чтобы успеть на торжественное открытие Алесандры вовремя. — Звоните мне, только если это чрезвычайная ситуация. Я не хочу ни одного сообщения, если только кто-то не погиб или здание не сгорело дотла.

Кризис DBG снес нас бульдозерами в самые худшие выходные из возможных, но я бы справился с этим. Как сказала Кэролайн, мы были на финишной прямой, и я верил, что моя команда удержит оборону до утра. Остаток вечера был посвящен Алесандре.

Кэролайн спокойно приняла мой приказ.

— Поняла.

Я быстро принял душ и переоделся в ванной комнате моего офиса. Две минуты, чтобы спуститься вниз. Тридцать минут, чтобы добраться до торжественного открытия, в зависимости от того, насколько плохим будет движение. Времени было мало — я задержался дольше, чем нужно, чтобы закрепить важный пункт контракта, — но это было выполнимо.

Я бросился в лифт и нажал кнопку вестибюля.

Сорок. Тридцать девять. Тридцать восемь. Лифт проезжал каждый этаж с мучительной медлительностью. Впервые я пожалел, что разместил свой офис на верхнем этаже штаб-квартиры Davenport Capital. Он остановился на тридцатом этаже. Двери открылись, но на другой стороне никого не было. Двадцать пятый этаж, то же самое.

Я еще раз посмотрел на часы. Мои шансы прийти вовремя сокращались с каждой секундой. Я чертовски надеялся, что боги дорожного движения будут на моей стороне, иначе меня трахнут.

Я снова остановился на семнадцатом этаже.

— Черт возьми! — Мне нужно было поговорить с руководством здания об этих чертовых лифтах. Я потянулся, чтобы нажать кнопку закрытия, но тихий *щелчок* привлек мое внимание.

Черный металл сверкнул в нескольких дюймах от моего лица, его ствол был таким же устойчивым и непоколебимым, как и рука, которая его держала.

Ударные волны прокатились по моему телу. *Нет.* Возможно, я был в бреду от недостатка сна, потому что это не имело никакого смысла. Но каким-то извращенным образом это произошло.

Я должен был догадаться. Медный привкус предательства подступил к моему горлу, когда взгляд Романа встретился с моим.

— Мне жаль.

Искреннее сожаление прозвучало в его голосе, когда он посмотрел мне в глаза и нажал на спусковой крючок.

Александра

Явка на торжественное открытие превзошла мои ожидания. Если бы мы с Домиником все еще были женаты, это было бы несложно, потому что всем хотелось близости к имени Дэвенпорт. Но тот факт, что мы развелись, и каждый VIP, которого я пригласила, присутствовал и был учтен? Это было удивительно.

Быстрый осмотр комнаты показал, что Баффи Дарлингтон общается со светскими людьми из старой гвардии, в то время как Тилли Денман правила новой волной ИТ-девушек. Аяна выглядела великолепно в изумрудном платье, Себастьян Лоран впервые появился в обществе после фиаско в Le Boudoir, а Ксавье Кастильо бездельничал в бархатной кабинке, его взлохмаченные темные волосы и ленивая ухмылка привлекали множество восторженных взглядов, хотя его глаза оставались на Слоан. Я даже заметила известного затворника Вука Марковича, чье массивное тело со смехотворной легкостью затмевало его стул.

Это должна была быть лучшая ночь в моей жизни. И все еще...

Я взглянула на часы. Вечеринка началась полчаса назад, а Доминика еще не было.

В моем нутре прошептала тревога. *Он будет здесь.* Вероятно, он застрял в пробке. Субботние вечера на Манхэттене выдались адскими для водителей.

Я сделала бодрящий глоток шампанского и старалась не пролить его на платье. Лайла Амири отправила его мне домой в четверг вечером благодаря любезности Доминика, который проделал невероятную работу по выбору идеального цвета и фасона. Он хорошо знал меня и явно помнил, что мероприятие состоится сегодня вечером, если он потрудился купить для меня платье.

Он будет здесь, — повторила я про себя.

— Поздравляю, детка! — Появилась Изабелла с напитком в руке и Каем на буксире. Она заключила меня в огромные ароматные объятия. — Посмотри на все это. Это *потрясающе*.

— Спасибо, — я улыбнулась и попыталась отбросить свои тревоги. Она была права.

Вечер был потрясающим, но из-за этого у меня голова шла кругом.

Я открыла физический магазин менее чем за четыре месяца. Конечно, на моей стороне

были удача, связи и стабильный денежный поток, но это достижение стоило отпраздновать, независимо от того, сколько людей пришло сегодня вечером.

Я поставила цель *перед собой*, ни перед кем другим, и добилась ее. Гордость развеяла мои прежние опасения, и я немного поболтала с Каем и Изабеллой, прежде чем пообщаться с другими гостями, которых видела не так часто.

— Нам следует сесть, — услышала я голос Данте, проходя мимо него и Вивиан, у которой был малейший намек на шишку. Тревога пронизывала его тон. — Я прочитал статью, в которой говорилось, что во время беременности не следует находиться на ногах, а ты стоишь уже несколько часов.

— Прошло сорок минут, — сказала Вивиан. Она похлопала своего обеспокоенного мужа по руке. — Я в *порядке*. Я беременна, а не недееспособна.

— Что, если...

— А что, если мы возьмем еще одно из этих восхитительных канапе? Отличная идея. Ну давай же, — она направила его к столу с едой. — Мне очень хочется соленых огурцов, а тебе нужно выпить.

Я сдержала смех. Данте всегда защищал Вивиан, но его беспокойство усилилось после ее беременности. Я была удивлена, что он не обернул ее пузырячатой пленкой и не приклеил к себе, пока она не родила.

— Привет, Себастьян. Большое спасибо, что пришел. — Я решила поздороваться с другом Доминика, который столкнулся с бурной реакцией СМИ после смерти Мартина Вэллгрю на его мероприятии. Себастьян всегда был милым и искренним, что было редкостью в высшем обществе Манхэттена, и он не заслуживал несправедливого отношения со стороны прессы.

— Я бы не пропустил это, — в его улыбке отразилась тень усталости. — Поздравляю с магазином. Он выглядит замечательно.

— Спасибо, — сочувствие смягчило мой голос. — Как дела?

— Могло быть и хуже, — он пожал плечами. — *C'est la vie* (*прим.* Такова жизнь). СМИ делают то, что делают СМИ. Посмотри на Доминика и DBG.

Моё сердце колотилось при внезапном и неожиданном упоминании имени Доминика. Фиаско DBG доминировало в заголовках с четверга, но у нас не было возможности поговорить лично, потому что я была занята подготовкой к вечеринке, а он был занят выкупом акций.

— Что ты имеешь в виду?

— Просто они сходят с ума от новостей о выкупе, в зависимости от того, на чьей стороне они встанут, — Себастьян покачал головой. — Это огромное событие, но эти выходные, должно быть, будут сумасшедшими для Дома и его команды. Я слышал, что никто не выходил из офиса со вчерашнего утра. Могу поспорить, им придется поработать и сегодня вечером.

— Верно, — я проглотила растущий комок в горле. — Имеет смысл. Что ж, еще раз спасибо, что пришел. Не забудь захватить подарочный пакет перед уходом.

Могу поспорить, что им придется поработать и сегодня вечером.

Слова Себастьяна эхом звучали в моей голове, пока я бродила по комнате. Я попыталась сосредоточиться, но не могла избавиться от мысленного образа Доминика, изучающего свои документы, настолько поглощенного своей работой, что он забыл обо всем остальном.

Нет. Он сказал, что будет здесь. Несколько часов назад он написал сообщение,

пообещав, что скоро будет в пути. Он больше не откажется от своего слова. Верно?

Однако, чем больше проходило времени, тем туже веревка страха обвивалась вокруг моей груди. Препятствия я бы объяснила его отсутствием. Выкуп DBG был рекордной сделкой, которую необходимо было завершить в кратчайшие сроки; *конечно*, Доминику следовало бы отдать предпочтение этому, а не открытию небольшого магазина. Это имело практический смысл.

Но в этом и была проблема. Наш брак распался, потому что мы слишком сосредоточились на практичности и недостаточно на наших чувствах, включая то, что я всегда ощущала, что была на втором месте после работы.

Он знал, что я сейчас чувствую, и неоднократно обещал, что изменится. Но это было его первое большое испытание с тех пор, как мы снова начали встречаться, а его здесь не было.

Мое сердце сжалось. Я бы не возражал, если бы зашел ненадолго. Даже если бы он показал то свое лицо на две минуты, прежде чем помчаться обратно на работу, я бы поняла, потому что, по крайней мере, это означало, что он вспомнил и нашел время, чтобы увидеть меня.

Но по мере того, как шли минуты и вечеринка подходила к концу, стало ясно, что Доминик вообще не придет.

ГЛАВА 41

Я отреагировал инстинктивно.

Я схватил Романа за руку за долю секунды до того, как он нажал на спусковой крючок; выстрел прошел мимо, пуля зазвенела о сталь, когда мы упали обратно в лифт, и двери закрылись.

Его пистолет с грохотом упал на пол. Мы одновременно бросились к нему, но Роман ударил локтем мне в грудную клетку как раз в тот момент, когда мои пальцы коснулись металла.

Стук и хрюканье, кулаки по плоти. Воздух покинул мои легкие, сменившись отчаянной,

первобытной потребностью в выживании.

Я не позволял себе думать. Если бы я это сделал, мне пришлось бы выяснить, кому принадлежал пистолет. На чей номер я звонил, когда мне нужно было с кем-то поговорить. Чье появление в моей жизни я принял, несмотря на опасения, потому что однажды допустил ошибку и позволил сентиментальности взять надо мной верх.

В отличие от нашей драки в пентхаусе, в этой не пролилась кровь, но синяки были сильнее, чем любой из наших предыдущих ударов.

Роман наконец взял верх, когда зазвонил мой телефон и на долю секунды отвлек мое внимание. Взмах его руки, и я был прижат к стене с пистолетом, приставленным к подбородку.

Мы уставились друг на друга, наши дыхания были тяжелыми от напряжения и чего-то более глубокого, чем физическая борьба.

Мой телефон перестал звонить. Наступившая тишина была такой огромной и напряженной, что исказила тон моего голоса.

— Я тоже рад тебя видеть, Ром, — прохрипел я. Где-то в темных уголках моего сознания я понял, что лифт остановился. Должно быть, мы нажали аварийный выключатель. — Теперь ты можешь сказать мне конкретно, что это за херня?

Туман шока постепенно рассеялся, уступив место тысяче вопросов без ответов. Например, какого черта мой брат пытался меня убить и почему, если он хотел моей смерти, он не попытался закончить работу раньше. У него было много возможностей за последний месяц, когда моя бдительность была ослаблена.

Почему сейчас? Почему здесь? И почему в его глазах выражение сожаления, когда он нажал на курок?

У Романа дернулась челюсть.

— Я не могу позволить тебе заключить сделку.

Что? Осознание пронзило чувство предательства, кипящее в моем нутре.

— DBG? Речь идет о чертовом банке?

— Я пытался тебя предупредить.

Не покупай банк. Если ты это сделаешь, ты умрешь. Станный звонок прошлой ночи всплыл на поверхность с предельной ясностью.

— Ты сказал, что не стоял за неизвестными звонками. — Я осознал абсурдность своего обвинения. Если он не был выше убийства, то уж точно не выше лжи.

— Не те, что с осени, — глаза Романа замерцали под светом. — Это были они. Они были... недовольны тем, что я связался с тобой. Эти звонки были предупреждением больше для меня, чем для тебя.

Кровь стучала в ушах. *Они.*

— На кого ты работаешь? — У меня были подозрения, но я хотел, чтобы он это сказал.

— Я не могу тебе сказать, — его хватка крепче сжала пистолет. — Допустим, я попал не в ту компанию.

— Типичный Роман.

Он не улыбнулся.

— Я бы хотел, чтобы мне не приходилось этого делать.

— Так не надо, — мои глаза не отрывались с его. — Кто бы они ни были, их здесь нет. Есть ты и я. Вот и все.

Я болезненно ощущал холодный металл на своей коже и тикающие секунды. Был

большой шанс, что я не выйду из этого лифта живым, и единственное, о чем я мог думать, это Алессандра.

Торжественное открытие шло полным ходом. Она думала, что я забыл о ней? Что я не собирался показываться, потому что был слишком занят выкупом банка? Это был ее важный вечер, и я мог испортить его, как и многое другое в прошлом.

Я не так боялся умереть, как боялся никогда больше ее не увидеть. Сожаление переросло в решимость. *К черту это.* Мы только что снова сошлись, и вся наша жизнь была впереди. Я не собирался отпускать это без боя.

— Почему тебя так волнует банк? — Я запнулся. Если бы я мог отвлечь Романа хотя бы на секунду... — Какая разница в моем выкупе?

— Для меня — никакого. Это чертовски важно для моего клиента.

— Это забавно, — на моем языке появился едкий привкус. — Ты так много говорил о лояльности, но вот ты здесь, предпочитаешь клиента брату. Вот тебе и семья.

Его челюсть снова дернулась.

— Не вешай это на меня. Если бы ты послушал...

— Анонимного звонившего, использующего искажатель голоса? Не могу себе представить, почему бы мне не воспользоваться деловым советом от такого человека, — я едва мог слышать свой голос сквозь стук сердца. — По крайней мере, будь честным. Какая-то часть тебя всегда хотела это сделать. Ты хотел заставить меня заплатить за предательство, и это твой шанс. Так сделай это. Прямо сейчас, лицом к лицу. Ты ждал этого пятнадцать лет, — я схватил его за запястье и сильнее прижал пистолет к своей коже. — *Сделай это.*

Нажми.

Мое сердце билось быстрее, чем я дышал. Кислород превратился в осадок, и едкость царапала мою кожу, как лезвия бритвы.

Глаза моего брата сверкнули, и на секунду, всего на секунду я подумал, что это все.

Но затем Роман прошипел проклятие, и ощущение металла исчезло от моей кожи. Он отступил назад, его пистолет все еще был направлен на меня.

— Если я не убью тебя, — сказал он, — они убьют нас обоих. Если только... — я ждал, находясь между облегчением и страхом. — Ты отказываешься от сделки. Уходишь от DBG, Дом, и, возможно, я смогу убедить их оставить нас в живых.

— Сделано.

— Не лги мне, — Роман знал меня слишком хорошо, чтобы поверить мне на слово. — Если я позволю тебе уйти, а ты все равно завершишь выкуп, никакие меры безопасности не смогут спасти ни тебя, ни меня. Речь больше не пойдет о клиенте. Речь пойдет об их репутации, и они пойдут *на все*, чтобы защитить свою репутацию. Поверь мне, — тени прокрались в его глаза, отголоски ужасов, которые лучше было бы оставить погребенными.

Удар моего пульса заставил мои вены заболеть.

Я планировал сделать именно то, что он подозревал. Я выйду, подпишу сделку и выслежу того, кто стоит за этим сегодня вечером. Я не успокоюсь, пока *они* не умрут, каждый из них.

— Это банк, — Роман не сводил с меня взгляда. — Один банк. Стоит ли оно того, что ты можешь потерять?

Стук усилился.

Это должно было быть несложно. Отказаться от сделки и жить, не оглядываясь каждый день. Но выкуп DBG касался *неодного банка*. Это была кульминация всего, что я пытался

сделать с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы понять, что мне не обязательно оставаться в своем дерьмовом городе.

Никто никогда не покупал банк такого размера до тридцати пяти лет. Я был бы первым. Было бы плевать на каждого скептика, с которым я сталкивался, и на каждого учителя, который говорил, что я ничего не значу. Что бы ни случилось потом, это гарантировало бы, что я войду в учебники истории.

Увековеченный. Не стираемый.

Это было бы безопасностью и моим наследием.

Я не боялся таинственного покровителя Романа. У меня были свои связи и достаточно денег, чтобы похоронить их заживо. Но победа не была гарантирована, и я был не единственным, кто рисковал.

Насколько я был готов рискнуть, чтобы достичь всего, чего я когда-либо хотел?

— Мяч на твоей площадке, Дом, — сказал Роман тихим голосом. — Что ты выберешь? Твое наследие или наша жизнь?

ГЛАВА 42

Александра

Он ни разу не появился.

Вечеринка завершилась рано из-за надвигающейся грозы, которая отвезла людей домой до того, как они попали под наводнение, но я не возражала. Торжественное открытие уже имело ошеломляющий успех, и за ночь я исчерпала свою социальную энергию.

К тому же, было трудно улыбаться и притворяться, что все в порядке, когда мое сердце разрывалось до того, как оно полностью зажило.

— Может быть, он попал в аварию, — сказала Изабелла. — Он мог бы быть в больнице прямо сейчас, пытаясь оторвать капельницу, чтобы выбежать и увидеть вас. Я уверена, что он не забыл.

— *Иза*, — Вивиан пристально посмотрела на нее. — Не шути о таком.

— Что? Происходят странные вещи, — Изабелла закусилла нижнюю губу. — Я не верю, что Доминик забыл или решил не приходить. Не после всего, что он сделал, чтобы вернуть Алессандру.

— Вы двое, — Слоан указала на Данте и Кая, которые застыли в унисон. Никто не хотел быть объектом ее гнева. — Где ваш друг?

— Он не ответил на наши звонки, — Кай пришел в себя первым и ободряюще улыбнулся мне. — Я уверен, что он уже в пути. Вероятно, его задержали.

— Или ограбили, — сказал Данте. Он пожал плечами, когда Вивиан перевела на него свой убийственный взгляд. — Мне жаль, *mia cara*, но это возможно.

— Ребята, все в порядке, — усталость истощила мой словарный запас до самого необходимого. — Это не ваша проблема. Идите домой. Я приберусь.

— Я помогу, — Слоан схватила мешок для мусора.

— Нет, — твердо сказала я. — Ты сделала достаточно.

— Но...

— Ты не можешь...

Несмотря на их протесты, через несколько минут я выгнала своих друзей за дверь. Я ценила их заботу, но мне хотелось побыть одной.

Я проделала все необходимые действия, выбросив мусор и убрав остатки еды в холодильник. Это было похоже на то, как будто я смотрела, как кто-то косплеит меня; она выглядела как я и двигалась так же, как я, но *чувствовала* себя не так, как я. Она была незнакомкой, которая косплеила жизнь моей мечты.

Я остановилась перед коллажем, на создание которого потратила несколько недель. Оно занимало всю правую стену. Яркие, насыщенные лепестки постепенно исчезли до приглушенных коричневых оттенков, которые доминировали в центре произведения, прежде чем намек на цвет вернулся на холст.

Жизнь, смерть, возрождение. Это не было тонким, но я и не хотела, чтобы это было так. Я хотела, чтобы это напоминало о том, что я оставила и во что никогда больше не хотела возвращаться.

— Але.

Моя спина напряглась от голоса позади меня. Мне следовало запереть дверь, но меня слишком отвлекло присутствие Доминика. Мои инстинкты самосохранения улетучились, как только он появился на сцене.

— Ты опоздал, — я не повернулась, боясь, что если я это сделаю, то заплачу и никогда не остановлюсь.

— Дорогая...

— Нет, подождите. Это неверно, — разочарование нарушило ритм моих слов. — Ты не опоздал; ты просто не пришел. Вечеринка окончена, Доминик. Тебе не нужно быть здесь.

— Нет, должен, — его присутствие коснулось моей спины, отяжелевшей от сожаления, и я закрыла глаза, сдерживая слезы, когда его рука нежно коснулась моей руки. — Потому

что ты здесь.

— Тогда где ты был раньше? Ты был на работе?

Тишина.

— Да или нет, Доминик.

Еще одно, более глубокое молчание раздробило мое сердце.

Затем так тихо, что я почти не слышала его: — Да.

Слеза скатилась с моего подбородка, и коричневые цвета в центре слились в одного аморфного монстра, раскрасившего все оттенки моего мира.

Когда я научусь?

— Но это не то, что ты думаешь. — Его руки схватили меня за плечи, и он развернул меня, встретив мои мучительные глаза своими. Отчаяние отразилось на его лице. — Я хотел быть здесь, *amor*. Я клянусь. Я уже был в пути, когда... Боже, ты бы не поверила, если бы я тебе рассказал.

— Испытай меня, — я не должна ему потакать. За эти годы я слышала все мыслимые оправдания — *это была чрезвычайная ситуация, на кону стояло пятьсот миллионов, премьер-министр пригласил меня на ужин, и я не мог отказать* — и мне не нужно было еще одно. Но мне действительно нужно было завершение, и если бы я не спрашивала, мне всегда было бы интересно.

— Это был Роман.

Меня охватило удивление. Этого я не ожидала.

— Признаюсь, я задержался дольше, чем следовало, работая над контрактом, — сказал Доминик. — Я торопился попасть на твою вечеринку вовремя, когда... столкнулся со своим братом.

Я слушала, разрываясь между опасной надеждой и скептическим неверием, пока он объяснял, что произошло: от лифта до пистолета и до ультиматума его брата.

— Я знаю, это звучит совершенно невероятно, но это то, что произошло, — сказал он, когда закончил. — Я клянусь.

Я не знала, что и думать. С одной стороны, то, что он сказал, было настолько нелепо, что я почти оскорбилась: он думал, что я куплюсь на это. С другой стороны, именно поэтому это было правдоподобно. Доминик не был склонен к преувеличениям. Его оправдания всегда основывались на реальности, а не на историях, которые могли бы стать сюжетом фильма Нейта Рейнольдса.

— Если ты мне не веришь, посмотри в Интернете. Я опубликовал заявление для прессы о сделке, которое должно было быть опубликовано... — он взглянул на часы, — ...десять минут назад. Роман не отпустил бы меня, если бы я не подтвердил это прессе.

Ощутимые волны напряжения исходили от него, когда я вытащила телефон, мое сердце подпрыгнуло к горлу

Я не смела надеяться, но когда увидела заголовок, что-то внутри меня обрушилось.

В шокирующем заявлении, сделанном поздно вечером, Davenport Capital объявила, что больше не приобретает DBG Bank. Банк, находящийся в боевой готовности, находится под огромным давлением с четверга...

— Очевидно, я не рассказал им о Романе, но это доказывает, что то, что я сказал о расторжении сделки, правда, — сказал Доминик. Его горло тряслось, выражение лица было нервным. — Я бы не сделал этого, если бы меня не заставили. Ты знаешь, я... черт, — нервы уступили место тревоге, когда из моего горла вырвался крошечный всхлип. — Пожалуйста,

не плачь, *amor*. Я не могу этого вынести, — он вытер слезу большим пальцем, его голос слегка надломился.

Я попыталась остановить их, но мои слезы лились быстрее, чем я могла справиться. Они хлынули откуда-то глубоко внутри меня, из секретного пруда, в котором скрывался монстр, созданный из моих самых темных страхов и неуверенности. Это держало Доминика на расстоянии вытянутой руки на случай, если он откажется от старых привычек, а меня швыряло к худшему сценарию развития событий при первых признаках неприятностей.

Я уткнулась лицом в грудь Доминика, мои плечи вздымались от рыданий.

— Я думала, ты забыл, — я икнула, униженная своими криками, но слишком потрясенная, чтобы обращать на это внимание.

— Я знаю, — он прижал меня ближе к своему телу и прижался губами к моей макушке. — Мне очень жаль, что я не ставил тебя на первое место раньше. За то, что я обращался с тобой так, что ты думала, что я тебя забуду. Это было непростительно, но я больше никогда этого не сделаю, — искренность смягчила болезненное сожаление. — Я обещаю.

Прогремел гром, когда он обнял меня, не дрогнув под силой моих рыданий. Буря утихла, и свирепые удары дождя по окнам служили странно успокаивающим саундтреком, в то время как природа и я оба выплескивали свои эмоции в проливных дождях.

Доминик ушел с работы посреди исторической многомиллиардной сделки. У него было меньше семидесяти двух часов на заключение сделки, и он взял отгул ради меня. Для кого-то это был самый минимум, но для него — для нас — это было все. Не имело значения, что сделка не состоялась или что он пропустил настоящую вечеринку; что имело значение, так это усилия и забота.

Я не знала, как долго мы оставались там, мое лицо прижималось к его груди, а его руки обнимали меня за талию, но к тому времени, как мои слезы утихли, дождь сменился слабым морозящим дождем.

Я подняла голову и вытерла лицо.

— Для протокола, — сказала я. — Твое единственное приемлемое оправдание пропуска важных событий в будущем — это то, что тебя держат под прицелом.

Плечи Доминика расслабились, и сквозь хриплый смешок хлынуло облегчение.

— Принято к сведению, — сказал он, нежно поцеловав меня. — Хотя я надеюсь свести подобные инциденты к минимуму.

— Я тоже, — я ответила на поцелуй, тепло распространилось из моей груди осторожными, извилистыми щупальцами.

Я сомневаюсь, что мы в последний раз видели его брата и того, кто нанял его, чтобы уничтожить выкуп DBG, но мы разберемся с этим позже. А пока я решила насладиться нашим триумфом над первым реальным, конкретным препятствием в наших новых отношениях.

Что бы ни случилось, мы справимся. Вместе.

ГЛАВА 43

Доминик

Если в пятницу был бардак, то в понедельник было хаос.

Без федеральной помощи или капитала от моей отмененной сделки, DBG рухнул, вызвав шоковую волну в финансовом мире. Рыночные потрясения достигли головокружительных высот, и FDIC (Федеральная корпорация страхования депозитов) взялась разобраться с последствиями.

Настроение в офисе было мрачное. Если оставить в стороне далеко идущие последствия банкротства крупного банка, моя команда усердно работала над выкупом, и я свернул его без каких-либо объяснений или предупреждений. Я не мог рассказать им правду о своем решении, поэтому придумал оправдание по поводу управления рисками, на которую купилась только половина из них.

Это не сделало меня самым популярным человеком в офисе в тот день, но меня это не волновало. Я был не против быть злодеем, если это означало защиту людей, которых я любил.

— Это все, сэр? — спросила Кэролайн после нашего ежедневного брифинга. Она была достаточно профессиональна, чтобы не показывать свою злобу, но ее струйка просачивалась сквозь ее прямую, как шомпол, осанку и сжатый рот.

Я кивнул, отвлеченный входящим звонком от Кая. Я подождал, пока она уйдет, прежде чем ответить.

— Не говори мне, что на горизонте еще один крах банка.

— Не совсем, — сказал он. Его голос звучал так ошеломленно, что я инстинктивно выпрямился. — Проверь Твиттер. Это... черт, я никогда не видел ничего подобного. Это делает крах DBG похожим на детскую игру.

От нехарактерного для Кая сброса атомной бомбы у меня на затылке встали дыбом все волосы. Даже если бы Роман не убил меня, я мог бы умереть от передозировки адреналина еще до конца недели.

Мне не пришлось усердно искать, чтобы найти то, о чем говорил Кай. Это было по всему Твиттеру — и в Facebook, и в Reddit, и в Instagram, и в TikTok, и на всех других платформах для обмена информацией, о которых я только мог подумать.

Это был не официальный документ. Это был подписанный между двумя сторонами контракт на оказание услуг, в котором в мельчайших подробностях описывалось, как новый генеральный директор Sunfolk Bank нанял частную наемную компанию, чтобы уничтожить их конкурентов любыми необходимыми средствами.

Мартин Вэллгрю, Орион Банк. Официальный документ, DBG.

Черт возьми.

И вот так самый безумный понедельник за последние десятилетия стал еще более безумным.

Экспертам понадобилось всего несколько дней, чтобы проверить подлинность контракта. Название и данные компании наёмников были отредактированы, но это не имело значения. Потяните за одну свободную нить, и вся схема распутается.

Джек Беккер, генеральный директор Sunfolk Bank, недавно занял его место после смерти своего отца. Банк уже находился в тяжелом положении по сравнению со своими конкурентами, а безрассудный, импульсивный стиль управления Джека вырыл ему могилу еще глубже. Столкнувшись с огромным давлением со стороны совета директоров, требующего либо уйти в отставку, либо реорганизовать компанию, он выбрал третий вариант — уничтожать своих конкурентов до тех пор, пока Sunfolk не останется последним, кто останется в живых.

Это был невероятный, ошеломляющий план, взятый прямо из кино. Трудно было поверить, что кто-то в реальной жизни окажется настолько смелым или глупым, чтобы попытаться провернуть что-то подобное, но идиоты рождаются каждый день.

— Что такое? — Алессандра обняла меня сзади.

Мы вернулись со свидания ранее, и я проверил новости, пока она принимала душ.

Я покачал головой. Прошла неделя с момента утечки информации о контракте, и Роман снова исчез.

Я не знал, что заставило его отказаться от своей компании. Он был свободен после того, как убедил меня отказаться от выкупа DBG, но что бы это ни было, это сделало его мишенью номер один. Такие люди, как его бывший работодатель, не остановились бы, пока не выследили его, и я жил в страхе перед тем днем, когда его тело выбросит на берег или, что еще хуже, не найдется вообще.

— Я уверена, что с ним все в порядке, — мягко сказала Алессандра. — Он знает, как постоять за себя.

— Я надеюсь, что это так, — я повернул голову и нежно поцеловал ее. Я не знал, где Роман, но, по крайней мере, она была цела и невредима и была рядом со мной.

Я уволил свою старую охранную компанию и вместо этого нанял команду Кристиана Харпера. Перемена ждала давно, и за двадцать четыре часа его люди полностью обновили мой дом, офис и личную охрану. Алессандра все еще жила в своей квартире, поэтому мы учли и ее, и компанию Floria Designs.

Если старый работодатель Романа нацелился на меня из-за моего родства с ним, я был готов, хотя и надеялся, что этот день никогда не наступит. Если бы Алессандра пострадала

из-за меня, я бы себе этого никогда не простил.

Вечером того же дня, когда она крепко спала, я выскользнул из спальни, чтобы еще раз проверить новости. Это было непреодолимое влечение, от которого я не мог избавиться. Некоторые люди были зависимы от социальных сетей или видеоигр. Я пристрастился просматривать заголовки в поисках упоминаний о Романе.

Ничего.

Рельеф не успел полностью сформироваться, как знакомое кольцо прорезало срез.

Неизвестный абонент. В мою кровь прокатилась волна беспокойства.

— Привет? — Осторожность окутала мой голос. Звонивший мог быть одним из двух абонентов, и когда я услышал тихое дыхание на другом конце провода, покалывание облегчения ослабило кулак, сжимавший мое сердце.

Каким-то образом я знал. Мы не были братьями по крови, но некоторые вещи выходят за рамки кровного родства.

— Если я тебе понадобится, я здесь, — тихо сказал я. Чем дольше он разговаривал по телефону, тем выше был риск разоблачения. — Береги себя.

У него перехватило дыхание, а затем... ничего. Он повесил трубку.

— Все в порядке? — сонно спросила Алессандра, когда я вернулся в спальню. Она спала чутко, и звук закрывающейся двери, должно быть, разбудил ее.

— Да, — я забрался на кровать и провел губами по ее лбу. Роман рисковал своей жизнью, обращаясь к нам, но позаботился о том, чтобы я знал, что с ним все в порядке. Возможно, я оказал ему медвежью услугу, недооценив его. Он выжил, мы оба выжили. — Все идеально.

ГЛАВА 44

Алессандра

Три месяца спустя

— Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

— Да. *Идти*, — Дженни отмахнулась от меня. — Это твой день рождения. Веселись! Обещаю, что не подожгу магазин.

— Это не смешно после несчастного случая с железом.

Вина отразилась на ее лице.

— Это была одна ошибка, ясно? Я усвоила урок. А теперь иди и проведи день со своим горячим парнем, иначе следующий инцидент с железом не будет «происшествием».

— Отлично. Выкрутите мне руку. Предоставьте мне нанять кого-то, кто угрожает собственному боссу, — добродушно пробормотала я, выходя.

Дженни была одной из моих виртуальных помощниц до того, как переехала в город, чтобы быть ближе к своей семье. Нанять ее, чтобы она помогала мне управлять магазином, было несложно.

Несмотря на мое нежелание оставлять ее одну в начале выпускного сезона (засушенные цветы были удивительно популярным подарком на выпускной), мои опасения растаяли при виде Доминика, ожидающего меня на тротуаре.

Он прислонился спиной к машине, выглядя так, будто сошёл с обложки GQ в джинсах и серой рубашке на пуговицах с закатанными рукавами. Темные очки скрывали его глаза, но его медленная улыбка согревала каждый дюйм моего тела.

— Посмотри на себя. Теперь, когда ты владелец банка, чувствуешь себя шикарно, да? — дразнила я. Он редко ездил на своем «Порше» по городу, но видеть его впереди, рядом или за рулем оказывало нечестивое воздействие на мое либидо.

— На самом деле так и есть, — от его грубого растягивания слов у меня пробежала дрожь от головы до пальцев ног.

Со вчерашнего дня Доминик — точнее, компания Доминика — официально стала новым владельцем Sunfolk Bank. Учреждение, которое было ответственно за столь большую часть беспорядков своих конкурентов, само попало в горячую воду за последние три месяца. Утечка контракта была лишь верхушкой айсберга, после ареста и задержания генеральный директор был найден мертвым в своей камере в результате «нераскрытого инцидента». Все подозревали нечестную игру, но никто не мог ничего подтвердить.

С тех пор Sunfolk пережила двух генеральных директоров и несколько отставок в совете директоров, прежде чем вмешался Доминик. Он сделал им предложение, от которого они не смогли отказаться и приняли его, и он закрепился в корпоративной истории.

Он все еще беспокоился о своем брате и был параноиком по поводу того, что бывший работодатель Романа преследует нас, но у нас еще не было никаких проблем. Думаю, Доминик понял, что не может всю жизнь оглядываться через плечо, поэтому успокоился, постоянно проверяя и настаивая на том, чтобы мы посещали только безопасные места.

Я последовала за ним к пассажирскому месту и скользнула на сиденье после того, как он открыл дверь.

— Итак, мистер Дэвенпорт, что вы планируете? — Я игриво выгнула бровь. — Я не ожидаю ничего, кроме самого лучшего, после того, как ты сегодня устроил шумиху.

В этом году мой день рождения выпал на среду, и Доминик настоял на том, чтобы мы взяли выходной на работе, чтобы мы могли «отпраздновать по-крупному».

Он ухмыльнулся.

— Не было бы сюрпризом, если бы я тебе рассказал, не так ли?

Он положил свою руку на мою и держал ее на центральной консоли, пока мы ехали по

городу. Я взглянула на его профиль, мое сердце было смущающе переполнено.

Мне было все равно, куда мы пойдём. Я была просто счастлива провести с ним день.

Мы с Домиником официально встречались, что было странно говорить, когда мы когда-то были женаты, но никто из нас не хотел торопиться снова вступить в брак, не уладив наши проблемы. И, по правде говоря, встречаться было *весело*. Никаких сложностей, никакого давления, просто наслаждение обществом друг друга.

Полагаю, было легче, когда ты знал, что другой человек — любовь всей твоей жизни, но, тем не менее, я хотела насладиться каждым шагом отношений 2.0.

Через полчаса мы прибыли в аэропорт Тетерборо, где на взлетной полосе нас ждал его самолет.

Любопытство вспыхнуло.

— Мы снова собираемся в Бразилию? — Мой брат был бы в восторге. Мы посетили его в прошлом месяце, чтобы отпраздновать его повышение в ресторане, и я подумала, что он был больше рад нашим возобновившимся отношениям, чем собственному карьерному росту.

В его глазах промелькнул озорной блеск.

— Нет. Это немного ближе к дому.

Он отвез нас в Вашингтон, город, где мы встретились, ходили на свидания и влюбились друг в друга. Город, в котором мы поженились и планировали отпраздновать десятилетнюю годовщину. В нем было так много наших воспоминаний, что выйти на его улицы было все равно что вернуться в прошлое.

Ностальгия усилилась, когда наш водитель высадил нас на первой остановке дня. Черный фасад. Кривой красный знак. Витрины с рекламой «лучших гамбургеров в городе». Некоторые вещи изменились, но это место так и осталось.

У меня перехватило горло от волнения. «У Фрэнки». Место, где мы проводили так много поздних вечеров и были украденные прикосновения все эти годы назад.

Я не ожидала, какое влияние это окажет на меня. Мы с Домиником не бывали в Вашингтоне много лет, поэтому я настояла на том, чтобы приехать на нашу годовщину. Это было так близко к Нью-Йорку, что поездки на выходные должны были стать обычным явлением, но ему всегда хотелось поехать куда-нибудь дальше, в более гламурное место.

Санкт-Мориц. Сен-Тропе. Сен-Бартс. Несмотря на то, что это значило для нас Вашингтон никогда не входил в его список, кроме работы — до сих пор.

— Именно так, как мы его оставили, — сказал Доминик. — С некоторыми улучшениями.

— Я надеюсь, что это так, — в моей груди зашуршал водянистый смех.

— Одиннадцать с половиной лет — это долгий срок, чтобы пройти без каких-либо изменений.

— Да, это долго.

Мягкое, молчаливое понимание соединило наши взгляды, прежде чем мы отвернулись. Наши пальцы переплелись, когда мы вошли в закусочную, достаточно знакомую, чтобы успокоить меня, но достаточно новую, чтобы бабочки порхали у меня в животе.

Мои любимые лимонные кексы «У Фрэнки», Тайер, Crumble & Bake, за которыми следовала прогулка по набережной Джорджтауна и бесцельное блуждание по новым районам и магазинам, появившимся после нашего отъезда... это было идеальное сочетание комфорта и новизны. Доминик не мог бы спланировать более идеальный день рождения.

— Боже, я скучала по этому городу, — я бы не стала здесь жить снова. Я переросла все, что мог предложить Вашингтон, как в личном, так и в профессиональном плане, но вернуться было все равно, что надеть любимую пару изношенных джинсов.

Доминик притянул меня ближе к себе и поцеловал в макушку.

— Мы можем приехать в любое время, когда пожелаешь.

Ближе к закату набережная была заполнена людьми. Студенты, супружеские пары и семьи толпились на скамейках, но мое внимание привлекла одна конкретная семья. Пара была молода, около двадцати пяти лет, и они выглядели блаженно счастливыми, воркуя с ребенком, сидящим на коленях у матери.

Страстное желание охватило меня с такой силой, что внезапно поставило в тупик.

Мы с Домиником не говорили о детях с тех пор, как договорились, что однажды захотим их оба. Это было в начале нашего брака. С тех пор многое изменилось, но я все еще хотела семью — с ним. Только с ним.

Доминик проследил за моим взглядом.

— Милый малыш, — сказал он тихо.

— Ага, — я сглотнула, ощутив острую боль. Он не заставлял меня идти дальше или быстрее, чем мне было удобно. Теперь мы были единственными друг у друга, но я подозревала, что он не был уверен, хочу ли я когда-нибудь снова выйти замуж. — Наши будут симпатичнее.

Его взгляд остановился на моем. Я могла видеть тот момент, когда смысл моих слов стал понятен, потому что его рот расцвел самой нежной, самой красивой улыбкой, которую я когда-либо видела.

— Да, *amor*, — сказал он. — Они будут.

ЭПИЛОГ

Дневник

Четыре месяца спустя

Тем летом мы с Алессандрой съехались.

Она досрочно разорвала договор аренды, и я продал пентхаус в пользу особняка из коричневого камня, расположенного в самом сердце Вест-Виллидж. Он был массивным, четырехэтажным, с террасой на крыше и задним двором среднего размера (что на Манхэттене было роскошью), но атмосфера в нем все же была более уютной, чем в нашем старом доме.

Мы взяли с собой Камилу и остальную прислугу. Камила скептически отнеслась к переезду, но как только она увидела кухню, которая была даже больше, чем та, что в пентхаусе, она была полностью готова. Несмотря на ее первоначальное ворчание, я подозревал, что она была так рада, что мы снова вместе, что она бы это сделала. И переехала бы с нами в хижину в лес, если бы мы ее об этом попросили. Она относилась к Алессандре как к суррогатной дочери, и ее терпение к моим перепадам настроения, вызванным разводом, иссякло.

После того, как мы завершили строительство дома, мы с Алессандрой наняли консультанта по дизайну интерьера, но большую его часть украсили сами. Впервые я меньше беспокоился о покупке самых дорогих вещей и больше о том, что соответствует нашей жизни.

В нашем фойе красовались свежие цветы и изящные безделушки вместо бесценного, но несколько устрашающего мраморного бюста, за который я успешно торговался на аукционе Sotheby's, и Алессандра отговорила меня от строительства поля для мини-гольфа на заднем дворе просто потому, что я мог. Никому из нас даже мини-гольф *не нравился*.

К счастью, она согласилась на установку джакузи на крыше и строительство частного лифта. Было так много всего, от чего я хотел отказаться, когда дело доходило до роскоши.

Однако я также пожертвовал огромную сумму денег на создание и поддержание Стипендиального фонда Эрлиха в Университете Тайера. Стипендии, основанные на потребностях, будут предлагать полные поездки дюжине поступающих студентов каждый год, начиная с этой осени. Профессор Эрлих был страстным поклонником мини-гольфа, но я подозревал, что, если бы он был жив, стипендия ему бы понравилась еще больше.

Иногда я скучал по пентхаусу и тому, что он собой представлял — первому большому знаку того, что я его добился, чем бы он ни был, — но этот дом был для меня.

Этот дом был для нас, и пришло время сделать это официально.

— Дом? — Голос Алессандры доносился из глубины входа. — Ты дома?

— В саду! — ответил я. Пот залил мою ладонь, что было смешно. Я делал это раньше, но когда дело касалось Алессандры, каждый раз мне казалось, что все происходит впервые.

Я бы никогда не посмотрел на нее и не удивился бы тому, что она моя. Я бы никогда не подумал о том, как близко я был к тому, чтобы потерять ее, и не стал бы благодарить Бога, что она вернулась ко мне. Я бы никогда не поцеловал ее и снова воспринял бы эту возможность как должное.

Она появилась у задней двери, ее волосы блестели под пятном солнечного света. Тем утром она завтракала с друзьями, и ее щеки засияли румянцем.

— Без обид, детка, но я надеюсь, что ты больше не пытаешься работать в саду. — Алессандра закрыла за собой стеклянную дверь и посмотрела на свои любимые цветы. — Помнишь, как ты чуть не убил мою новоанглийскую астру?

Floria Designs процветала как в Интернете, так и в физическом магазине, а это означало, что ей требовалось больше товаров. Большую часть цветов для своего бизнеса она закупала у поставщиков, но также начала выращивать свои собственные цветы в саду, который мы разбили вместо поля для мини-гольфа.

Идея кафе и галереи/цветочного магазина имела огромный успех, и хотя я ненавидел постоянное присутствие Эйден в ее жизни (ни один домовладелец в Нью-Йорке не проверял своих арендаторов *так* часто без скрытых мотивов), мне нравилось видеть ее счастливой. Это была единственная причина, по которой я не выкупил его компанию. По какой-то причине Алессандра считала его другом и *не обрадовалась* бы, если бы я проделал этот трюк.

— Новоанглийская астра... она была фиолетовая или розовая? Я *шучу*, — я засмеялся над ее взглядом. — Я знаю, что лучше не прикасаться к твоим астрам снова. В мою защиту скажу, что ножницы соскользнули. Это был несчастный случай.

— Конечно. Спроси бедные цветы, не все ли им равно, — сказала она с игривым раздражением.

Моя ухмылка смягчилась и превратилась во что-то более легкое и простое. В эти дни улыбки приходили ко мне с большей готовностью, рожденные из тепла, которого не хватало большую часть моей жизни. Это было то чувство, которое смягчало мое разочарование, когда что-то шло не так на работе, облегчало мои шаги по дороге домой и окрашивало мир в яркие оттенки.

Одним ленивым субботним утром я лежал в постели, наблюдая, как Алессандра зевает и прижимается к моей груди, когда я наконец дал этому чувству название.

Удовлетворенность.

Независимо от того, сколько денег я потерял или заработал за один день, в глубине души я был счастлив, потому что передо мной было все, что мне нужно.

Мысли об Эйдене, Floria Designs и остальном мире исчезли, когда этот момент ударил меня, как товарный поезд.

Это было оно. *Она* была этим. Какая-то часть меня знала это с той минуты, как я увидел ее много лет назад, но это ничуть не облегчало то, что я собирался сделать.

Не имело значения, что я потратил месяцы на планирование этого или что мы прошли через ад и добрались до другой стороны. Я хотел, чтобы это было идеально. Это было то, чего она заслужила.

— Говоря о цветах, у меня есть кое-что для тебя. — Когда я вручал ей золотую розу, мои нервы были словно колючки в животе. К стеблю была привязана крошечная белая записка.

Лицо Алессандры засияло, хотя я ежедневно дарил ей цветы.

— Мне было интересно, когда я получу обратный отсчет на день, — подразнила она. — Что произойдет, когда мы дойдем до тысячи?

Мне не нужно было думать, ответ был там все время.

— Тогда я начну обратный отсчет снова и снова, до конца нашей жизни. Потому что именно столько времени я хочу провести с тобой.

Выражение ее лица постепенно сменилось ошеломленной уверенностью, когда я упал на колени и достал из кармана небольшую бархатную коробочку.

Мое сердце бешено колотилось, когда пальцы дрожали вокруг нее. Я бы обнажился перед ней миллион раз, чтобы получить еще один шанс с девушкой, которая никогда не разочаровывалась во мне. Не имело значения, пытался ли я сдать экзамен в колледже или построить империю в ее честь, она всегда будет моей движущей силой.

— Алессандра, ты для меня самое главное. Быть твоим мужем всегда будет для меня величайшей честью и достижением. Никакая победа никогда не будет такой сладкой, как прикосновение твоих губ к моим. Я потерял тебя и не заслуживаю тебя, — я тяжело сглотнул, вспоминая то, что мы преодолели.

— Но я клянусь всегда слышать тебя сквозь шум своих амбиций. Мне всегда будет с тобой интересно. Ты показала мне ценность постоянного обучения, роста и заботы, и я никогда не любил тебя больше, чем в этот момент. Наблюдение за тем, как ты выбираешь себя, а я этого не делал, всегда будет напоминать мне о твоей невероятной силе и о том, какая привилегия — называть тебя своей. Я хочу провести с тобой остаток своих ночей. Я хочу провести следующее десятилетие, работая над тем, чтобы стать тем мужчиной, которого ты всегда заслуживала. Я хочу, чтобы моя жажда была направлена на твою любовь, твой смех и нашу совместную жизнь. Я не вынесу разлуки с тобой. Пожалуйста, Але, ты станешь моей женой?

Тихий крик вырвался из ее горла. Глаза Алессандры замерцали, когда она произнесла одно слово, стоящее больше, чем любой из миллиардов на моем банковском счете.

— Да, — всхлипнула она. — Да, я буду твоей женой.

Надевать кольцо на ее палец было все равно, что вешать замок на место, но этот замок не был тюрьмой; это было обещание.

Ее губы встретились с моими с привкусом соли. Мы оба плакали, и я с твердой уверенностью знал, что никакая встреча или ужин никогда не будут иметь такого значения, как то, как ее радость окружала меня. Каждая жертва будет существовать как баланс любви и моих амбиций.

Я бы потратил всю жизнь на то, чтобы стать тем мужчиной, которым она всегда меня считала.

Александра

Наша вторая свадьба состоялась на крыше с видом на город. Мы посетили десятки заведений, прежде чем остановились на этом. Это было идеальное сочетание причудливости и роскоши, и оно ощущалось неопишимо больше, чем традиционная церковная свадьба, положившая начало нашему первоначальному браку.

В первый раз мы сделали то, что должны были. На этот раз мы сделали то, что было правильно для нас.

На мероприятии присутствовали почти все наши друзья и родственники, включая мою мать, которая, к моему удивлению, появилась с тем же мужем, что и в последний раз, когда я видела ее. Бернард, должно быть, делал что-то правильно; возможно, четвертый раз был прелестью.

Даже Эйден присутствовал с красивой помощницей юриста, с которой он начал встречаться два месяца назад. Наши отношения были строго платоническими, и, несмотря на подозрения Доминика по поводу дружелюбия другого мужчины — очевидно, ему было трудно поверить, что арендодатели могут быть, ну, в общем, полезными, — Эйден явно был без ума от своей новой девушки. Он весь вечер не сводил с нее глаз.

Единственным пропавшим без вести был Роман. Доминик ничего о нем не слышал с момента его внезапного исчезновения после утечки контракта, в результате которой был свергнут старый генеральный директор Sunfolk. Он мог быть либо мертв, либо загорать на отдаленном острове в Тихом океане. Никто не знал, и даже деньги и связи Доминика не смогли выяснить местонахождение его брата.

Я могла сказать, что неопределенная судьба Романа беспокоила его, но всякий раз, когда я спрашивала его об этом, он просто говорил, что Роман может позаботиться о себе.

Я больше не стала давить на Доминика по этому поводу. Возможно, однажды его брат появится снова. А пока жизнь продолжалась.

— У тебя был отличный год, не так ли, дорогая? — мать цокнула языком, вытаскивая меня из моих своенравных мыслей. — Свадьба, развод, *еще раз* свадьба. Да ведь ты даешь мне возможность побороться за мои деньги!

Марсело фыркнул и быстро перешел в кашель, когда она взглянула на него. Бернард был занят на шведском столе, так что нас было только трое.

— Я не думаю, что кто-то сможет составить тебе конкуренцию в этом деле, мам, — сухо сказала я.

— Шшш, — она побледнела. — Что я тебе говорила о том, чтобы называть меня так публично? *Мама* звучит так старо. Обращайтесь ко мне как Фабиана. Таким образом, мы звучим как лучшие друзья, которыми мы и являемся, — она похлопала меня по руке.

— Матери и дочери всегда самые лучшие... ох! Я вижу Аяну. Интересно, она заказала обложку Vogue? — Она улетела, забыв наш разговор.

Я полагаю, что мой брак с миллиардером был не таким захватывающим, когда упомянутый миллиардер уже был ее зятем. В противном случае моя мать кричала бы с крыши — в буквальном смысле — о том, как ее дочь заполучила Доминика Дэвенпорта.

— Эй, по крайней мере, она появилась, — сказал Марсело после ее ухода. — Это

победа, — он подошел ближе и поцеловал меня в щеку. — Я знаю, что уже говорил это, но поздравляю. Приятно снова иметь зятя. Того самого. *Снова*. — Он засмеялся, когда я слегка шлепнула его в живот. — Серьезно, я рад за тебя и Дома. Вы, ребята, всегда были созданы друг для друга. Тебе просто нужно было... сначала сделать крюк.

Мой брат мог быть идиотом, но иногда он обронял жемчужину истины.

Доминик и я провели первую половину приема, приветствуя и общаясь с гостями. Я уже забыла, сколько времени женихи и невесты проводили с другими людьми во время своих свадеб.

На мероприятии присутствовала половина клуба Вальгаллы, включая вечно устрашающего, но странно интригующего Вука Марковича, от которого я еще не слышала, чтобы он говорил ни на одном языке. Он пожал нам руки в очереди на прием и тут же исчез.

Ксавье Кастильо тоже был здесь, он выглядел потрясающе в черном костюме. В настоящее время он бездельничал в кресле с напитком в руке, а другой рукой обхватил плечи хорошенькой брюнетки. Без галстука, без пиджака, с расстегнутым воротником и с веселым взглядом, когда Слоан прошла мимо него, не удостоив его взглядом. Он был категорически против дресс-кода, но был настолько очарователен, что никто его не критиковал.

Тем временем Данте и Вивиан пришли со своей очаровательной новорожденной дочерью Жозефиной, или сокращенно Джози, которая была предметом внимания многих гостей. Вивиан была моей подружкой невесты вместе с Изабеллой и Слоан, поэтому большую часть вечера Данте заботился о ребенке. Видя, как крупный, грубоватый генеральный директор тает от любви к своей дочери, я растаяла, потому что не могла перестать представлять Доминика на его месте.

Кстати говоря...

— Скажи мне, почему мы снова пригласили так много людей, — сказал он, когда мы наконец улучили минутку побыть наедине. — Я даже не знаю, кто половина из них.

— Дом, ты проверил весь список.

— Я, должно быть, потерял сознание во время этой части, потому что... — он прищурился на выдающегося седовласого джентльмена у бара, — ...кто *это*, черт возьми?

Я скрыла неудержимый смех.

— Он вице-президент Sunfolk Банка.

Доминик уставился на него.

— Христос. Мне нужно выпить, — он покачал головой, его раздражение сменилось печальной улыбкой. — Прости, *amor*, но если мне придется поговорить еще с одним человеком вместо того, чтобы танцевать с тобой...

— Все нормально. Я тебя понимаю, — мой желудок затрепетал, когда он схватил два бокала шампанского с подноса проходящего мимо официанта и протянул один мне.

Вот и все.

— Нет, спасибо.

Его брови взлетели вверх.

— Ты уверена? Ты не пила весь вечер.

— Я уверена, — трепетания превратились в полноценные удары ногами. — На самом деле, я не буду употреблять алкоголь в течение следующих восьми месяцев.

Бокал Доминика замер на полпути к его губам. Он медленно опустил его, выражение его лица постепенно сменилось с растерянности на ошеломленную веру.

— Ты...

Я кивнула, не в силах сдержать улыбку *или* нервозность.

— Я беременна.

Я полностью украла метод Вивиан сообщать новости, но к черту. Если это сработало, то это сработало.

Звук бьющегося стекла привлек испуганные взгляды гостей, но нас это не волновало.

Полусмех-полурыдание вырвалось наружу, когда Доминик обошел бокалы с шампанским и подхватил меня на руки. Потом он поцеловал меня, и мы вместе смеялись и плакали.

Я не планировала рассказывать ему о своей беременности во время нашей свадьбы. Это был уже достаточно большой день, но я чувствовала, что это правильное время.

Счастье снова нашло меня. Я нашла себя, а Доминик нашел радость в вещах, выходящих за рамки его неустанных амбиций. Никогда в нашей совместной жизни я не думала, что увижу его без морщин от беспокойства, что все исчезнет, а скорее с морщинами вокруг глаз от смеха.

Когда его взгляд встретился с моим на крыше, я поняла, что всегда буду его.

Самое главное, я знала, что он всегда будет моим. Он то тут, то там пропускал ужин, но всегда приходил домой с желанием нашего брака. Он никогда больше не будет человеком, который не проявляет заботы и любопытства. Я никогда больше не буду женой, которая притворяется.

Мы были честными и открытыми, и сегодня мы действительно любили друг друга больше, чем в тот день, когда впервые поженились.

В наших сердцах были шрамы, которые никогда не исчезнут, но они также светились и росли с каждым новым днем, который приходил к нам.

КОНЕЦ

Дорогие наши читатели, спасибо вам, что читаете наши переводы, мы это ценим

Если у вас возникли вопросы или пожелания — свободно пишите на канал t.me/ecstasybooks

